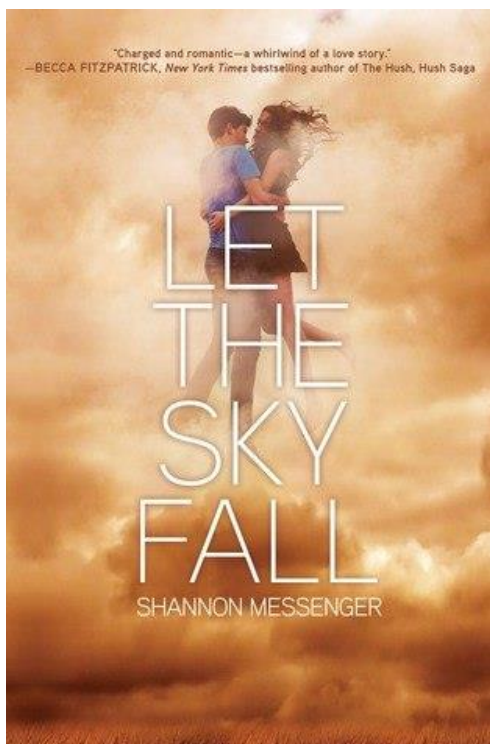

«Пусть небеса падут» Шеннон Мессенджер

Автор: Шеннон Мессенджер

Оригинальное название: Let the Sky Fall

Название на русском: Пусть небеса падут

Серия: Sky Fall/Павшие небеса, #1

Перевод:

maryiv1205, Letty2012 629, Kristinka227, kira_me,
Uljan4ik, nasya29, Lina_Belskaya, Tarkata,
zama95, MatH, shepelevazheniya, NDoobshikoVa

Главный редактор: Надюшка Леди

Оформление: Надюшка Леди

Переведено специально для группы <http://vk.com/club43447162>

Любое копирование без ссылки на группу ЗАПРЕЩЕНО!

Пожалуйста, уважайте чужой труд

Аннотация

Семнадцатилетний Вейн Вестон понятия не имеет, как пережил пятибалльный торнадо, в результате которого погибли его родители. Он понятия не имеет, существует ли на самом деле та красивая темноволосая девушка, которая посещает его сны каждую ночь с начала бури. Но он надеется, что она реальна.

Семнадцатилетняя Одри является сифидой воздушных стихий. Она ходит по воздуху, понимает манящие песни ветра и может превратить воздух в оружие. Она – хранительница Вейна и поклялась защищать его любой ценой. Даже если для этого придется пожертвовать своей жизнью.

Из-за небрежной ошибки они привлекают внимание опасного врага, уничтожившего их семью, и Одри вынуждена помочь Вейну вспомнить, кем он является на самом деле. Он наделен даром управлять Западным ветром, тайный язык которого понятен лишь ему одному. Но возвращение памяти будет означать то, что Вейн вспомнит кое-что, что должен был забыть.

Однако наибольшую опасность для Вейна и Одри представляет не преследующий их могущественный враг, а вспыхнувшая между ними запретная любовь.

Глава 1

Вейн

Мне повезло остаться в живых.

По крайней мере, так все говорят.

Журналист местной газеты даже имел наглость назвать это чудом. Я был "Вейном Вестоном. Чудо-ребенком". Как будто то, что полиция нашла меня без сознания среди груды камней, можно было назвать великим событием.

"*Семья спасается во время торнадо*" - вот это было бы чудом. Но, поверьте мне, нет ничего "чудесного" в том, что семилетний ребенок остался сиротой. Нет, я очень рад, что остался в живых. Правда. Я понимаю, что не должен был выжить. И тут-то открывается обратная сторона "чуда", не самая приятная.

Ведь остался вопрос.

Тот самый неизбежный вопрос, что преследует меня в течение последних десяти лет моей жизни.

Как?

Как пятибалльный торнадо мог втянуть меня в свою воронку - можно сказать, мясорубку, созданную природой, - протащить более четырех миль и выплюнуть, оставишь лишь несколько синяков и царапин? Как такое возможно, когда тела моих родителей были искалечены до неузнаваемости?

Полиция не знает.

Ученые не знают.

Поэтому все они хотят получить ответ на этот вопрос у меня.

Но у меня нет ни малейших предположений.

Я ничего не помню. Ни тот день. Ни свое прошлое. Ничего.

То есть, ничего такого, что могло бы помочь ответить на этот вопрос.

Но я помню страх.

Помню ветер.

А затем... гигантский пробел. Пустота. Словно все воспоминания вышибло из меня, когда я грохнулся на землю.

Кроме одного.

Одного краткого воспоминания - хотя и в этом я тоже не уверен, может быть это лишь галлюцинация, вызванная сотрясением мозга.

Я помню лицо, смотрящее на меня сквозь хаос бури.

Лицо девушки. Темноволосой. С темными глазами. И как текущую по ее щеке одинокую слезинку подхватывает и уносит холодный ветер.

Эта девушка до сих пор преследует меня в моих снах.

Глава 2

Одри

Это была моя вина.

Я знала правила.

Знала, как опасно призывать ветер.

Но я не могла позволить Гэвину умереть.

Моя семья в то время отдавала каждую секунду своей жизни защите Вестонов. Постоянное беспокойство. Постоянный бег. Постоянное ощущение предстоящей бури за плечами. Мы скрывались в двух крошечных домишках в глуши. Ожидая. Наблюдая. Затаив дыхание. И висевший над нами страх был гуще облаков.

Я переживала тяжелейшие дни, найдя себе приют в кронах огромных раскидистых тополей. Балансируя высоко в их ветвях и ощущая кожей скользкий вокруг ветер, я отрешалась от мира и открывала сознание шепоту ветра.

Это было мое наследство.

Я никогда не разговаривала с ветром. Просто слушала его и изучала. Но песен ветра было недостаточно, чтобы заполнить одинокие дни. Так я обратилась к птицам.

Гнездо Гэвина было скрыто за тонкими ветвями на верхушке самого высокого дерева, надежно спрятанное от хищников. Но я была очень легкой и ловко забиралась по хрупкому стволу до гнезда. Внутри сидело три пушистых комочка. Тетеревятники, гордые и величественные, даже несмотря на пух и открытые в ожидании матери клювы.

Никогда раньше я не общалась с птицами самостоятельно. Мне всегда нужны были наставления мамы, чтобы птицы меня понимали, отвечали мне и доверяли. Но она была слишком занята Вестонами. И Гэвин был другим.

Он никогда не кричал и не дергался, как его братья и сестры, когда я приходила проведать гнездо. Он просто смотрел на меня своими большими немигающими глазами, словно провоцируя протянуть руку и взять его. Я приходила к нему каждый день, как только его мама улетала на охоту.

Я считала дни до его первого полета, разрываясь между возбуждением и страхом. Жажда запечатлеть момент, когда он вкусит свободу скольжения по ветру, но раздавленная мыслью потерять единственную компанию. Моего единственного друга.

Храбрый Гэвин должен был полететь первым.

Мое сердце замерло, когда он выпрыгнул из гнезда, пристально глядя оранжево-красными глазами на горизонт. Сосредоточенно. Решительно.

На секунду его крылья поймали волну ветра, и он победно закричал, ощущая стремительность полета. Затем порыв ветра выбил его из равновесия, и он начал падать.

Я бы с радостью сказала, что не успела ни о чем подумать. Что инстинкт взял верх, заставив забыть все доводы рассудка. Но я прекрасно понимала, что рискую.

Когда Гэвин падал, наши взгляды встретились, и я решила его спасти.

Я призвала ветер - впервые, никогда раньше я этого не делала, - обернула крошечное тело Гэвина порывом воздуха и опустила себе в ладони. Он прижался к моим пальцам так, словно знал, что я его спасла.

Я принесла его домой и показала отцу, не сказав, каким образом Гэвин ко мне попал. Я могла сказать это множество раз. Мама задавала кучу вопросов.

Все, что я должна была сделать - сказать правду.

Если бы я все рассказала, мой отец был бы жив.

Но я молчала, пока один из Буреносцев Райдена не нашел нас на следующий вечер и не скрутил три самых мощных ветра в непреодолимую воронку. Вот тогда стало слишком поздно.

Глава 3

Вейн

Три зимних месяца жизнь в Долине Коачелла не так уж и отстойная, а вот затем приходит жара и половина населения запрыгивает в роскошные автомобили или частные самолеты и сбегает в свои вторые, пятые и десятые дома, оставляя кучку стариков, парочку психов и остальных из нас за пределами загородных клубов в районах для бедняков.

Как это не прискорбно, но первый и единственный дом моей семьи застрял в Бермуда-Дюнс, Калифорнии - то есть, в самом жарком, чтоб его, месте планеты. Сегодня здесь 109° по Фаренгейту. В такие дни местные садятся кружком, обсуждая "славный перерыв в жаре", так как два дня назад было 126°. Но я ни фига не чувствую разницы. Я же не местный.

Я переехал в Калифорнию сразу после своего восьмого дня рождения, когда меня усыновили. И как уроженец Небраски - даже после девяти лет жизни здесь - при любой температуре выше 100° чувствую себя так, словно меня засунули в духовку. Все вокруг продолжают твердить, что я привыкну, но, клянусь, я чувствую себя все хуже и хуже, словно солнце выжигает все мои внутренности, и я медленно таю, и в конце концов от меня останется лишь лужица на земле.

В такие жаркие дни как сегодня я делаю все возможное, чтобы не вылезать из темной пещеры, которой зову свою спальню. И именно по этой причине я отказываюсь быть втянутым сегодня в одно из кошмарных свиданий, устроенных для меня Айзеком.

Есть еще одна причина, по которой я не хочу ходить на свидания, но я пытаюсь не думать о ней.

- Ну, соглашайся, дружище, - скулит Айзек, это уже третий его звонок за последние двадцать минут. - Обещаю, что все будет не так, как в прошлый раз.

Под "прошлым разом" он подразумевает тот раз, когда свел меня со Стейси Перкинс. Она оказалась вегетарианкой, что вообще-то здорово - это ее выбор, - вот только никто не сказал мне об этом, пока я не повел ее в Аутбэк стейк-хаус и она не спросила официантку, есть ли у них в меню что-нибудь "свободное от жестокости".

Дальше все пошло под откос. Особенно когда я заказал стэйк. Есть всего несколько вещей хуже, чем разозлившийся вегетарианец.

- Меня это не интересует, - отвечаю я ему, опускаю жалюзи и падаю на кровать. Раскинув руки я пытаюсь по максимуму охладиться под вентилятором. Поток воздуха приятнее, чем прохлада от кондиционера, приятнее даже прыжка с головой в бассейн. Такое ощущение, будто все мое тело, жаждет стремительного потока воздуха, ветра.

- Ну, пожалуйста. Ханна - двоюродная сестра Шелби, и они неразлучны с тех пор, как она приехала в город. Они уже срослись как сиамские близнецы. И это тянется три недели. Я с ними спячу.

- Сбагри ее кому-нибудь другому. Я не хочу застрять на еще одном дерьмовом свидании вслепую только для того, чтобы ты смог пообжиматься со своей подружкой.

- Ты же знаешь, что я сделал бы то же самое для тебя... если бы у тебя была подружка.

- Не начинай.

- Дружище, тебе семнадцать, а ты никогда не целовался с девчонкой. Да что с тобой такое?

Я ничего не отвечаю на это, потому что он прав. Для меня не проблема - пригласить девушку на свидание и даже получить ее согласие в ответ. Но все встречи с девчонками заканчиваются плачевно. Если я не порчу все сам, то обязательно случается что-то неприятное. На их одежду проливаются напитки. На их волосы гадят птицы. Такое ощущение, что я проклят.

- Ну же, Вейн! Не заставляй меня умолять, - просит Айзек.

Мне хочется отшить его. Последнее, что мне сейчас нужно - унижение на свидании. Но он мой лучший друг.

Поэтому нацепив наименее мятую футболку и полив свои короткие темно-каштановые волосы водой, я час спустя вынужден проводить время в компании "Ханны из Канады", даже не улыбнувшись в ответ на то, как я срифмовал ее имя. Она успела пожаловаться на жару как минимум десять квадрилионов раз. И это притом, что мы встретились всего лишь пятнадцать минут назад.

- Пойдем в Фабрику Чизкейка или Ярд Хаус? - спрашиваю я, указывая на огромные рестораны, возвышающиеся над мелкой искусственной рекой, вдоль которой мы идем.

Эта место служит "приманкой для туристов", хотя мне невдомек, чем их может привлечь искусственная река и несколько ресторанов. Особенно когда на улице так жарко, что любой здравомыслящий человек вообще не высунет нос из дома. Моя футболка уже прилипла от пота к спине, а мы всего лишь прошли от парковки до торгового центра. Ни малейшего ветерка, чтобы хоть как-то нас охладить.

Вытерев со лба капельки пота, Ханна поворачивается ко мне.

- Я не люблю чизкейки, поэтому может, пойдем в Хаус?

Я кусаю губы. В Фабрике подают не только чизкейки, но я не в настроении спорить.

- Идем.

Кондиционер обдувает нас, как только мы входим в переполненный ресторан, и мы с Ханной одновременно облегченно вздыхаем.

Мы оба расслабляемся. Тому, кто изобрел кондиционер нужно вручить нобелевскую премию. Бьюсь об заклад, что на Ближнем Востоке настали бы мир и спокойствие, если бы всех там снабдили кондиционерами - они бы тогда все охлаждались, время от времени и горячку не пороли. Нужно послать e-мейл в ООН с этим предложением.

Хозяйка ведет нас к кабинке, в которой могло бы поместиться шесть человек. Но романтики тут не светит ни в одной из кабинок - с такой-то громко играющей музыкой, спортивными играми и криками болеющих за свои команды парней за барной стойкой. Собственно поэтому-то я и предложил пойти в этот ресторан. Может быть, если наша встреча не будет походить на свидание, никаких неприятностей не произойдет.

- Похоже, у тебя есть фанатки, - говорит Ханна, показывая на трех девушек, сидящих в нескольких столиках от нас. Все три краснеют и начинают шептаться, когда я перевожу на них взгляд.

Я пожимаю плечами.

Ханна улыбается, сверкая прямыми белыми зубами. Ее стоматолог должен гордиться собой.

- Айзек сказал, что ты скромный. Теперь я понимаю, что он имел в виду.

- И что же он имел в виду? - спрашиваю я, подражая ее произношению.

- О, мне был интересно, когда начнутся подколы по поводу моего произношения.

- Хей, да я проявил необыкновенную сдержанность, оставив, по крайней мере три или четыре "эс" без комментариев.

Она бросает в меня пакетик сахара.

Я сыплю канадскими шуточками, пока официантка не подходит взять у нас заказ, и чувствую облегчение, когда Ханна заказывает чизбургер. Ненавижу девушек, которые не хотят, есть при парнях, словно боясь, что они покажутся нам толстыми только потому, что мы увидим, как они кладут еду себе в рот. Ханна не такая. Она уверена в себе. Она не самая красивая девушка в зале, но очень милая. Персиковая кожа, розовые губы, густые волнистые светлые волосы. Уверен, немало парней с радостью бы поменялись сейчас со мной местами.

Проблема в том, что она не моего "типа". Айзек говорит, что я чересчур привередливый, но он просто не понимает. Если честно, я сам этого не понимаю. Но получается так, что я каждую девушку машинально сравниваю кое с кем другим. Это глупо и ненормально, но я ничего не могу с собой поделать.

Но вот мы едим наши бургеры и пьем газировку, в которой больше льда, чем самого напитка - это наш фирменный пустынный стиль, - объясняю я Ханне, - и вдруг ошеломленно понимаю, что наслаждаюсь нашей встречей. Мне нравится смех Ханны и ее улыбка, и то, как она заправляет волосы за уши, когда заливается румянцем.

А потом я вижу её.

Темные волосы.

Темные глаза.

Темная куртка.

Она прислонилась к барной стойке в центре ресторана, и я вижу лишь часть ее лица. Мне приходится закрыть и снова открыть глаза, чтобы убедиться в том, что это не обман зрения.

Нет, я совершенно точно вижу ее. Пусть ее волосы скручены в тугую замысловатую косу, но это она.

Девушка чуть поворачивается, и наши глаза встречаются. Мое сердце стучит так громко, что заглушает все остальные звуки. Есть только я и она.

Соединенные взглядами.

Прищурив глаза, она качает головой, как будто пытается мне что-то сказать.

Но я понятия не имею, что именно.

- Вейн? - спрашивает Ханна, и я так резко подсакиваю на стуле, что чуть не вываливаюсь из кабинки. - Что с тобой? Выглядишь так, словно привидение увидел.

Она смеется, но я не улыбаюсь. Она не так уж далека от истины.

Проследив за моим взглядом, Ханна хмурится.

- Ты... знаешь ее?

Так значит, она тоже ее видит.

Она реальна.

- Извини. - Я вскакиваю на ноги до того, как она успевает хоть что-нибудь сказать.

Официантка, ведущая мимо нашей кабинки группу людей, перекрывает мне путь к барной стойке, и я собираю всю свою волю в кулак, чтобы не отшвырнуть их с дороги. Как только освобождается проход, я бросаюсь вперед, но девушки уже нет.

Я несусь к двери, не обращая внимания на крики Ханны, не обращая внимания на то, как все пьются на меня, не обращая внимания на встретившую меня за дверью ресторана жару. И... ничего не нахожу.

Кругом никого - в том числе и красивой, темноволосой девушки в куртке.

Лишь обжигающий пустынный ветер и пустой двор.

Мои руки сжимаются в кулаки.

Она была там.

Но как это возможно?

И как она могла так быстро уйти?

Я сжимаю переносицу, пытаюсь утихомирить бешеный поток мыслей в голове. И все еще не уцепился ни за одну из них, когда слышу за спиной тихие шаги.

- Мне пришлось оплатить чек, чтобы они не подумали, что мы сбежим, не заплатив... поэтому я не сразу пошла за тобой. - Ханна избегает моего взгляда. - Я даже не знала, найду ли тебя здесь.

Густой июньский воздух застревает в горле, не давая ответить. Солнце село, но температура упала всего на несколько градусов. И я стою как пень, слушая поющих среди деревьев цикад и пытаюсь придумать, как объяснить или извиниться за свое поведение.

- Я верну тебе деньги. - Лучшее, что приходит мне на ум.

Ханна поворачивается к автостоянке.

- Думаю, нам лучше уехать, да?

Тишина гудит от несказанных нами слов.

Ну вот серьезно, почему мои свидания всегда что-нибудь портит?

Я так и не решил, как исправить вечер, когда мы подходим к моему белому автомобилю. В нем не на что смотреть, но у него есть рабочий кондиционер, а это для меня главное. Я открываю дверь для Ханны, надеюсь, что докажу

этим, что я не полный псих. Но ее это, кажется, не впечатляет. И я ее за это не виню.

Дорога назад - просто пытка. Никогда не замечал, как много шума издает моя машина, но у меня никогда не было и такого тихого пассажира. Еще я никогда не замечал, как много светофоров на 111 шоссе. Это главная дорога, соединяющая все города пустыни. Так что светофоры тут стоят на каждом долбаном участке. И, конечно же, сегодня вечером они все горят красным. Спасибо тебе, вселенная.

На полпути к дому, когда мы только начинаем проезжать вереницу "дешевых городов" долины, Ханна наконец говорит:

- Ты собираешься рассказать мне, что случилось?

Я вздыхаю.

- Мне показалось... я увидел знакомую. - Это прозвучало отстойно даже для меня самого.

- Ты с ней встречался?

Ха! Если бы.

К счастью, я не говорю этого вслух. В голосе Ханны слышалась боль.

Но приятно знать, что Ханна тоже видела ее, хотя я сам не понимаю, что это означает.

Я смотрю на темную, пустую дорогу.

- Это не то, что ты подумала. Я бы не...

- Что? - спрашивает она, когда я замолкаю.

Я отрываю взгляд от дороги, чтобы посмотреть на нее.

- Я бы никогда не побежал за красивой девчонкой, когда я с другой... Я это не к тому, что она красивая. То есть, да, она красивая, но... дело совсем не в этом.

- А в чем?

Если бы я знал.

- Она просто... девушка из моего прошлого.

Это не ложь, но и не правда. Она не просто какая-то девушка. Она - та самая девушка. Та, что снится мне с того самого дня, как я очнулся среди обломков и весь мой мир развалился на части. Она - мой ключ к прошлому.

Единственная, кого я вижу, закрывая глаза.

Она выросла в моих снах. Росла вместе со мной. И вот это больше всего сбивает меня с толку. В каких снах такое может происходить? И когда это девушки из снов разгуливали по ресторанам?

И сны... они безумно яркие. Каждую ночь эта девушка словно присутствует в моей комнате, наклоняется ко мне, смотрит на меня своими темно-синими, почти черными глазами. Ее длинные темные волосы щекочут мою кожу. Ее губы издают тихие и непонятные звуки. Но, проснувшись, я снова остаюсь один. И рядом никого - лишь тишина и легкий ветерок, хотя мои окна плотно закрыты.

Все это звучит так, будто я псих.

Но я не псих.

Я не знаю, как это объяснить, но постараюсь с этим разобраться.

Я поворачиваю на улицу, где живет Шелби, ища ряд серых одноэтажных

домов в стиле Пуэбло. Округлая архитектура могла бы выглядеть клевой, если бы ее не окружали нормальные здания с плоской крышей. Такое ощущение, словно никто не мог решить, что здесь построить.

Перед домом Шелби стоит старенький пикап Айзека, поэтому я отключаю мобильный. Он не обрадуется тому, что я привез Ханну так рано.

Ханна берет свою сумочку, когда я притормаживаю и останавливаюсь. Но я не открываю ее дверь - не могу позволить, чтобы этот вечер закончился так.

- Мне очень жаль, - говорю я, осознавая, что никогда не извинялся. - Я хорошо провел время до того момента, как все испортил.

- Я тоже. - Она убирает прядь волос за ухо.

Она выглядит такой незащитной. Такой ранимой. Она так сильно отличается от преследующей меня во снах девушки.

Возможно, Ханна прогонит ее.

Я должен покончить со своей навязчивой идеей прежде, чем она разрушит мне жизнь.

Несколько июньских жучков... самых дурацких жучков на планете... бьются в ветровое стекло, разбивая тишину между нами. Я принимаю решение.

- Могу ли я... Есть ли у меня шанс все исправить? - спрашиваю я, игнорируя голос у себя в голове, умоляющий меня дать Ханне уйти.

На ее губах появляется легкая улыбка.

- Может быть, есть. Но только если ты пообещаешь, что больше не будет никаких канадских шуток.

- Оу, ну хотя бы одну-то можно будет рассказать, а?

Она смеется. Хотя ее смех звучит немного принужденно, я понимаю, что все налаживается. Я должен вести себя идеально, если хочу все исправить. И меня удивляет то, насколько сильно я хочу, чтобы у нас все было хорошо.

Я не хочу быть сумасшедшим парнем, гоняющимся за таинственной девушкой. Я хочу быть нормальным парнем, общающимся со своими друзьями и закрутившим роман с очаровательной девушкой из Канады.

Поэтому я выхожу из машины и провожаю Ханну до двери дома. Вязкий воздух липнет к коже. Над крыльцом горит лампочка, в кустах щебечут сверчки, над головой порхают бабочки. Наши с Ханной взгляды встречаются.

Я не знаю, что написано на моем лице, но выражение лица Ханны говорит: почему бы и нет?

Не могу с этим не согласиться. Пришло время взять под контроль свою жизнь.

Я шагаю к Ханне, и желудок делает кульбит, а во рту появляется привкус горечи. Это только оттого, что я нервничаю, - пытаюсь убедить я себя. Не хочу чувствовать себя виноватым за то, что изменяю девушке, которую никогда не встречал. Девушке, в реальности которой я даже не уверен.

Моя рука ложится на щеку Ханны, прохладную после кондиционера в машине. Ханна закрывает глаза, и, прикрыв свои, я наклоняюсь к ней, почти не веря в то, что наконец-то делаю это.

Но за долю секунды до соприкосновения наших губ, я слышу громкое шипение, и между нами врывается ледяной ветер.

Ханна вынуждена сделать шаг назад, когда свирепый порыв ветра оплетает

ее волосы и дергает назад. Я пытаюсь дотянуться до Ханны, но ветер отталкивает меня с такой силой, будто хочет отпихнуть и оттащить от нее. Я наклоняюсь вперед, борясь с ним, но меня чуть не сбивает с ног новым порывом. Такое ощущение, словно ветер ожил и бушует только вокруг Ханны и меня, ведь пальмы рядом даже не шелохнутся.

И только мне приходит мысль, что страннее уже ничего быть не может, как прямо в голове раздается знакомый голос:

"Иди домой, Вейн".

Я оглядываюсь, пытаюсь разглядеть в темноте и кружении поднявшегося песка, где прячется девушка. Но улица пуста. Здесь только я и Ханна, все еще сражающаяся с сумасшедшим ветром, оттаскивающим ее от меня.

- Я зайду в дом, - кричит Ханна, протирая глаза от песка.

- Хорошо, - кричу я в ответ, беспомощно глядя на то, как она отворачивается от меня. - Я тебе позвоню.

Она не оборачивается, не услышав меня.

Ветер уносит мои слова прежде, чем они достигают ее. И через секунду ее уже нет.

Глава 4

Одри

Я пожертвовала десятью годами жизни ради этой работы.

Готовилась физически. Душевно. Эмоционально.

Отказывалась от еды и сна. Страдала час за часом под безжалостным солнцем пустыни. Жила в полной изоляции. Взяла на себя унижительную задачу быть наставницей упрямого и невежественного мальчишки, восстающего против всего, что имеет реальное значение.

А теперь он добился того, что нас обоих, возможно, убьют.

Но я в этом виновата не меньше его.

Я снова слишком громко призвала ветер. И снова выдала нас.

Северный ветер был слишком далек, чтобы призвать его шепотом. Мне пришлось кричать. И значит, в воздухе остался след моего призыва, так же, как и след Вейна. И нет ни малейшего шанса на то, что Буреносцы не прощупают пришедший из жаркой долины холодный ветер. И тогда, все, проверив, они, в конце концов, придут за нами.

Мир начинает вращаться, и я делаю глубокий вдох.

Я не позволю, чтобы это снова случилось.

Я могу остановить их. Могу запутать наши следы.

А после разберусь с Вейном.

Он уезжает на своей белой дымящей машине. Мои ноги дрожат, когда я выхожу из теней и обвожу взглядом улицу в поисках темной фигурки, которая, я знаю, сидит где-нибудь поблизости на крыше. Я вытягиваю вперед левую руку, и маленькая тень падает вниз, хватаясь за рукав моей куртки когтями. Гэвин делает, это молча, он знает, что кричать нельзя. Мы должны быть невидимы и неслышны.

Это Вейн виноват, что мы себя выдали. Ему еще повезло, что я с ним мягко

обошлась. Он понятия не имеет, с чем играет. Но очень скоро это узнает. Я поглаживаю мягкие серые перья на шее Гэвина, пытаюсь унять панику, давящую на грудь и не дающую дышать.

- Лети домой, мальчик, - шепчу я. - Я присоединюсь к тебе, как только смогу.

Оранжево-красные глаза Гэвина встречаются с моими. Я знаю, он понимает, что я ему говорю. Он распрямляет крылья и, мощно взмахнув ими, взмывает в небо. Я завидую его легкому полету. Мне для полетов требуется гораздо больше усилий.

Отступив в тень, я ощупываю пальцами воздух, ища ветерок, которым можно будет замаскировать оставленные нами следы.

Ничего. Придется подождать.

Периодическая неподвижность воздуха в этом месте все равно что черная дыра, высасывающая мою энергию, мои возможности и мое душевное равновесие. Если бы воздух не был так неподвижен чуть раньше, я бы успела испортить "свидание" Вейна вовремя. Мне бы не пришлось разгуливать среди ходячих по земле людей, чтобы его напугать. Не пришлось бы показываться ему. И не пришлось бы призывать северный ветер, чтобы не дать ему связать себя с той девушкой.

Мы бы все еще были в безопасности.

И, конечно же, если бы он не старался так упорно нарушить правила, я бы не заварила эту кашу.

Я обнимаю себя руками, чтобы успокоить дрожь. Так далеко Вейн еще никогда не заходил. Еще бы секунда и...

Глаза застилают слезы, когда я вспоминаю о том, как он стоит на крыльце, как касается ладонью ее щеки, как наклоняется к ней и как их губы сближаются.

Мне даже страшно подумать о том, что было бы, если бы я не остановила его.

Боль в челюсти дает мне знать, что я слишком сильно стиснула зубы. Я заставляю себя расслабиться. Хранитель ежесекундно должен быть спокоен и здравомыслящ - Силы Бури вбили это в меня. Подавление эмоций - ключ к успеху. Только так можно вынести полную самопожертвований жизнь.

К тому же... вины Вейна в произошедшем в принципе - нет. Он ничего не знает ни о законах, которые чуть не нарушил, ни об обязательствах, накладываемых одним-единственным поцелуем. Хотя я не раз предостерегала его разными знаками, он так ничего и не понял.

Но бессмысленно заикливаться на том, чего я не в силах изменить. Я знаю лучше, чем кто-либо, что прошлого не вернуть и не переделать. Остается только двигаться вперед.

Легкий ветерок щекочет мои пальцы. Восточный - наконец-то повезло.

Тихий, не оставляющий следа шепот подчиняет ветер моей воле и обволакивает им меня. Полностью опутанная легчайшим бризом, я выдыхаю приказ на языке восточного ветра, отдаваясь на волю его силы.

Поднимись.

Слово звучит шипением, и ветер тянет меня за собой.

Оседлав ветер, я чувствую себя почти свободной. Поднимаясь все выше и выше, зарываясь в небеса, я вижу свою жизнь четко ясно. Я вижу в ней смысл. Я никогда не смогу полностью контролировать ветер. Я могу призвать его, упротить, уговорить слушаться меня, но он не подчиняется мне и остается, волен делать все, что хочет. Хитрость заключается в том, чтобы слушать, что он говорит, и направлять его по мере необходимости.

Большинство призывателей могут контролировать ветер, как я, только в зрелом возрасте. Я слышу даже самый слабый шепот, чувствую малейшие изменения в воздухе, понимаю любые потоки и вихри и могу быстро подстроиться. Это был подарок моего отца. Он передал мне этот дар в тот день, когда возвратился на небо.

Ни на мгновение я не забываю о том, что не могу вернуть ему этот дар, как бы сильно этого не хотела.

На горизонте появляются темные горные пики, и я шепчу:

- Вниз.

Порыв ветра стремительно падает вместе со мной, и пальцы моих ног касаются земли. Я освобождаю ветер на бегу, и, отпустив меня, он уносится прочь, а я останавливаюсь на холодной скалистой земле горного хребта Сан-Бернардино.

Тут, наверху, такой чистейший воздух, такой шквалистый ветер! Я позволяю себе минуту насладиться порывистым дыханием ветра, помогающим восстановить силы. Воздушные потоки ласкают кожу, наполняют меня уверенностью и силой, которые может дать мне только моя стихия. Я бы могла стоять тут всю ночь, насыщаясь ею.

Но я должна выполнить свою работу.

Мне не по себе опять взывать к ветру в полный голос. Но в этом-то и смысл. Чтобы скрыть одну ошибку, нужно совершить другую.

Тем не менее, мой голос дрожит, когда я призываю северные шквалы со всех сторон горного хребта и приказываю им хлынуть в пустыню. Песчаные бури проносятся по сухим дюнам, повсюду оставляя мои следы.

Буреносцы не смогут определить наше местоположение, но они все равно будут знать, что мы здесь. И они не уйдут, пока не отыщут Вейна, разворотив по пути всю долину.

Сильнейший шквал дойдет до крепости Буреносцев к завтрашнему вечеру, а потом им потребуется целый день быстрого полета, чтобы долететь до этого региона. И еще один день они потратят на проверку ложных следов.

Что означает, что у нас есть три дня. Затем начнут гибнуть люди.

Сегодня вечером у Вейна должен произойти первый прорыв. Три дня должно хватить на то, чтобы научить его основам, к тому же я сама сейчас на пике силы, благодаря годам тренировок. Вместе мы сможем дать отпор.

Но есть лишь один способ убедиться, что прорыв произойдет.

При этой мысли во рту появляется привкус желчи.

Я обращаюсь к еще одному восточному ветру. Ладонь покалывает, когда я призываю стремительный воздушный поток и оборачиваю его вокруг себя. Его прохладное прикосновение смывает все страхи.

- Возвращайся, - говорю я так тихо, что ветер своим ревом заглушает

произнесенное слово. Он подхватывает меня и нежно несет вниз с горы, через иссохшие пустынные земли, ко мне домой.

Это не совсем дом, но я в нем все равно почти не живу. Я же должна выполнять свою работу.

Сегодня предстоит очень долгая ночь.

Глава 5

Вейн

Родители еще не спят, когда я прихожу домой. Ничего удивительного - сейчас только десять часов. Наверное, я единственный подросток в долине, который никогда не нарушает комендантский час.

Но я на сто процентов уверен, что на них не нападают появившиеся из ниоткуда ледяные ветры и они не слышат в их порывах свое имя. Руки покрываются мурашками при одной этой мысли.

Разберусь с этим позже.

Я нахожу маму в нашей захламленной розовой гостиной, читающей на крапчатом коричневом диване. В воздухе все еще витает соленый запах мясного рулета, и, бросив взгляд через мамино плечо, я вижу сложенные в кухонной раковине тарелки. Ну, здорово. Я вернулся до того, как она успела помыть посуду. Попадос.

Отец машет мне из гостиной, но не встает из своего потертого кожаного кресла. Он слишком поглощен одним из экстренных выпусков "Канала открытий" - понятия не имею, как он может такое смотреть, - чтобы пожелать услышать о постигшей его сына очередной свиданческой катастрофе.

Мама же, напротив, закрывает свою толстенную книгу, убирает длинные светлые волосы с лица и показывает, чтобы я сел.

Я не в настроении, чтобы болтать с ней, но понимаю, что если убегу в свою комнату, она придаст этому слишком большое значение. Моя мама чемпион по волнениям. С одной стороны, она довольна, что я сейчас не где-то там оплодотворяю какую-нибудь бедную девушку. С другой же стороны все время переживает, что я не живу нормальной жизнью.

Она и понятия не имеет, насколько ненормальна моя жизнь.

Я ни за что не расскажу родителям о преследующей меня во снах девушке. Не хочу проводить бесконечные вечера, растянувшись на диване, в то время как какой-нибудь психиатр будет нести бесполезную чушь и тянуть деньги из ограниченного сберегательного счета моих родителей. Я достаточно насмотрелся на это "Чудо-ребенком".

- Как прошло свидание? - интересуется мама, когда я пересекаю бурый ворсистый ковер и плюхаюсь рядом с ней.

Я отвечаю пожатием плеч - это мое лучшее оружие против маминых нескончаемых вопросов. Всегда забавно наблюдать, насколько ее хватит.

- Ханна была милой?

Пожатие плеч.

- Чем вы, ребята, занимались?

Еще одно пожатие плечь.

- Вейн! Это вообще-то не ответ.

Опа - хватило всего лишь трех. Обычно она терпит минимум до четырех-пяти пожатий. Должно быть, она очень заинтересована. Или очень обеспокоена. Может, по мне видно, как я шокирован тем, что произошло? Ее бледно-голубые глаза, не моргая смотрят на меня. Они - единственная наша общая черта, единственное, что заставляет людей думать, что да, возможно, есть какая-то семейная схожесть между высоким темноволосым мальчиком и его низкой светловолосой матерью.

Я пытаюсь ее отвлечь:

- Ханна была великолепно. Настолько, что мы поехали в Вегас и поженились, потому что ей нужна была американская виза, и я решил: эй, а почему бы и нет? Она классная! Прямо сейчас она собирает свои вещи. Надеюсь, ты не против делить крышу с парой молодоженов?

Мама вздыхает, но уголки ее губ подрагивают - я знаю, что она сдерживает улыбку, поэтому продолжаю:

- Ханна была милой. Мы поужинали. Потом я проводил ее домой. Все было замечательно.

- Тогда почему ты вернулся домой рано? - спрашивает мама.

- У нас... не все заладилось.

И это своего рода правда.

- Но ты в порядке? - ее лоб прорезают морщины.

- Конечно, - улыбаюсь я, чтобы прокатило. - Просто устал. Поиграю немного и отправлюсь на боковую.

Мама расслабляется. Раз уж я в порядке настолько, чтобы играть в видеоигры, то нет причин для беспокойства, - мамино родительское правило номер пятьдесят три. Оно идет сразу после: "Раз директор не вызывает в школу, то нет причин волноваться об оценках", и прямо перед: "Если его глаза не налиты кровью, то он просто голоден, и на него не напал жор после травки".

Вот поэтому я ее люблю. Она знает, когда нужно держать меня в узде, а когда - дать мне волю. И отец тоже это знает. Мне реально повезло с приемной семьей. Даже, несмотря на то, что мама с отцом не похожи на меня и живут в маленьком городишке, где погода будто бы нас всех за что-то изощренно и жестоко наказывает. И еще они позволили мне оставить мою фамилию, что просто офигительно, поскольку Вестон звучит намного лучше, чем Брейзер, что рифмуется с Фрейзер. Но я знаю, что для всех и каждого в школе я - Вейн Брейзер.

Моя фамилия - это то, что осталось мне от той, "другой жизни".

Мое прошлое - это гигантская бездна, из-за которой хочется биться головой о стену, чтобы, наконец, выбить все воспоминания. Меня плевает, что врачи твердят, что это нормально - подавлять болезненные воспоминания, я на это не куплюсь. Как может быть нормальным полностью забыть свое детство?

И каким же надо быть эгоистичным засранцем, чтобы стереть воспоминания о своей семье только потому, что больно думать о ней?

Моя улыбка тает, и я спешу уйти, прежде чем мама это заметит. Закрыв

дверь своей спальни, включаю старенький телевизор, доставшийся мне после того, как родители приобрели плоскоэкранный и с выходом в интернет, и морщусь, потому что начинает запускаться одна из военных игр Айзека. Айзек не понимает, почему я не люблю играть в стрелялки от первого лица. Вообще-то, я и сам этого не понимаю. У меня кровь от них стынет и желудок переворачивается. Я ему об этом, конечно же, не говорю - не хватает только, чтобы он еще и из-за этого меня доставал.

Но я все равно не собираюсь играть. Я выбираю первый подвернувшийся уровень - мой игрок приседает на корточки в углу - и прибавляю громкости, чтобы мама в гостиной слышала взрывы. Надеюсь, она не пойдет смотреть, что я делаю.

В игре бабахают выстрелы, а я опускаюсь на груды одеял, сброшенных прошлой ночью с постели. Мама с ума сошла, что ли? Одеяла? Летом? И закрываю глаза. Прохладный воздух из потолочного вентилятора дует на лицо, и мои плечи расслабляются. При ветре у меня всегда проясняется в голове. Что мне сейчас просто необходимо, так как нужно подумать о серьезной херне.

Да, я видел ту девушку мельком и раньше, но всегда сомневался в том, что видел действительно ее, а не похожую на нее темноволосую девчонку. В этот раз все было по-другому - я смотрел ей прямо в глаза.

И я слышал в ветре шепот из снов. Незнакомый голос в них шептал непонятные мне слова и никогда, никогда не произносил мое имя.

Не говоря уже о том, что на меня никогда еще не нападал ветер. Да, бывало, что внезапно возникали слабые ветра, которые, казалось, тянутся ко мне. Но они никогда не шокировали меня. Знаю, это звучит странно, но я не боюсь ветров. Даже после того, что случилось с моими родителями. Даже после того, что случилось сегодня вечером. Каким-то образом ветер успокаивает меня. Я никогда не понимал, почему.

Так что не из-за дикого холодного ветра мои руки сейчас дрожат.

А из-за того, что этот ветер призвала ко мне та девушка. Она каким-то образом управляла им. Атаковала меня с помощью него. Странное шипение, услышанное мной перед тем, как ветер напал на нас, было издано ей.

И что из этого следует?

Что она волшебница? Какая-нибудь богиня ветра? Ангел?

Я смеюсь над собой, хотя от слова "ангел" у меня скручивает желудок.

Она была там, в тот день, когда я пережил торнадо. В глубине души я всегда задавался вопросом: не она ли спасла меня? Иначе, как бы я выжил?

Неужели она мой... ангел-хранитель?

Нее. Не верю я в этот бред. К тому же, меня не нужно было сегодня ни от чего защищать. Я был на гребаном свидании - где, спрашивается, в этом опасность?

Так что же?

Она ревнует?

Ревнивый ангел-хранитель... вот так свезло.

Так, я реально себя пугаю. Не потому, что считаю, что что-то из этого может быть правдой, а потому, что мой мозг вообще додумался до этого. У меня

явно едет крыша.

Мне нужно покончить с этим безумием. Я инстинктивно принял правильное решение с Ханной. Я не могу продолжать гоняться за приходящей в снах девушкой и думать о магической силе ветра и ангелах, если не хочу оказаться звездным пациентом в местной психушке.

Пора уснуть и, проснувшись, забыть обо всем случившемся.

Вот только она будет ждать меня. Проникать в мои сны, отказываясь быть забытой.

Жизнь была бы гораздо проще, если бы я мог окунуться под действием лекарств в сон без сновидений. Но когда я пережил торнадо, врачи дали мне снотворное - меня бросило в пот, все тело обсыпало сыпью, после чего меня вырвало и я отрубился. У меня такая реакция на все лекарства, так что хорошо, что я никогда не болею.

И все же каждый раз, как я чищу зубы перед сном, меня искушает аптечка.

Может быть, мне хватит и половины таблетки, чтобы я вырубился без аллергических последствий?

Но риск не стоит того. Мне придется научиться игнорировать темноволосую девушку, пока она не оставит меня в покое... кем бы она ни была.

Или, может, просто не стоит сегодня спать...

Нет.

Пусть она придет. Тогда я наконец скажу ей, чтобы она оставила меня в покое.

Я залезаю в кровать, выключаю свет, укутываюсь в простынь и крепко сжимаю подушку.

Приходи же, девушка из снов. На этот раз я готов.

Глава 6

Одри

Я думала, он никогда не заснет.

Я скорчилась в тених под окном Вейна в ожидании, когда его дыхание замедлится - от этой позы всегда сводило ноги, как бы много ночей мне не приходилось этого делать. А сегодня удовольствие дополняли еще и шипы пираканта, впивающиеся в кожу через тончайшее платье, в которое я переделалась.

Но боль ничто в сравнении с тем, с чем мне предстояло столкнуться. В сознание Вэйна должен проникнуть ветер. И сделать это я могу только так. Последние девять лет я каждую ночь пыталась пробудить его разум, создавая легкий ветерок, гуляющий по его комнате во время сна, и нашептывая слова. Это самый простой способ изучить язык ветра - так дети учатся говорить, слыша разговоры родителей. Но мне никак не удавалось достучаться до Вейна, и все, чего мне удавалось добиться, ускользало как сон при утреннем свете, стоило только ему проснуться.

Нужно время и терпение, - сказали мне Силы Бури.

Но я подобной роскошью больше не обладаю.

По босой ноге проползает огромный жук, и я едва сдерживаю крик. Я

училась достойно встречаться лицом к лицу с любыми противниками, но нет ничего ужаснее ползающего по земле коричневого паразита размером с кулак. Их практически невозможно убить, они лишь уползают, когда я шлепаю по ним клинком. А еще они умеют летать. Это нечестно, что у таких бесполезных и противных созданий умений больше, чем у Вейна.

Эта мысль показалась бы мне смешной, если бы не была столь пугающей.

Вейна могут слишком легко раздавить, и я знала лучше всех, с чем мы столкнемся, когда придут Буреносцы.

Волна боли накрывает меня, когда воспоминания, от которых я так старалась укрыться, сносят мои ментальные барьеры.

Родители Вейна. Мои родители. Непостижимая сила циклона, швыряющая их из стороны в сторону как сухие листья в грозу. Мстительная усмешка на губах Буреносца.

Я закрываю глаза, как в тот день - но не могу абстрагироваться от налетающего на меня с ревом ветра, от эха криков Вестонов. От голоса отца перед тем, как он сдался, чтобы спасти нас, наказывающего мне позаботиться о Вейне.

От звуков, которые будут звучать у меня в ушах до самой смерти, а может быть и после нее.

Четверо из них боролись с одним Буреносцем, и только одна мама выжила.

Райден всегда посылает своих Буреносцев парами. Какие шансы у нас с Вейном?

Мне безумно хочется вскочить и побежать - схватить Вейна и унести из этого душного места. Спрятать его. Защитить.

Я подавляю это желание.

Буреносцы разрушат всю долину в поисках нас. Как хранитель я не могу позволить этому случиться. К тому же они все равно пойдут по нашему следу. И, в конце концов, догонят нас.

Заставить Вейна впервые открыться - лучший способ.

И наш единственный шанс.

Кроме того, я сильная и подготовленная. Я не привязывала себя к земле ни кусочком пищи, ни каплей воды с того самого дня, как десять лет назад погиб мой отец. Ни один другой из Сил Бури не приносил жертвы так долго.

Но я училась на ошибке отца. И это сослужит мне хорошую службу.

У меня есть время научить Вейна, сражаться. Возможно, даже привести к дальнейшему раскрытию его способностей. Если он сможет раскрыть хотя бы часть своего потенциала, этого будет вполне достаточно, чтобы встретить их. Если, конечно, у меня все получится сегодня...

Во время обучения я сливалась с ветром только раз и смогла вытерпеть боль лишь несколько секунд. Разуму Вейна потребуется несколько минут, чтобы прорыв состоялся.

Я буду держаться столько, сколько потребуется. Это мой шанс.

Я поднимаюсь, чтобы открыть окно. Время пришло.

Обычно я пропускаю легкий ветерок через трещину внизу, чтобы песни ветра пробудили чувства Вейна, а сама жду снаружи. Сегодня я решила войти в прямой контакт с его разумом. Если это его не разбудит, то уже ничего не

поможет. Я дотягиваюсь до Северного ветра, ощущая покалывание на кончиках пальцев, и направляю его под раму, подталкивая вперед, пока замок не щелкает. Еще один порыв ветра, и окно бесшумно распахивается. Вейн лежит, растянувшись на кровати - спящий беспокойным сном. Он запутался в простынях, крепко сжимая в руках подушку.

Мне почти жаль его. Он не представляет, что сейчас с ним будет.

Как и я.

Глубокий вдох.

Я медлю, но у меня нет времени на слабость.

Закрываю глаза.

Слияние с ветром требует абсолютной концентрации. Но даже при этом очень легко потерять себя в нем.

Воздух наполняют северные ветра, посланные мной с гор, но сейчас мне нужны восточные. Ветры - мое наследие. По моим венам течет не только кровь, но и воздушные потоки. И если я отдаю себя им, они освобождают меня от моей земной оболочки.

Я шепчу призыв, заклиная все восточные ветра найти меня. К счастью, они достаточно близко, потому их движение не будет замечено.

Я шагаю в открытое окно. Из-за ветра волосы падают на лицо. Обычно я заплетаю волосы в косу, как предписано Силами Бури, но во время трансформации ветер не сможет воспроизвести затейливые завитки волос, поэтому их нужно распускать.

Вытянув руки, я даю прохладному воздуху скользить по обнаженной коже.

На мне короткое темное платье без рукавов, созданное Силами Бури специально для этой задачи. Оно скроено так, чтобы большая часть моего тела была открыта. Гладкая, скользкая ткань соткана из крошечных волокон, которые сцеплены друг с другом в сетку, но могут быстро разъединяться. Как пух одуванчика разлетается от дуновения ветра, так ткань платья может распускаться и принимать другую форму.

Если бы только мое тело могло меняться так же просто.

Интересно, что бы Силы Бури сказали, увидев меня сейчас? Что бы сказала мама?

Волновалась бы она?

Беспокоилась бы?

Нет. Она бы увидела в этом справедливое наказание за преступление, которое я совершила и никогда не смогу искупить.

Может быть, так оно и есть.

Я пытаюсь сдержать дрожь от проникающих сквозь кожу прохладных волн воздуха. Просачиваясь в глубины моего тела, они кружатся и мечутся, желая вырваться на свободу.

Я должна выпустить их.

Мне трудно объяснить момент подчинения. Оно происходит на подсознательном уровне, где-то глубоко внутри меня. Я всего лишь доверяю своей выдержке. И терплю боль.

Вздыхнув в последний раз, я утихомирываю свое сопротивление и позволяю ветрам разорвать меня на части.

В меня впиваются ледяные иглы и острые зубы, раздирая тело на кусочки, миллиметр за миллиметром. Трансформация длится всего лишь секунду, но каждая клеточка моего тела запомнит эту агонию навечно.

К боли примешивается ощущение невообразимой свободы.

Нет границ. Нет пределов.

Я ветер.

Годы обучения исчезают, когда неуправляемый порыв тянет меня за собой. Я стремлюсь взлететь, последовать за дразнящейся песней ветра к концу земли и за его пределы. Там утихнет боль, и я освобожусь.

Освобожусь.

Эта мысль так заманчива...

Нет!

Я представляю себе единственное, что удерживает меня на земле: лицо отца. Его губы растянуты в широкой улыбке. На левой щеке виднеется ямочка, а в уголках небесно-голубых глаз - морщинки. Он выглядит счастливым.

Гордым. Мне хочется верить, что он был бы горд за меня.

Подчиненная ветру, я врываюсь в открытое окно и, взволнованная своей быстротой и мощностью, обвиваю Вейна.

Время просыпаться.

Мои мысли заполняют воздух шепотом, говорят с ветром на тайном языке.

Но слов недостаточно, чтобы пробиться. Вейн нуждается в большем, нежели в щекотании моего бриза, обволакивающим его, поглаживающим его щеки и перебирающим его волосы.

Он должен меня вдохнуть.

Я стремительно подлетаю к его лицу и жду, чтобы Вейн вдохнул меня. Он делает вдох, и я следую за утягивающим меня воздухом. Проносясь мимо губ Вейна, я отделяюсь от остальной части его дыхания и проникаю глубоко в его сознанию. К его сущности.

Здесь темно и тесно. Я пытаюсь убежать, стремлюсь освободиться, когда Вейн делает выдох. Боль усиливается, и мои ветра начинают безумствовать.

Я - буря, разбивающая мысли Вейна, пытающаяся прорваться на волю.

"Прос-нись".

Что-то шевелится вокруг меня, теплое покалывание энергии переходит в гудение... но прорыва не происходит. Пока еще.

Желание улететь терзает меня ледяными когтистыми пальцами. Но я думаю об отце. Он всегда был спокоен, всегда был уверен в себе. Был полон жизни и любви. Что бы сделал он?

Он был бы нежным. Был бы заботливым.

Не обращая внимания на боль, я расслабляюсь и мягким, легким ветерком проникаю в сознание Вейна.

"Пожалуйста, Вейн. Проснись".

Его тело шевелится.

Я дотягиваюсь до него.

"Твои люди нуждаются в тебе, Вейн".

Я чуть не добавляю, что нуждаюсь в нем сама, но все-таки не могу заставить себя произнести эти слова. Я не хочу, чтобы они были правдой.

Ему не нужно их слышать.

Судорожно вздохнув, Вейн просыпается, и я оставляю его сознание вместе с вырывающимся у него изо рта неровным дыханием.

Наконец-то.

Мое тело наслаждается свободой, и я смотрю в дикие от испуга глаза Вейна.

Есть лишь один способ узнать, состоялся ли прорыв.

Я собираю все ветры - мои ветры. Себя. Все части меня, парящие в воздушных потоках, - и зависаю над ним. Если прорыв состоялся, Вейн сможет увидеть мою истинную форму. Если нет - я буду невидима как ветер. Пожалуйста, увидь меня.

Его глаза расширяются, и он вскакивает на ноги, крича что-то, чего я не слышу за шумом ветра.

Но он видит меня.

Вейн Вестон готов.

Из последних сил я стягиваю себя в потоках воздуха в единое целое и отсылаю ветры прочь.

Это пытка раскаленной кочергой, жуткое избиение и миллион других приносящих боль мучений, которые я не могу описать. Частилки платья остужают меня в местах соприкосновения с телом, но их недостаточно, чтобы погасить огонь в моей коже во время трансформации тела.

Я шатаюсь, встречаясь глазами с Вейном. Его рот открыт - он, должно быть, что-то говорил мне, пока я была слепа и глуха от боли.

- Как вовремя, - шепчу я.

И теряю сознание.

Глава 7

Вейн

Десятки миллионов вопросов смешиваются вместе и вырываются у меня изо рта, вместе со здоровой смесью слов, за использование которых мама бы меня убила. Но в данный момент меня не волнуют ее консервативные языковые правила.

У меня в комнате, блин, лежит без сознания призрачная девушка!

Я хватаю воздух огромными глотками, давая себе возможность разложить все по полочкам. Она здесь. Если я захочу, то смогу протянуть руку и дотронуться до нее.

Я делаю шаг к ней, потом вздрагиваю и отхожу назад так далеко, насколько позволяет моя небольшая, загроможденная комната. Может, она и настоящая, но это не объясняет, что она такое и что со мной только что произошло.

Такое чувство, что она была прямо у меня в голове, я чувствовал жуткое присутствие у себя внутри.

Не говоря уже о дымчатой призрачной штуковине, которую я видел парящей около потолка. Закручивающееся облако тьмы и света, цвета и ветра - с лицом. Ее лицом. Потом все как-то смешалось и - бац! - превратилось в призрачную девушку на полу у меня в спальне. Если бы я не чувствовал, как

мое сердце бьется в груди, я бы решил, что это ужасный сон.

- Вейн, с тобой все в порядке? - окликает мама через дверь.

Я подпрыгиваю так сильно, что врезаюсь в стол, сбивая с него несколько книг и видеоигр.

Если мама войдет и обнаружит великолепную девушку в откровенном платье, лежащую без сознания на моем потертом сером ковре, то я буду наказан до конца своей жизни. Тем более, что на мне сейчас лишь одни боксеры. Уверен, что она не купится на мой рассказ о призраке/ангеле-хранителе/ошибке природы.

Я бросаюсь к двери, готовый забаррикадировать ее своим комодом, если придется.

- Все хорошо, мам, - говорю я, одновременно хватая и натягивая первую попавшуюся футболку и спортивные штаны.

- Тогда что это за стук?

Ну же, Вейн. Думай.

Тут меня осенило.

- Я нашел таракана в кровати.

- Ты его прихлопнул? - голос мамы звучит отдаленно, как будто она отскочила от двери.

- Я пытался, но теперь не могу найти его. - У меня нет причины беспокоиться о том, что мама предложит помощь. Согласно ее философии, убивать букашек - мужская работа.

- Ну, не буду тебя отвлекать, - говорит она, и я ухмыляюсь. - Но убедись, что прихлопнешь его, прежде чем идти спать. Не хочу, чтобы он бегал по дому.

- Будет сделано, - обещаю я. Напряжение покидает мое тело, когда звук ее шагов удаляется вглубь коридора.

Один критический момент позади. Теперь надо разобраться с полуобнаженной девушкой, лежащей без сознания на полу моей комнаты и, скорее всего, являющейся сверхъестественным существом.

Мда.

Без понятия, что с этим делать.

Я включаю лампу и подползаю к девушке, вытянув шею, чтобы получше ее рассмотреть. Ее глаза закрыты, но грудная клетка вздымается в унисон медленному затрудненному дыханию.

Мне приходит в голову, что она, может быть, ранена. Не знаю, могут ли призраки травмироваться, если она вообще призрак. Сейчас она выглядит вполне реальной, хоть и бледной. И по ее лицу видно, что ей больно.

Ей нездоровится?

Что мне делать, если она действительно больна? Почти на сто процентов уверен, что в больнице ей не помогут. Интересно, у магических существ такая же анатомия, как и у людей?

Мои глаза изучают ее тело.

Вау.

И... я рассматриваю девушку, которая, может быть, и вовсе не человек. Не говоря уже о том, что она временно без сознания.

Очень вовремя, приятель.

Ей явно нужна помощь. Она без сознания уже не меньше пяти минут. Я должен что-нибудь сделать.

Но что?

Вода.

В кино людям всегда дают воду, будто она - средство от всех болезней. Это не повредит. У меня даже есть полупустая бутылка воды около кровати. Схватив ее, я на цыпочках подхожу к девушке. И та не шевелится, даже когда я сажусь рядом с ней.

Затаив дыхание, я поднимаю девушке голову, осторожно подперев ее шею коленом. У нее прохладная и гладкая кожа, и я чувствую, что ее бьет дрожь, но потом осознаю, что дрожит не она, а я.

Она настоящая.

Я не верил в реальность происходящего до этого момента. Да, я видел ее в своих снах. Видел несколько раз мельком. Видел ее - ясно и отчетливо - сегодня вечером. Но все это можно было бы списать на ошибку, обман зрения. Сейчас же она здесь, в моей комнате, в моих руках. И, несмотря на все увиденное мной, кажется человеком.

Она такая же как и я.

Я испытываю легкий трепет, когда пальцами приоткрываю ее губы. Они еще мягче, чем я воображал. Да, я это представлял. Да и кто бы не мечтал о поцелуе с роскошной девушкой, которая преследовала его в течении десяти лет.

Я подношу бутылку к ее губам. Будет ли она в состоянии проглотить, если я просто налью воду ей в рот? Или она захлебнется?

Я наливаю воды ровно столько, чтобы смочить ее язык, затаив дыхание, пока она не сглотнет. Кажется нереальным видеть, как смыкаются ее губы, и напрягаются мышцы шеи. Незначительное обыденное дело в совершенно невероятной ситуации.

Все еще не могу поверить, что на самом деле держу ее. Мои пальцы запутываются у нее в волосах, в тех самых темных волнистых прядях, что обрамляют ее лицо в моих снах. Я рад, что они не заплетены в тугую косу, с которой я видел ее раньше. С распущенными она выглядит женственней. Нежнее. У нее по-прежнему волевой подбородок, но его уравнивают огромные глаза и полные губы.

Мой взгляд возвращается к ее губам. Я не могу перестать смотреть на них. Чувак, не сейчас!

Я вливаю ей в рот еще воды. Она допивает бутылку, все еще, будучи без сознания.

Я оглядываю комнату в поисках воды, но замираю, когда девушка стонет. Я усаживаю ее у противоположной стены. Я не имею ни малейшего представления о том, что произойдет, когда она очнется, но мне кажется, что лучше держаться чуть в стороне от нее. Пусть она и выглядит кроткой во сне, но учитывая то, как она вела себя ранее, мне абсолютно точно не хочется навлечь на себя ее немилость.

Она стонет и снова заваливается на бок. Я бросаю взгляд на дверь, надеясь, что мои родители ничего не услышали. Но мне некогда беспокоиться об

этом, потому что через секунду она вскакивает на ноги.

Покачиваясь и глубоко дыша, она, прищурившись, разглядывает свои руки.

Непонятно, знает ли она, что я здесь.

Я откашливаюсь.

Она напрягается, затем поворачивается ко мне. На ее лице отражается смесь боли, страха и неуверенности.

- Что ты со мной сделал? - шепчет она.

- Подожди, что? Я ничего не делал.

Она шагает вперед, морщась при каждом шаге. Я пытаюсь отойти в сторону, но она быстра, слишком быстра для того, кто только что был без сознания.

Она загоняет меня в угол.

- Что. Ты. Со. Мной. Сделал?

- Клянусь, я ничего не делал.

Она хватается за плечи, с силой, невероятной для девушки ее комплекции.

- Я чувствую это, Вейн. Чем ты меня напоил?

Она повышает голос - достаточно, чтобы мои родители могли услышать. Но я не уверен, что это так уж и плохо. Я практически готов звать на помощь. Ее ногти разрывают мою рубашку, впиваясь в кожу.

Схватив ее за запястья, я пытаюсь отодрать от себя ее руки, но она борется со мной.

- Успокойся, ладно? Я дал тебе немного воды - вот и всё.

- Воды? - она опускает руки.

- Да, - я указываю на бутылку у нее в ногах. - Просто воды. Ничего больше.

- Воды, - повторяет она, оседая на пол.

Я бросаю взгляд на дверь, размышляя о том, не стоит ли воспользоваться шансом и сбежать, удрать как можно дальше от нее, кем бы она ни была. Но я не могу. Не после десяти лет мечтаний и снов о ней.

Она опускает голову, скрывая в волосах свое лицо.

- Ты хоть понимаешь, что натворил?

- Эм... да. Я помог тебе.

- Помог мне, - с ее губ слетает истерических смешок, когда она поднимает голову, глядя на меня сквозь непослушные волнистые пряди.

Я упираюсь взглядом в те же темные глаза, что видел каждую ночь. Каждый раз, когда закрывал глаза. Я всегда считал их прекрасными. Поистине гипнотическими. Даже наполненными силой.

Теперь они выглядят пораженными.

Словно в подтверждение моих мыслей, она прижимает колени к груди, обнимает их руками и начинает раскачиваться.

- Ты не помог мне, - шепчет она. - Ты только что всех убил.

Глава 8

Одри

Мои глаза непривычно горят. И что-то мокрое стекает вниз по щеке.

Слеза.

Внутри меня сжимается комок с примесью ярости и страха.

Я не должна плакать. Не потому, что я должна быть храброй и сильной, или придерживаться любых других аспектов моей клятвы. У меня физически не должно получаться лить слезы.

Факт, что я плачу, означает, что уже слишком поздно. Мое тело поглотило воду. Теперь я ослаблена на месяцы.

Как и мой отец, в день своей смерти.

Мои плечи трясутся от переполняющих меня рыданий. Я хочу с силой и до боли сдирать с себя кожу, словно это избавит меня от выпитой воды. Но это не поможет. Я столько пережила, чтобы не повторить ошибок моего отца, так далеко зашла в попытке не связываться с землей. Но я никогда не предполагала такого. Никогда не думала, что потеряю сознание от слияния с ветром, или что Вейн напоит меня водой, чтобы привести в чувство.

Вейн.

Я запрокидываю голову и руками размазываю предательские слезы. Он переминается с ноги на ногу, готовый в любую секунду отскочить.

Я не могу его винить. Я далека от того властного и невозмутимого вида, который готовилась продемонстрировать ему, когда его разум наконец-то совершит прорыв.

Надо прийти в себя. Это очередная... трудность. Но я что-нибудь придумаю. Прочистив горло и убрав волосы с лица, я поднимаюсь. Жаль, что я не успела заплести косу и снова переодеться в форму, так что придется довольствоваться малым: заправить волосы за уши и разгладить складки платья.

- Мне жаль, - говорю я, гордясь тем, что мой голос звучит громко и уверенно.

- Нам нужно поговорить.

- Правда что ли? - его голос звучит на октаву выше, чем я привыкла. - Кто ты, и что, черт возьми, ты имеешь в виду, говоря, что я только что всех убил?

- Тише, - я шагаю к нему, но он отскакивает.

- Ближе не подходи, и не говори мне, что, черт побери, делать. Ты в моем доме.

- Я знаю. И успокойся, если не хочешь, чтобы меня обнаружили твои родители.

Он смотрит на меня, явно не в восторге от моего весомого аргумента.

- Кто ты такая?

- Меня зовут Одри. И я знаю ответы на все вопросы, которые у тебя есть, Вейн. Но нам следует поговорить наедине. Ты пойдешь со мной?

В его глазах вспыхивает ярость. И после того, как я себя вела, я не могу его в этом винить. И это только все усложняет.

Моя голова пульсирует от напряжения, которому я себя подвергла. Я тру виски и делаю глубокий медленный вдох, изучая линии его лица, которое я так хорошо знаю, что могу воскресить в памяти любую деталь. Страх врезался в каждую черточку, придавая Вейну более взрослый вид.

Измученный.

Мне было велено добиться его доверия, но в этот момент меня удивляет осознание того, что я действительно хочу, чтобы он мне доверился.

- Пожалуйста, Вейн. Мне нужно, чтобы ты пошел со мной. - Я смотрю ему в глаза, делая осторожный шаг. Протягиваю руку, и мои пальцы скользят вниз по его руке. Он вздрагивает, но не вырывается, даже когда я беру его за руку.

Его кожа теплая и гладкая на ощупь, и мои пальцы покалывает от впитанного тепла.

Странно.

Прошли годы с тех пор, как я до кого-то дотрагивалась. Должно быть, мое тело не знает, как реагировать.

Вейн смотрит на наши руки, и страх на его лице постепенно перерастает в неуверенность.

- Это безопасно?

- Абсолютно.

- Это далеко?

- Мы можем дойти пешком.

- И ты обещаешь, что все объяснишь?

- Все.

Он испытывает меня взглядом, провоцируя нарушить обещание. Он не понимает, что рассказать ему обо всем - часть моей работы. Но он скоро это поймет.

Я тяну его к окну.

- Подожди-ка минутку, мы что, выйдем через окно?

- Я не могу выйти через парадную дверь, особенно в этом, - я указываю на свое крошечное сине-черное платье. Оно казалось откровенным и раньше, когда я была одна. Теперь, при свете в его комнате, с его непрерывно следящими за мной глазами, я чувствую себя практически голой.

Особенно когда он ухмыляется и говорит:

- Да, моя мама определенно этого бы не одобрила.

Я выпускаю его ладонь и скрещиваю руки на груди. Я уже почти забыла, каким он может быть несносным.

- Идем.

Не оглядываясь, я выпрыгиваю в окно. Тут невысоко, так как дом одноэтажный, но при приземлении в суставы отдает непривычная боль.

Вода.

Я прикусываю губу и делаю глубокий вдох, стараясь сохранить спокойствие, в то время как Вейн выпрыгивает из окна. Он вскрикивает, зацепив рукой шипы пираканты. И я закатываю глаза.

- Мой дом там, - говорю я, мчась по открытой лужайке. Эта часть двора достаточно ярко залита лунным светом, и нас могут увидеть, поэтому мы должны двигаться быстро, пока не достигнем финиковой рощи, со всех сторон окружающей дом.

Мягкий Южный Ветер, восстанавливает мои силы, пока я бегу. Ласкает мое лицо. Высушивает слезы. Ветер не может облегчить лишний вес воды, но он, все же, облегчает головную боль. Вейн не отстает от меня ни на шаг. Либо это значит, что он гораздо сильнее, чем я думала, либо я теперь слабее, чем ожидала - не знаю.

Мы направляемся все глубже и глубже в рощу. Воздух пропитан сладким ароматом липких фруктов, и я ощущаю, как давя богами ногами опавшие финики. По крайней мере, я надеюсь, что это финики. Сегодняшняя ночь отнюдь не безмолвна, всевозможные насекомые шуршат и носятся вокруг нас. Это место просто кишит ими, я бы не выбрала его в качестве дома. Но других вариантов не было.

Еще несколько минут, и бледные стены моего убежища являются взору.

Вейн фыркает:

- Невероятно.

- Что?

- Ты живешь там? - он указывает на дом, находящийся впереди, ну, или на то, что от него осталось.

Пожар разрушил его задолго до того, как я на него наткнулась. Но две с половиной оставшихся стены, в одной из которых все еще имеется треснутое окно, наряду с выжженными опорными балками, оставшимися от бывшей крыши, дают мне достаточно места, чтобы спрятаться. Я перебросила упавшие пальмовые листья через балки, чтобы создать укрытие от жары, и набросала еще листьев на землю, образуя место для сна. Они не столь мягкие, как хотелось бы, но вполне годятся для птичьих гнезд. Мне большего и не надо.

- А что? Что в нем плохого? - спрашиваю я, пытаюсь понять скептическое выражение у него на лице.

- Просто я должен был догадаться. Я приходил сюда пару раз, еще будучи мальчишкой, но потом перестал, так как начал его бояться...

Он замирает как вкопанный.

Я разворачиваюсь, чтобы взглянуть ему в лицо, удивляясь тому, насколько бледным он кажется в лунном свете.

- Я боялся, что он населен призраками, - продолжает Вейн. - Я слышал шелест под открытым небом, и иногда деревья шумели так, что казалось, будто здесь живет привидение.

Он медлит, пытаюсь найти в себе мужество, чтобы задать следующий вопрос:

- Так это была ты?

Я киваю.

Он пятится от меня.

- Что ты такое?

- Я такая же, как ты, - отвечаю я, делая шаг вперед.

Он смеется, и резкий звук пронзает ночную тишину.

- Да ладно. Я видел, как ты парила в воздухе и как появлялась из неоткуда, и...

- Ты действительно меня видел? - спрашиваю я, и мне важен его ответ. Я так долго ждала, когда же он совершит прорыв, что мне все еще трудно поверить, что это наконец-то произошло.

- Да. Поэтому заканчивай со всей это ерундой, что ты - человек, так как я знаю, что я видел, и люди на такое не способны.

- Вейн, - я жду, пока он встретится со мной взглядом. - Я никогда не

упоминала о том, что я человек.

Он вздыхает:

- Итак... ты не человек.

- Нет.

На его лице отражается калейдоскоп эмоций: облегчение, сомнение, страх, определенность.

Я ничего не говорю, ожидая, что он сам придет к окончательному, самому главному выводу.

Я практически слышу щелчок, когда кусочки головоломки встают на место у него в голове.

Голос Вейна едва слышен, когда он наконец произносит:

- Но ты сказала, что ты такая же, как я.

Я открываю рот, чтобы произнести слова, которые вывернут его мир наизнанку, но у меня пропадает голос.

Я бы все отдала, чтобы забыть, кто я и что я. Чтобы не сталкиваться каждое утро с тем, что обязана делать. Или тем, что совершила. Вейн жил в счастливом неведении на протяжении десяти лет. Забыв об обязанностях. Не зная о своем предназначении. Не подозревая о непреодолимых препятствиях, с которыми ему предстоит столкнуться.

Теперь я собираюсь отобрать у него эту свободу.

Я практически задыхаюсь от вины и сожаления.

Но он должен услышать правду. И я поклялась, что расскажу ему все. И, расправив плечи, я выбиваю почву у него из-под ног:

- Верно, Вейн. Я не человек. И ты тоже.

Глава 9

Вейн

Я не могу перестать смеяться.

Я смеюсь так сильно, что спугиваю с деревьев летучих мышей. У меня болят бока, мне не хватает воздуха, и слезы струятся из уголков глаз. Но что еще я должен делать?

Все это официально выходит на новый уровень безумства, и я отказываюсь быть в это втянутым. Может мне и непонятны некоторые детали моей жизни или прошлого, но я абсолютно уверен, что я - человек. Я имею в виду, что выгляжу так же, как все остальные люди. Чувствую себя так же, как они.

Так же, как Одри.

Правильно, потому что она - тоже человек, говорю я себе.

Чудная. Но человек.

Должно быть, мне привиделось то, что произошло в моей комнате. У меня было множество невероятных грез об Одри, почему бы ни еще одна?

Довольно-таки хорошее объяснение для меня.

- Я ухожу, - говорю я, направляясь обратно к дому. - Убирайся с наших владений и держись подальше от меня, или я влеплю тебе судебное предписание так быстро, что ты не успеешь понять, чем тебя накрыло.

- Я не могу этого сделать, Вейн.

Я игнорирую пробирающий меня озноб, когда она произносит мое имя.

- Нет, ты можешь.

Она - не девушка моей мечты. Она - проблема, от которой следует избавиться.

Она не идет за мной. Вместо этого, я слышу, как она начинает шептать.

Я не хочу слушать, пытаюсь ее игнорировать, но кажется, будто ее голос просверливает отверстие у меня в голове. Звуки неразборчивы, но спустя мгновение они становятся понятными и складываются в слова.

- Примчись ко мне в мгновение ока, не оставляя за собой следы. Окутав ласковым потоком, скорей стремись, струись, лети.

Слова наполняют меня теплотой и болью, и я хочу бежать к ним и от них одновременно. Но я не могу двигаться. Я цепенею, зачарованный шепотом, крутящемся в моем сознании.

Зачарован.

- Ты накладываешь на меня заклинание? - кричу я, трясая головой в попытке разрушить какие бы то ни было чары, которые она использует.

Одри не отвечает.

Вместо этого меня окутывает порывом ветра, и я понимаю, что чувствует муха, когда паук оплетает ее паутиной. Среди хаоса и стремительных порывов ветра, я ощущаю, как ее руки обвивают мои плечи, и как тепло распространяется от прикосновения ее тела. Затем мы взлетаем.

Я клянусь, мой желудок остается внизу, пока мы взмываем выше, выше и выше. Мои уши закладывает, в то время как мы набираем высоту.

Но я не боюсь.

Я знаю, мне следовало бы. Моя жизнь буквально зависит от порыва ветра, которым Одри каким-то образом управляет; она явно какая-то ведьма или богиня, или какое-то другое невероятное создание.

Мне все равно.

Находиться в вышине, посреди темного неба, кажется таким правильным. Естественным. Похоже на то, как чешешь зудящее место, о котором и не догадывался до тех пор, пока тебя не пронзает обжигающее чувство облегчения. Высоко наверху все вокруг уплывает вдаль, пока ветер омывает меня, и тепло Одри смешивается с моим.

Я закрываю глаза и прислушиваюсь к ветру, но не слышу, рева и завываний, которых ожидал. Я слышу древний язык, принадлежащий ветру, и только ветру. Он шепчет о местах, где побывал.

О переменах.

О силе.

О свободе.

Я хочу слушать вечно. И в этот момент я понимаю.

Я не человек.

Я не имею представления, кто я или что я должен с этим открытием делать.

Но это не значит, что это неправда.

Мой желудок скручивает, я возвращаюсь в реальность и открываю глаза. Мы стремительно падаем. Не уверен, но такое чувство, что я издаю девчачий вопль.

- Приземляйся на бегу, - кричит Одри мне в ухо, в то время как мы приближаемся к темной земле.

Точно. Потому что, передвигая ногами, я избегаю превращения в лепешку-Вейна.

Но вариантов у меня мало, поэтому когда Одри отпихивает меня от себя, шепчет "Развейся" и ветряной кокон распадается, я следую за ней, передвигая ногами и касаясь пальцами твердой земли.

Я смеюсь, в то время как мы бежим по каменистой почве так быстро, насколько нам позволяют наши ноги.

Я не умер. На самом деле, я никогда не чувствовал себя более живым.

Я заставляю свои ноги остановиться и оглядываю пейзаж. Мы находимся высоко в горах, вдалеке мерцают огни городов пустыни, а внизу извивается автострада. Прямые заостренные столбы с трехконечным лопастями, вращающимися наверху, выступают из земли ровными рядами.

Ветряные мельницы.

Ветряная электростанция перевала Сан Горгонио.

Я проезжал мимо нее в мои редкие вылазки из этой удушающей долины, но никогда еще не бродил среди огромных турбин. В ночи эхом разносится звук ветра, натыкающегося на рассекающие воздух тяжелые лезвия. Красные огни, похожие на злобные глаза, светят с вершины каждой башни. Я позволяю моему взору рассредоточиться, в то время как лопасти ветряных мельниц вращаются круг за кругом.

Скрип шагов позади меня напоминает о том, что я не один.

- Так что я такое? - не оборачиваясь, спрашиваю я. Я боюсь смотреть на Одри, когда она произносит слова, которые изменят мою жизнь навсегда.

- Мы - сильфы.

- Сильфы? - это не тот ответ, который я ожидал. Я имею в виду, если уж мне приходится быть мифическим существом, то хотя бы тем, о котором я слышал. - Что такое сильф, черт возьми?

- Это то, что люди называют элементом воздуха.

- Элементаль воздуха?

- Ты так и будешь повторять все за мной?

Я поворачиваюсь к ней лицом.

- Эм... Я перестану, когда ты скажешь что-нибудь, что имеет хоть какой-то смысл.

- Как насчет этого? Ты - Странник Ветра. Мы управляем ветром. Мы - часть ветра.

- Мы - часть ветра?

Она скрипит зубами, и я осознаю, что снова за ней повторил. Мне все равно.

- Как мы можем быть частью ветра?

- Так же, как люди являются частью земли. Когда они умирают, то обращаются в прах.

- А мы что, когда умираем, обращаемся в ветер?

Тень проскальзывает по ее лицу даже при тусклом свете луны.

- Да.

Я трясую головой, готовый сказать ей, как нелепо это звучит. Но слова

застревают в горле от воспоминания: две сплетенные фигуры, отдаленно напоминающие тела, но, по большей части - просто бесформенная, искривленная масса. Я не припомню, чтобы видел это лично, но в десять лет я, наконец, набрался храбрости, чтобы поискать в Google зернистые фотографии, в надежде, что они вызовут парочку потерянных воспоминаний.

- Так вот что случилось с моими родителями, поэтому их тела были неузнаваемы, когда их нашли, да? - шепчу я.

Одри смотрит вдаль.

- Да, иногда это медленный процесс, но, в конце концов, ничего не остается, только воздух.

Так мои настоящие родители тоже не были людьми.

В этом есть смысл: если я - сильф, то, должно быть, и они тоже.

Было бы не плохо, если бы они рассказали мне об этом. Эй, сынок, прими к сведению, ты - Странник Ветра. Хотя, может они и говорили, и я просто не помню.

Я сглатываю и заставляю себя задать вопрос, который мучил меня последние десять лет. Теперь до ответа - рукой подать, и мне немного страшно его услышать:

- Что случилось с моими родителями в тот день, во время шторма?

Одри делает медленный, глубокий вдох, прежде чем говорит:

- Они были убиты.

Убиты.

Слово кажется холодным и чужим. Я всегда думал, что их смерть была случайностью.

Я сжимаю кулаки:

- Кто это сделал?

У нее ледяной голос, когда она отвечает:

- Его зовут Райден.

Я запоминаю имя человека, который убил мою семью. И почти убил меня.

- Почему он их убил?

- Это... сложно объяснить. Есть вещи, которые ты еще не готов понять. Я расскажу тебе, когда придет время.

Я открываю рот, чтобы возразить, но мои мысли уже разлетелись. Не уверен, что смогу справиться с долгими сложными объяснениями, особенно на такую болезненную тему.

Я опускаюсь на землю, прислоняясь к основанию одной из ветряных мельниц. Мягкая вибрация пробегает по моей голубой футболке, и я ловлю себя на мысли, что если бы мог, то хотел бы отмотать назад последние несколько часов и вернуться к тому, чтобы снова быть обычным парнем со странной преследовательницей во снах и забытым прошлым.

Как мне теперь возвращаться домой или видеться с друзьями, зная то, что я знаю? Как теперь снова стать нормальным?

Назад дороги нет. Я чувствую себя разбитым. Но есть кое-что еще, что я должен узнать:

- Почему я все еще жив?

- Что?

- День, когда моя семья погибла. Почему я выжил?
- Мой... - Одри замолкает, будто не может произнести слова. - Мой отец спас тебя.
- Твой отец? Но...
- Что?
- Я всегда думал, что это ты меня спасла.
- Ее взгляд падает на землю.
- Я была там. Но была недостаточно сильна.
- Ее голос срывается, и я понимаю, что для нее это тоже болезненная тема. Я откашливаюсь, пытаюсь подобрать слова для следующего вопроса:
- И твой отец. Он...
- Мертв, - шепчет Одри. - Он пожертвовал собой, чтобы спасти тебя.
- Я не знаю, что сказать, а она поворачивается ко мне спиной и уходит. Лишь тонкая серебристая полоска месяца освещает небо, и Одри исчезает в темноте. Я борюсь с приступом паники. Она же не бросит меня здесь одного?
- Нет. У меня никогда не было причины думать, что она хочет навредить мне. За исключением этой ночи.
- Что ты имела в виду ранее? - тихо спрашиваю я.
- Ранее? - ее голос безлико раздается в темноте, будто она и вправду призрак.
- Когда ты проснулась в моей комнате. Ты сказала, что я всех убил.
- Проходит длинная пауза, прежде чем Одри говорит:
- Вода делает нас слабее. Как и пища. Они связывают нас с землей, ограничивая наши способности...
- Ничего себе! То есть, мне нельзя есть? - это однозначно попадает в не прикольную категорию.
- Твое тело еще не готово для таких жертв. Голодание сейчас только ослабит тебя, так как ты привык к земным продуктам. Но в скором времени тебе придется начать работать над собой, если хочешь достичь предела своих возможностей. Чем ближе мы к ветру, тем мы сильнее. Я отказывала себе во всем долгое время, чтобы достичь пика своей силы. Теперь вода ослабила меня.
- В этом почти столько же смысла, сколько в квадратичных функциях, которые мы изучали в прошлом году.
- Полбутылки воды. К завтрашнему дню ее уже не будет в твоём теле.
- Наши тела работают по-другому. Что-либо материальное с этой земли противоречит ветру. Даже самая крошечная частичка чего-либо, пусть и такого незначительного, как вода, сильно ограничит мои способности на месяцы. И это не могло случиться в более неподходящее время.
- Я услышал царапающий звук, как будто она скребла землю.
- Почему сейчас это так важно?
- Потому что Райден знает, что мы здесь. Он - самый могущественный Странник Ветра из всех живущих, и он долгое время пытается тебя найти. Я сделала все, что смогла, чтобы защитить тебя, но сейчас Буреносцы - его воины - идут, чтобы захватить тебя, и если мы попытаемся сбежать, они

уничтожат всю долину в поисках тебя. Тысячи людей могут погибнуть. А Буреносцы нас выследят и настигнут. Драться - наш единственный вариант, и если я не в полной силе, наши шансы... невелики.

Каким-то образом я оказываюсь на ногах, хотя не помню своего намерения вставать.

- Все это из-за меня? Почему... почему я настолько важен? Я никто.

- Вот тут ты ошибаешься, Вейн. Ты - наша единственная надежда.

Мне смешно. Ее слова звучат в духе принцессы Леи. Помоги мне, Оби-Ван Кеноби.

- Мне кажется, ты ошиблась парнем.

- Поверь мне. Ты, возможно, самая важная личность среди живущих на данный момент.

И... мой мозг практически отключается.

За одну ночь я узнаю, что я не человек, что мои родители были убиты тем самым злобным мерзавцем, который теперь посылает своих воинов, чтобы добраться до меня, потому что меня считают какой-то очень важной личностью (хоть я ничего из себя и не представляю). Да, и мы не можем убежать, спрятаться и победить в битве. От этого мне хочется сделать что-то глупое, например, ущипнуть себя за руку, чтобы проснуться.

Но я не сплю. Я чувствую, как легкий ветерок гладит мое лицо. И уж точно не воображаю себе песни, плывущие по ветру. Мелодии успокаивают тоску, которую я всегда чувствовал, но не знал как объяснить.

Одри подвигается ближе, так что я могу разглядеть ее в тусклом свете.

Кажется, что ткань ее откровенного платья ожила в потоках ветра, покрывшись рябью на изгибах тела. Мне приходится заставлять себя сфокусироваться на ее лице, которое выглядит точь в точь как в моих снах: глаза все так же следят за мной, и около щек завиваются волосы. Губы Одри приоткрываются, и я ожидаю, что она прошепчет те самые плывущие звуки, которые я привык слышать каждую ночь.

Вместо этого она говорит:

- Это все не важно. Сейчас тебе нужно сосредоточиться на тренировках.

- Тренировках?

- Тебе надо научиться драться. Чтобы защитить себя, когда Буреносцы придут за тобой. Поэтому я здесь. Чтобы научить тебя всему, что нужно, чтобы ты выполнил свою роль.

- Мою роль?

- Ты снова повторяешь все за мной.

- Ну а что ты ожидала? Ничего из того, что ты говоришь, не имеет никакого смысла, черт возьми!

По тому, как она сжала челюсти, я понимаю, что она хочет накричать на меня.

- Ты прав, - говорит она. - Ты узнал за последний час больше, чем кто-либо смог бы выдержать, и мне нужно выяснить, что делать по поводу Буреносцев, которые вот-вот будут здесь.

Намек на поражение возвращается в ее взгляд.

- Люди действительно умрут? - спрашиваю я, намекая на то, чтобы она

сказала, что это все большая, тщательно продуманная шутка.

- Надеюсь, что нет.

Не слишком обнадеживающий ответ.

Но затем Одри распрямляет плечи:

- Я не позволю ничему случиться. Я - один из сильнейших бойцов, даже с водой в организме. И я приведу помощь.

- Помощь? Так сказать... других сильфов? Что, ты можешь позвонить им и сказать: "Эй, Странники Воздуха, нам нужно, чтобы вы пришли сражаться с плохими парнями", и они просто прилетят в город и всех спасут?

Ее губы изгибаются в полуулыбке.

- Это не так просто, - улыбка исчезает. - Это совсем непросто. Но я об этом позабочусь. Как только отведу тебя домой.

Я открываю рот, чтобы задать еще один вопрос, но замираю, когда она подносит палец к моим губам.

- Я знаю, что у тебя много не отвеченных вопросов, но если звать подмогу, то нужно сделать это как можно скорее. Пожалуйста, дай мне несколько часов, и утром я расскажу остальное.

Я хочу возразить. Она не объяснила еще огромное количество всякой ерунды, но я слишком смущен волнующей теплотой, что исходит от кончика ее пальца и отдается покалыванием по всему моему лицу. Я никогда не чувствовал ничего подобного, и даже маленький кивок головой требует огромного усилия.

Взгляд Одри опускается ниже, задерживается на ее пальце и моих губах, и какая-то неподдающаяся описанию эмоция проскальзывает по ее лицу.

- Спасибо.

Слово звучит практически сдавленно, когда Одри опускает руку и встряхивает ею. Затем она отворачивается и шепчет то же самое заклинание, которое произносила до этого.

- Примчись ко мне в мгновение ока, не оставляя за собой следы. Окутав ласковым потоком, скорей стремись, струись, лети.

В этот раз я знаю, что она делает. Она управляет ветром. И ветер подчиняется ее команде, закручиваясь вокруг нас.

Одри шагает ко мне, оказываясь в сантиметрах от меня. Так близко, что я чувствую тепло ее тела, разливающееся в воздухе. Так близко, что я еще сильнее осознаю близость ее губ. Ветер закручивается все плотнее, отделяя нас от остального мира. Безопасное, уединенное пространство только для нас двоих.

- Держись за меня, - приказывает она, и мне требуется всего секунда, чтобы осознать, что я это не вообразил. Я как раз думал о том, чтобы ее обнять.

Мои руки обвиваются вокруг ее крошечной фигурки, такой маленькой, что мои пальцы практически соприкасаются. Она вся такая хрупкая и нежная. Но она полна силы, тепла и могущества.

И я хочу ее.

Она - это все, что я хотел многие годы. Неважно, как долго я пытался бороться или игнорировать это.

Желает ли она меня?

Стояла бы она так близко, если не желает?

Я облизываю губы в поисках мужества перед началом действий. Наклоняюсь вперед совсем чуть-чуть и...

И меня едва не тошнит на нее, когда ветер срывает нас с горы.

Любой аттракцион, на котором я когда-либо был, кажется детской забавой, по сравнению со свободным падением, и я цепляюсь за Одри, ненавидя себя за очередное взвизгивание.

Отличный способ показаться крутым. Уверен, она под впечатлением.

Не знаю, слышит ли она мои крики. Ее глаза закрыты, и она погружена в свои мысли, что было бы облегчением, если бы не дно долины по встречному курсу.

- Э... Одри! - кричу я, мое сердце колотится, заглушая ветер.

Она не моргает.

Я трясу ее, но она и бровью не ведет, как будто решив, что отвесное падение с горы - отличное время, чтобы вздремнуть.

- Я серьезно, Одри, это не смешно!

Она по-прежнему не отвечает. Поэтому я закрываю глаза, и пока земля стремительно приближается, готовлюсь испытать то, что чувствует муха, ударяясь о лобовое стекло. Но в последний момент Одри шепчет:

- Замедление, - и воздушный поток тормозит, двигаясь параллельно земле.

- Больше так не делай! - кричу я, тяжело дыша.

- Я тебя напугала?

- Да, - я едва не описался от страха, но не говорить же ей об этом.

- Пусть это будет первым уроком. То, чему я собираюсь тебя научить, будет казаться невозможным, но я знаю, что делаю. Ты должен довериться мне.

Я фыркаю:

- Я все еще пытаюсь убедить себя, что грибы в моем гамбургере не были психоделическими, и что когда я завтра проснусь, все это не окажется галлюцинацией.

Одри не улыбается, глядя на меня, сузив глаза.

- Хорошо, я доверяю тебе.

Мы несколько секунд летим в тишине, прежде чем она шепчет:

- Развейся, - и снова меня отталкивает.

Мы приземляемся на бегу, когда потоки воздуха растворяются, опуская нас на мягкую траву в переднем дворе моего дома. Дом не освещен, за исключением моей спальни, в которой горит лампа, зажженная мной после того, как Одри упала без сил на пол.

Кажется, это было несколько лет назад, а не часов.

Мое окно до сих пор открыто. Великолепно. В моей комнате, наверно, полным-полно бабочек.

- Я вернусь завтра, чтобы начать тренировку, - говорит Одри, поворачиваясь к финиковой аллее.

- Это все? Теперь мне положено просто идти спать?

- Тебе нужен отдых. Завтра будет длинный день.

- А ты? - Моя кожа зудит от одной только мысли о куче пальмовых листьев, на которой она спит. - Ты могла бы остаться в моей комнате, если хочешь.

Она поднимает бровь.

Я чувствую, как мои щеки горят.

- Я не это имел в виду. Я посплю на полу.

Губы Одри растягиваются в полуулыбке. Я размышляю о том, знает ли она, как полноценно улыбаться.

- Я не буду спать, - говорит она. - Мне нужно придумать, как позвать на помощь.

- Ох, точно.

Сражаться с психами, которые идут, чтобы захватить меня, по причине, которую я до сих пор не понимаю. Да, сон действительно будет безнадежным делом.

- Отдохни, как следует, Вейн, - шепчет Одри и уносится в сторону пальм.

Я жду, пока она не исчезнет из виду, затем влезаю в дом через окно, ругая родителей за посаженный под окнами колючий кустарник. Я опускаю окно и защелкиваю задвижку.

Часы на ночном столике показывают 1:03 утра.

Я глазею на пустую бутылку воды, на полу. На место на ковре, где Одри лежала без сознания. На подушки и простыни, раскиданные оттого, что я проснулся в испуге.

Я не знаю, что делать со всем тем, что я видел или чувствовал, или тем, о чем Одри рассказала мне. Поэтому я делаю то, что она приказала. Я забираюсь в кровать, размышляя о том, будет ли эта ночь первой ночью, в которую она мне не приснится.

Я буду скучать по ней.

Легкий ветерок врывается в мою комнату, напевая какую-то старинную колыбельную.

Я закрываю глаза и позволяю шелесту унести меня в сны о моем наследии. Сны об Одри.

Глава 10

Одри

ОДРИ

Я мечусь взад и вперед по комнате - удивительно, как еще не вытоптала пол до дыр. Наконец, я падаю на жесткую грязную землю, оттягивая время, как последняя трусиха.

Мои глаза начинают слипаться, но я заставляю их распахнуться. За последние десять лет я спала не больше двух часов в сутки. Силы Бури предупреждали, чтобы я не перенапрягалась, но охрана Вейна - круглосуточная работа. И если я стану потакать своим желаниям, то рискую подвести их.

Как подвела своего отца.

По крайней мере, Вейн отдохнет. Восточный ветер, который я отправила, убаюкает его утомленный разум. Этот трюк проделывал мой отец, сплетая легкий ветерок в вихрь колыбельных. Уложив меня спать, он посылал его в мою комнату, добавляя к нему свой теплый густой голос.

Мой отец не мог говорить с птицами, как мы с мамой, но он пел подобно им. Это не было истинным даром, но, тем не менее, у нас было что-то общее. Каждый раз, летая вместе, мы пели дуэтом.

Но я не вплетала свои собственные песни в ветер, посланный Вейну. Мои мелодии умолкли в день смерти отца.

Такое ощущение, что даже от простого сплетения колыбельных мое сердце рвется на части, но Вейн заслуживает последнюю спокойную ночь. Тяжелое бремя лежит у него на плечах, гораздо тяжелее, нежели мои задачи.

Ближайшие дни станут самыми тяжелыми в его жизни.

Удивительно, как легко мне сопереживать ему. Долгие годы мне было трудно не злиться на него. Не испытывать ненависть от того, что его жизнь важнее жизни моего отца. Важнее моей. Я беспокоилась, что мне будет тяжело вести себя корректно, когда нам придется общаться.

И Вейн... впечатляет, хоть и не совсем так, как я ожидала. Некоторые из моих эмоций и действий - загадка для меня. Например, моя нерешительность сказать ему правду, что является одним из основных аспектов моего задания. Или желание прикоснуться к нему.

К его руке.

К его губам.

Почему я сделала это? Я совершенно не собиралась этого делать.

Может, из жалости?

Я хочу, чтобы так и было, но непонятно, почему тогда моя кожа до сих пор горит в тех местах, где мы соприкасались? Почему даже теперь, при одном только воспоминании о его объятиях или взгляде, я ощущаю в груди странную пустоту? Почти как...

Я останавливаю себя прежде, чем успевают сформироваться мысль.

Что бы эти чувства не значили, я избавлюсь от них. Мне не нужно, чтобы Вейн Вестон усложнял все больше, чем есть.

Гэвин щиплет меня за руку, и его когти впиваются в мое запястье - так он не особо ласково напоминает мне о том, что я перестала поглаживать шелковистые серые перья на его спине. Он бывает требовательным, но он - мой лучший друг. И он - единственный, кто не презирает меня за то, что произошло. К тому же, Гэвин подавляет свой инстинкт мигрировать, только чтобы оставаться со мной. Поэтому я терплю его заморочки. Даже когда он оставляет недоеденного кролика на полу.

В желудке урчит при виде этой картины, отдавая коликами в животе.

Еще один побочный эффект от воды.

Чем дольше мы голодаем, тем больше сжимаются наши желудки. Это болезненный процесс, поэтому большинство стражей поддаются соблазну по крайней мере раз в год, чтобы унять голодные боли.

Но не я. И после десяти лет голодания мой желудок сжался окончательно.

Теперь вода оживила аппетит, который жжет так сильно, что меня привлекают даже отвратительные останки кролика и гнилые финики на полу. Внутри меня разгорается вспышка гнева, но мне удастся ее погасить. Я заслуживаю всяческих испытаний, неудобств и всего остального. Моя жизнь

ничего не значит. С тем же успехом она могла бы оборваться в день того шторма.

Но все же я выжила. И получила подарок от отца, хотя кажется, будто я его украла.

Я все еще чувствую, как пальцы мамы впивались в кожу, когда она трясла меня за плечи. Кричала, что я забрала последнюю его часть, которая у нее оставалась. Что он должен был выбрать ее, а не меня.

Я до сих пор не знаю, почему он это сделал.

И не имею ни малейшего представления, что означает тихое послание, которое он мне оставил: "Я знаю, что ты правильно этим воспользуешься, моя дорогая Одри".

Он хотел, чтобы это осталось у меня. Поэтому я вдыхала, позволяя мудрости и энергии наполнить мой разум, пока слезы струились по лицу и последний шепот отца уносило порывистым ветром.

Я поклялась на месте, что закончу то, что он начал. Стану стражем.

Подготовлю Вейна. Сделаю его сильнее, чем кто-либо мог предполагать, чтобы он мог положить конец царству Райденского террора.

И теперь я буду защищать невинных людей от Буреносцев в этих засушливых городах.

А это означает, что позвать на помощь - мой долг.

Но... Похоже, мне нелегко заставить себя это сделать.

Я не знаю безопасного способа связаться с Силами Бури самостоятельно.

Они решают, к какой информации стражи получают допуск, а так как я знаю о Вейне все, что есть, они больше ничего мне не говорят.

Эта мера безопасности спасла нас четыре года назад, когда Райден захватил двух лучших из нас. Никто не знает ужасов, через которые они прошли, но он сломил их. И узнал самую сокровенную тайну Сил Бури - что Вейн пережил нападение, убившее его родителей столько лет назад.

Но Райден не узнал, где мы его спрятали.

И тогда он начал свои неустанные поиски.

И я, наконец, стала стражем. До этого я была всего-навсего "практиканткой" и должна была отчитываться тренеру о моих продвижениях. Даже тогда Силы Бури беспокоились, что нагрузка чересчур велика для моего возраста, и пытались заставить меня отдыхать от дежурств. Но я всегда пробиралась обратно, чтобы приглядывать за Вейном. Я не могла рисковать тем, что, пока меня нет, может что-то произойти. И когда Райден узнал, что Вейн жив, Силы Бури не могли дольше оттягивать мое назначение. Вейну была нужна постоянная защита, и я была лучшей среди доступных Сил Бури. Вне всяких сомнений, я - самый юный страж, но никто не сравнится с моим мастерством и решимостью. Решение было практически единогласным. Только один голос - против.

Моей мамы.

Не потому, что она беспокоилась о моей безопасности. Она думала, что я недостойна.

Теперь мне придется идти к ней и объяснять, в какой мы беде. Умолять о помощи.

Все, что я вытерпела и пережила сегодня ночью, меркнет по сравнению с этим.

Поэтому я сижу в оцепенении, поглаживая Гэвина, пытаюсь отыскать в себе силы, чтобы сделать то, что должна. Я нахожу их в строгой черной куртке, застегнутой на груди. В легком натяжении волос от заплетенной косы.

Я перезаплела волосы и переделалась в униформу, как только вернулась домой. Я не могу себе позволить забыть об обязанностях.

Так что я считаю до пяти, давая себе возможность на несколько секунд предаться страху и жалости, затем отпускаю Гэвина на его насест на подоконнике, приказываю, чтобы он избавился от изуродованной тушки до моего возвращения, и отталкиваюсь от пола.

Я призываю с гор два Северных Ветра и оборачиваюсь ими, едва дыша. Их песня стойкости и могущества наполняет мой разум, пока они уносят меня прочь.

Я не летала этим путем с тех пор, как ушла четыре года тому назад, но он высечен в моей памяти. За холмами, за лесом колючих сплетенных между собой юкк, маленький квадратный домик скрыт на пустынном участке, столь обширном и пустом, что я сомневаюсь, что люди знают о его существовании. Потому-то Силы Бури и выбрали его.

В доме темно, но мама здесь. Я чувствую ее присутствие по колебанию воздуха. По тяжести у меня в груди.

Я отсылаю ветер, касаясь ногой мягкого песка тише, чем кошка, преследующая свою добычу. Тем не менее, легкое движение у окна говорит мне, что она знает о моем прибытии. Ничто не может застать ее врасплох.

Это еще один дар, и он подвел ее лишь однажды.

Но это произошло по моей вине.

Птицы разных видов и размеров, сверкая глазами в лунном свете, наблюдают за мной с карниза крыши, когда я пересекаю небольшой двор. Их притягивает к маме, они передают свои инстинкты, только чтобы оставаться в пределах ее досягаемости. Много лет назад они бы приветствовали меня как одну из них. Наполнили бы воздух мелодиями своих песен, слетая вниз и кружась. Касались бы моей кожи своими шелковистыми перьями.

Теперь меня окружает лишь их молчаливое осуждение. Они отвергли меня, так же как и мама.

Раз в месяц она посылает узнать о моих успехах мрачного ворона. Он впивается в меня острыми как бритва когтями, доставляя ее послание - одно и то же, каждый раз. Это моя единственная связь с мамой и миром Странников Ветра.

"У него произошел прорыв?" - значит это послание.

Последние новости о Вейне. Единственное, что имеет значение.

Я не обращаю внимания на насмешливые взгляды птиц и сосредотачиваюсь на одиноком ветвистом дубе - торжество выживания и стойкости среди бесплодного пустынного пейзажа. Я приносила присягу Силам Бури, преклоняясь в тени его листвы. Моя мама тогда даже не потрудилась выйти. Я уехала в тот день и не вернулась. Никогда не планировала возвращаться. Это необходимо, - напоминаю я себе и нехотя поднимаюсь по лестнице.

Дом небольшой, простой и неприметный - мимо такого пройдешь и даже не заметишь. Мама его не выносит.

Если бы у нее был выбор, она бы вернулась в наше старое поместье на востоке. Окружила бы себя успокаивающими тропическими ветрами нашего наследия и скрылась бы от непокорных пустынных бурь.

Но сейчас это невозможно.

Дверь распахивается от резкого порыва ледяного ветра, и я довольна тем, что не подскакиваю от неожиданности. Я готова к играм мамы, но не могу унять дрожь в коленках, входя в скудно обставленную неосвещенную комнату.

Благодаря маме, наша первая за четыре года встреча пройдет в темноте.

- Что ж, - говорит она своим низким грудным голосом, поднимаясь из плюшевого кресла у единственного окна. Лунный свет лучами падает на изящные черты ее идеальных фигуры и лица. Даже темнота или угрюмый вид не в состоянии скрыть ее красоту. - Судя по твоему понурому виду и перемене Северных Ветров, которую я чувствовала всю ночь, - она вздрагивает, поглаживая руки, словно от зуда, - полагаю, ты пришла просить помощи.

- Я тоже рада тебя видеть, мама, - мне не удастся скрыть горечь в голосе. Я не виню ее за то, как она стала обходиться со мной после смерти отца. Но от этого не легче.

Она не отвечает. Вместо этого она трет кожу на руках сильнее, словно зуд превратился в боль, и ждет, когда я снова заговорю.

Я откашливаюсь:

- Мне нужно, чтобы ты потребовала помощи у Сил Бури.

Одна совершенно выгнутая бровь поднимается в мою сторону, и я стараюсь подавить вздох. Мама потребует рассказать все до последней детали, прежде чем протянет руку помощи. Так что я выкладываю все как есть: как я воспользовалась Северным Ветром, чтобы предотвратить сближение Вейна с земной девушкой. Как слилась с ветром, чтобы ускорить прорыв его сил Восточного Ветра. И как Вейн напоил меня водой, пока я была без сознания. У меня нет нужды объяснять, в насколько затруднительном положении мы находимся. Она понимает это не хуже меня.

Мама - спец по затягиванию драматических пауз, но я стараюсь даже не моргать до тех пор, пока она наконец не откидывает назад свои длинные волосы цвета вороного крыла и не отворачивается. Как обычному стражу, ей следовало бы носить соответствующую косу. Но мама - необузданный ураган. Она не плывет по течению. Это то, что мой отец любил в ней больше всего.

Она проносится по коридору, вспыхивая на свету - ее шелковое зеленое платье мерцает при каждом движении. Мама никогда не носила форму, положенную стражам, оставляя кожу обнаженной для ветра, чтобы в любое мгновение иметь возможность использовать дар. Легчайшее колебание воздуха звучит для нее так же ясно, как слова песни ветра. Тайный язык, который понимает только она. Постоянные прием и отдача, прилив силы и истощение, покой и движение.

Редкий дар и бремя, которые никто из нас никогда не понимал. Но мой отец пытался в этом разобраться больше других. Ему внушало страх то, что ее могущество порождает слабость, и он делал все возможное, чтобы усмирить буйство силы, помогая маме совладать со стихией.

Это то, что она любила в нем больше всего.

Мама со скрипом передвигает стул по полу и садится за узкий пустой стол. Она не предлагает мне присоединиться. Да я и не стала бы в любом случае. Мое внимание невольно притягивает место, на которое больше всего смотреть. Ветряные колокольчики, висящие над столом, там, где должна быть люстра.

Дрозд, выполненный в мельчайших деталях, парит с распростертыми крыльями над гроздью мерцающих серебряных колокольчиков. Мой отец сделал их для нее в день, когда они решили связать себя узами, с тех пор колокольчики висели на самых ветреных карнизах в каждом доме, где мы останавливались, заполняя воздух своей звонкой песней. Не считая меня, это единственная вещь из маминого прошлого, которая пережила торнадо Буреносцев.

Судя по безупречному сиянию колокольчиков и тому, что их держат вдали от стихий - защищенными и в безопасности, - сразу ясно, что для мамы важнее. Мои глаза щиплет, но не пренебрежительное отношение расстраивает меня, а то, что колокольчики заперты внутри и никогда не зазвучат снова.

Мама откашливается, и я заставляю себя взглянуть на нее, сожалея, что она застала меня пристально рассматривающую их.

- Для начала, что он вообще делал с другой девушкой? - спрашивает она. - Вейн должен быть по уши влюблен в тебя и даже не думать о том, чтобы тратить время на кого-то еще, особенно земную.

- Каким образом? Мне не было позволено говорить с ним до тех пор, пока не состоится его прорыв, и я старалась не показываться ему на глаза.

Мама вздыхает:

- И это твоя ошибка. Ты красивая девушка, Одри. Парни должны таять от одной твоей улыбки, и тебе следует пользоваться этим преимуществом. Ей легко говорить. Она может растопить сердце любого мужчины - сильфа или земного - всего раз трянув своими блестящими волосами или подмигнув голубыми, оттенка сапфира, глазами.

- Я не знаю, как влюбить в себя Вейна, - я сжимаю руки, и при воспоминании о тепле Вейна пальцы снова начинают покалывать. - Я не такая, как ты. Я не могу заполучить любого парня, которого пожелаю.

- Я тоже не могу, - она судорожно сжимает в пальцах серебристое перо, висящее у нее на шее на черном шнурке.

Подвеска моего отца, какие носят стражи.

У меня есть похожая, спрятанная под курткой, но мой шнурок - голубого цвета. Моя жизненная сила все еще питает его.

Меня душат накатившие внезапно эмоции.

Я изучаю маму. Тени под глазами. Тонкие хмурые морщинки возле уголков рта. Они появились в тот день, когда мы потеряли отца - мама постарела мгновенно. И морщины только углубились со временем. Ее связь с отцом

должна была разорваться с его смертью, но она словно усилилась каким-то образом. Как будто мама неистово цепляется за нее побелевшими от усилия пальцами, отказываясь отпустить. Отказываясь разорвать их узы.

Широкий золотой браслет охватывает ее руку с тех пор, как отец надел его ей, когда они официально дали клятву. Но усыпанные драгоценными камнями кольца в центре потеряли свой блеск. А замысловатые дрозд, приделанный поперек, выглядит изношенным и потускневшим. Словно истерт беспокойными пальцами.

Я сглатываю комок в горле.

- Пусть лучше Вейн не влюбляется в меня. Это только все усложнит, когда он узнает о Солане.

Мама кивает, соглашаясь со мной. У Сил Бури большие планы на Вейна.

Ничто не может им помешать, и никому не следует вставать у них на пути.

- И все же, зачем было вызывать Северный Ветер? Ты не могла придумать более безопасный способ предотвращения связи?

Я пристально рассматриваю пол, повторяя рисунок древесной текстуры носком начищенного ботинка. Мама снова права. Я потеряла голову. Я увидела, как Вейн наклоняется к той девушке и просто... среагировала.

Но что мне оставалось делать? Только Северные ветры достаточно сильны для того, чтобы оттолкнуть Вейна, и ни одного из них не оказалось поблизости.

Хотя... Гэвин мог бы пролететь между ними. Эта мысль не пришла мне в голову. Вот какой я, оказывается, хранитель.

- Думаю, меня это не должно удивлять, - тихо говорит мама. - У тебя отлично получается призывать ветер, когда не следует.

Если бы она ударила меня, было бы не так больно.

- Что сделано, то сделано, я не могу ничего изменить, - шепчу я, убеждая скорее себя, чем ее. - Я замаскировала следы насколько возможно, и теперь буду учить Вейна сражаться. Но нам нужна помощь. Ты позовешь Силы Бури?

Мамины тонкие пальцы поглаживают кулон отца, и, пристально глядя на неподвижные безмолвные ветряные колокольчики, она отвечает:

- Нет.

- Что? - Она не может отказать в такой важной просьбе просто мне назло.

Мама качает головой, словно знает, о чем я думаю.

- Райден начал массированное наступление против Сил Бури, решив подавить наше сопротивление. Мы не можем себе позволить отправить кого-либо к вам, особенно по такому пустяковому случаю.

У меня уходит секунда на то, чтобы обрести голос, и еще одна - чтобы подавить гнев:

- Я знаю, ты никогда не простишь мне того, что произошло с отцом, но это касается не только меня.

- Конечно. Но ты понятия не имеешь, с чем нам пришлось столкнуться за последние годы. Ты живешь, дышишь и спишь Вейном Вестоном. Ты не знаешь, сколько наших баз нашел Райден. Сколько Сил Бури было убито.

Что под пытками стражи поведали Райдену о секретных разработках,

которые мы вели. Наши истощенные силы находятся под постоянной атакой. Только в самых чрезвычайных ситуациях позволено отвечать на просьбы о помощи.

- Но это и есть чрезвычайная ситуация. Вейн слишком важен, чтобы подвергать его риску. К тому же, земные в долине могут быть убиты.

- Значит, ты должна обучить его и защитить их.

- Как? Чему я могу научить его за три дня?

- Три дня, - ворчит мама. Она поднимает руку, танцуя пальцами, как будто они играют на невидимом инструменте. Прощупывая настроение воздуха. - Я могу оттянуть время.

- Я уже пыталась сбить их с толку всеми...

- Мне не нужны твои оправдания, - мама поворачивается ко мне, движение ее руки становится размытым, когда она взмахивает ею вверх, сгибая кисть и захватывая воздух одним плавным движением. Я подпрыгиваю от того, что громкий треск, сопровождаемый оглушительным грохотом на улице, раскалывает тишину ночи.

Мне не нужно смотреть в окно, чтобы догадаться, что это мама при помощи ветра отломили ветку дуба и, затем, вбила ее в землю. Контролируя ветер без слов, управляя одним только прикосновением. Еще одна искусная хитрость, которую я видела, как мама выполняет десятки раз. Еще одно умение, известное лишь ей одной.

- Я знаю, ты сильна...

- Дело не в силе, - ее рука возвращается на колени, а пальцы поглаживают дрозда на золотом браслете. - Ветер рассказывает мне секреты, которые спасут тебя от всех этих неприятностей, которые ты устроила. Те же секреты, которые спасли бы жизнь твоего отца десять лет назад, если бы ты не соврала мне.

Ее лицо идет пятнами, в то время как мои глаза наполняются слезами. Она ждет, когда я что-нибудь скажу. Но у меня нет слов.

В конце концов мама вздыхает:

- Я могу выиграть для вас еще пять дней.

- Пять дней? Как ты можешь быть настолько точна?

- Ты бы знала как, если бы могла чувствовать то же, что и я.

Мои руки сжимаются в кулаки, и ногти впиваются в кожу.

Сколько себя помню, мама всегда приводила туманные объяснения, настаивая на том, чтобы ей слепо верили. Но ситуация слишком важна, чтобы загадывать загадки, независимо от того, насколько сильной мама показала себя в прошлом.

Но я знаю, что она больше ничего не скажет. Это еще одна ее игра - постоянно удерживать превосходство. Так что я говорю:

- Восьми дней все равно недостаточно.

- Должно хватить.

- У Вейна нет никаких умений. У него случился прорыв силы только одного ветра, да и то не самого важного. Я недостаточно сильна, чтобы справиться с двумя Буреносцами в одиночку. Если ты не позовешь Силы Бури, то мне

понадобится твоя помощь, - я сглатываю, мне нужна передышка, чтобы обуздать свою гордость: - Ты будешь сражаться вместе со мной?

Слова звучат не громче дыхания.

Потирая пальцами выгравированного дрозда, мама просто говорит:

- Нет.

Она знает, что я бы не просила о помощи, если бы не безвыходное положение. И все равно отказывает мне.

- Сейчас я нужна Силам Бури как никогда, чтобы вести наблюдение, - объясняет она, встречаясь со мной взглядом. - Я и так буду достаточно рискованно, пытаясь сбить с толку Райдена. Он сходит с ума от желания найти меня, с тех самых пор как узнал, что я выжила. Вот почему я застряла в этой дыре, отрезанная от мира.

Я смеюсь, хоть это ни капли не смешно:

- И ты считаешь, что Силы Бури ценят твою жизнь выше, чем Вейна?

- Конечно, нет. Но у Вейна есть ты - его хранитель.

- Но с водой в организме я недостаточна сильна, чтобы защитить его. Я никак не смогу сделать этого в одиночку.

- Я знаю, как можно исхитриться.

Ее голос смолкает, но все внутри меня по-прежнему сжато в комок:

- Ты надеешься на то, о чем я думаю?

- Я надеюсь, что ты инициируешь прорыв его силы Западных Ветров до того, как придут Буреносцы. Тебе полагалось сделать это давным-давно. Силы Бури выбрали тебя, потому что знали, что ты будешь безжалостно, как никто другой, тренировать его. Они знали, как много тебе нужно доказать. Или искупить.

Искушение.

Мама еще никогда не подходила так близко к тому, чтобы обвинить меня в смерти отца, и непокорная слеза скатывается по щеке, прежде чем я успеваю смахнуть остальные.

- Силы Бури были очень недовольны незначительными успехами Вейна, - добавляет мама тихо. - Пусть это мотивирует тебя показать им, что ты хранитель, и что Вейн с тобой достигнет своего потенциала. Оправдай их веру в тебя. Но... если потерпишь неудачу... существует и другой путь.

Произнося последнюю фразу, мама не смотрит на меня, и я не вижу выражения ее лица. Но этого и не нужно, я все равно не знала бы, что на это ответить.

Меня не готовили к тому, что отвечать, когда собственная мать предлагает покончить с собой. И говорит об этом так, как будто это все равно что ноготь сломать.

Я сопротивляюсь нарастающему во мне порыву гнева и боли. Разве я не клялась и не задумывалась об этой возможности, соглашаясь стать хранителем Вейна?

Я знала, на что иду. Лучше, чем кто-либо.

- Я готова принести жертву, если это необходимо, - шепчу я, удивляясь тому, как правдиво звучат слова.

Каждый мой вздох украден у моего отца, так что если до этого дойдет, я последую его примеру и пожертвую своей жизнью.

Если до этого дойдет.

Потому что если Вейну удастся освоить языки всех четырех ветров в следующие восемь дней, он станет непобедим.

Это весьма сомнительно, но все может быть.

В противном случае я сделаю то, что должна.

Мама прочищает горло, словно борясь с собственными эмоциями. Но ее лицо - все та же бесстрастная маска, которую она носит с того самого дня, как отец покинул землю.

- Я предупрежу об опасности, когда почувствую приближение Буреносцев, - говорит она мне.

Я киваю.

Все мои инстинкты кричат о том, что ей нельзя доверять, но ничего другого мне не остается. Все что я могу сделать - погрузиться с головой в обучение Вейна и надеяться на то, что мама выполнит свое обещание. Я поворачиваюсь к двери.

- Прежде чем ты уйдешь, мне нужна твоя песня дыхания, - говорит мама мне вслед.

Я замираю на месте.

Каждый Странник Ветра рождается с песней на устах, мелодией, известной лишь ему одному. Когда мы умираем, мелодия становится частью ветра.

Маленькая частичка нас, которая продолжает существовать. Наш след в мире.

Не обязательно держать эти песни в тайне, но большинство из нас никогда не разглашают их. Слышать чью-либо песню дыхания - то же, что заглядывать в душу. Моя мама - последний человек, которому бы я хотела раскрыть свою.

- Ничто не оставит более мощный след, - объясняет она, пока я продолжаю молчать. - Ничто другое не собьет Буреносцев с толку.

Я бы предпочла раздеться догола перед всеми Силами Бури вместе взятыми.

Но речь не обо мне.

Я не могу смотреть на маму, пока пою простой стих.

Ветерок-скиталец мечется тревожно.

Унесен порывом ветра. Затерялся, сбит с пути.

Ураган бушует, скрыться невозможно.

Ветерок вперед несется в поисках своей судьбы.

Каждое слово уносит с собой частичку меня и присоединяется к вихрю, кружащему вокруг нас. Мама подманивает строфы песни дыхания к себе, сплетая их, словно ветер, вместе.

- Ты поешь как твой отец, - шепчет она.

Я рискую взглянуть на нее, но не вижу никакой теплоты в ее взгляде. Он холоднее и тяжелее, чем когда-либо. Будто напоминание о нем - преступление с моей стороны.

В глубине души мне хочется, чтобы мама проводила меня до двери, хотя я знаю, что этого не случится. Ей безразлично, что сегодня - возможно

последний раз, когда она видит меня живой. Она почувствует облегчение, когда меня не станет.

Так что я почти не внимаю ее шепоту, когда открываю дверь, чтобы уйти:

- Ты сильнее, чем думаешь, Одри.

Я делаю дрожащий вдох:

- До свидания, мама.

Я ухожу не оборачиваясь. Она не прощается.

Глава 11

Вейн

Вейн

- Вейн, просыпайся, - шепчет знакомый голос. Я пытаюсь уцепиться за сон, который я видел: что-то о полетах и ветре, но голос звучит снова, разрушая мою концентрацию. - Пора начинать обучение.

Я разлепляю глаза, недовольный тем, что в комнате тускло и серо. Восход только начался - мне еще слишком рано просыпаться.

Мой взгляд проясняется, и я сосредотачиваю внимание на темноволосой девушке, стоящей у спинки моей кровати.

Я резко сажусь, натянув простынь до самой шеи, пока не осознаю, что спал одетым.

- Одри?

Она кивает.

- Ты помнишь?

- Вроде того, - блин, еще слишком рано, чтобы я мог связно думать. - И не подсматривай за мной, когда я сплю - это напрягает, - добавляю я, расстроенный, что она застала меня врасплох.

Она пропускает мимо ушей мое замечание.

- Как много ты помнишь о прошлой ночи?

Я быстренько провожу мысленную проверку.

Знойная девушка из снов реальна - это раз.

Впрочем, ее волосы снова заплетены в косу, такую же, что была у нее в Ярд Хаусе, и на ней снова мешковатые штаны и куртка, что делает ее менее эффектной, зато гораздо более пугающей. Намного больше мне нравится то мини-платье, которое было на ней надето прошлой ночью.

Кончики пальцев покалывает от воспоминания о прикосновении к ее губам, когда я приоткрывал их. То, как она смотрела на меня, когда мы были наедине. То, как она обвивала меня руками...

Погодите-ка, чем я там занимался?

Точно, мысленной проверкой прошлой ночи.

Утренний бриз врывается в открытое окно и шепотом напевает об утренней росе, о восходе солнца и приближающейся жаре. Это более чем странно. И означает, что я не выдумал, что я-сильф-Странник Ветра-или-как-это-там-еще-называется.

Не человек - это два.

Удивительные открытия, с которыми я не знаю, что делать - это три.

Но кое-что я упускаю.

Я замечаю у Одри тени под глазами. Она выглядит усталой. Обеспокоенной. Другие воспоминания прорываются сквозь мысленный туман. Прибудут воители, что звучит так невероятно, будто моя жизнь официально превратилась в видео игру. Я серьезно... воители! У кого они еще есть, кроме как у полководцев в ролевых играх?

Опять же, оказывается, я - мифическое создание. Звучащее как выдумка, существо, о котором я никогда раньше не слышал, но все же мифическое. Заметка себе на будущее: погуглить "сильфы".

- Помощь уже в пути? - спрашиваю я, стараясь оставаться сосредоточенным. Одри не смотрит на меня, отвечая:

- У меня появился другой план. Время заниматься. Одевайся.

Она выпрыгивает в окно, прежде чем я успеваю задать дополнительные вопросы, типа: что это значит, черт возьми? И эта фишка с вытаскиванием меня из постели до пяти утра и приказами, что мне делать без каких-либо объяснений, должна прекратиться, и немедленно.

Часть меня хочет захлопнуть окно, защелкнуть задвижку и свернуться обратно под одеялом. Возможно, я даже выставлю вывеску, значащую: не возвращайся, пока не наденешь сексуальное платье.

Ради такого - есть смысл рано вставать.

Но другая часть меня слишком заинтригована тем, что Одри имела ввиду под "заниматься", чтобы слишком сильно сопротивляться. Особенно когда мне нужно узнать, что это за новый "план", и убедиться, что нет необходимости эвакуировать из города и прятать где-то в безопасности мою семью.

Так что я буравлю взглядом стену в течении нескольких секунд, затем сбрасываю простынь с кровати и хватаю футболку из кучи на полу рядом со шкафом. Шорты-карго, которые я носил вчера, смялись за ночь от лежания на полу, но в пять утра, после четырех жалких часов сна, мне плевать, как я выгляжу. Я хватаю их и тащусь по коридору в ванную, чтобы переодеться. Не похоже, что Одри - "любопытная Варвара", и я не уверен, что возражал бы, если бы она была. Но я не собираюсь идти, не почистив зубы. Я ни в коем случае не хочу, чтобы она унюхала неприятный запах из моего рта.

Двумя минутами позже я выпрыгиваю из окна, пахнувший свежей мятой и с хмурым видом, который, я надеюсь, означает: у тебя должна быть чертовски серьезная причина, чтобы разбудить меня так рано. Если Одри и замечает мое намерение, не похоже, чтобы ее это заботило. Она только шикает на меня, когда я спрашиваю о плане, и жестом показывает мне следовать за ней в финиковую аллею.

Мы останавливаемся, когда доходим до сгоревшего дома, в котором Одри ютится.

- Во сколько просыпаются твои родители? - спрашивает она.

- Не знаю, в семь или восемь, - я отмахиваюсь от роя мошкары у лица, мысленно проклиная дурацкую пустыню. Уже настолько жарко, что у меня вспотела спина. - Но они знают, что я никогда не просыпаюсь раньше девяти. Я делаю ударение на слове "никогда" в надежде, что она уловит намек.

- Хорошо. У нас есть четыре часа на тренировку каждое утро. Хотя было бы лучше, если бы ты придумал отмазку для родителей, желательно объясняющую, куда ты уходишь ночью, чтобы нам не приходилось беспокоиться о том, что они поймают тебя, линяющего из дома.

- Притормози. Я ни за что не буду вставать в пять каждое утро, особенно если ты будешь заниматься со мной ночью. Мне нужен мой "сон красоты".

Во-первых, у меня каникулы, а во-вторых, мне нужно спать как минимум восемь часов, чтобы нормально функционировать. Я ни за что не собираюсь бродить как зомби только потому, что ее "новый план" не предусматривает позвать подмогу. Что если я хочу, чтобы она позвала на помощь?

Одри наклоняет голову:

- Ты будешь тренироваться, когда я велю тренироваться, будь то рано утром или поздно ночью.

Я скрещиваю руки на груди и бросаю на нее тот самый "ты это серьезно?" взгляд, который оттачивал, когда Мистер Гантер имел обыкновение читать мне лекции о том, как я буду использовать алгебру в повседневной жизни.

Ну-ну.

Ей повезло, что у меня вообще есть желание тренироваться. Я мог бы так же легко запрыгнуть в машину и отправиться за город, оставив ее разбираться с надвигающимся чем бы то ни было своими силами. Я все еще не отказался от такой возможности.

Очевидно, приходит время установить правила игры и дать ей понять, что Одри не может мне приказывать. Это моя жизнь, и я собираюсь держать ее под контролем.

- Я могу заниматься с тобой после обеда, при условии, что мы пойдем куда-то, где есть кондиционер. Но, прежде чем мы начнем, ты мне все объяснишь. Поняла?

Откровенно говоря, я очень горжусь тем, как подвел черту.

Но Одри сужает глаза и сжимает челюсти.

- Похоже, ты находишься под ложным впечатлением, что ты тут главный, так что позволь мне исправить это прямо сейчас.

Она взмахивает руками перед собой и шепчет: - Порыв.

Воздушная волна ударяет меня в грудь и отправляет в полет в противоположную сторону. Я издаю стон, ударившись спиной об оставшуюся стену сгоревшего дома. Ветер прищипливает меня к шершавой штукатурке, и мои глаза слезятся от несущегося воздуха.

Одри шагает ко мне, свирепый взгляд ее глаз не оставляет сомнения, что она может прикончить меня прямо здесь и сейчас.

- Давай разберемся, - говорит она, ее голос предельно серьезен. - Мы в огромной опасности, и я несу ответственность за жизнь каждого в этой долине, включая тебя. Никто не принесет большую жертву, чем я, так что ты будешь делать то, что я скажу и когда я скажу, и не будешь жаловаться. Ты. Все. Понял?

- Помнится, ты говорила, что сегодня ответишь на мои вопросы, - кричу я, стараясь заглушить ветер. Я отчетливо помню ее обещание прошлой ночью.

Примерно в то же время она пообещала позвать на помощь. Что поменяло планы?

- Я отвечу, Вейн. Но мы должны тренироваться, когда нас никто не видит, так что тебе придется потерпеть еще несколько часов. Я отвечу на твои вопросы сегодня вечером, и тогда ты поймешь, насколько все серьезно. Договорились?

Я не хочу идти ей навстречу: она бросила меня в стену с достаточной силой, чтобы остался огромный синяк. Уверен, она более чем готова продолжать мять мне бока своей колдовской властью над ветром, и я не в настроении для дальнейших издевательств.

- Ладно.

- Хорошо, - она опускает руки и шепчет:- Развейся.

Ветер уносится прочь. Я тяжело опускаюсь на землю, задыхаясь и кашляя от всей той пыли, что Одри подняла в воздух.

Она выглядит немного виноватой, пока я разминаю свои побитые плечи.

- Я тебя ушибла?

Я отмахиваюсь и поднимаюсь, отягивая шорты и ноги от песка. Я не собираюсь признаваться, что меня побил щуплая девчонка.

Она направляется в свой ветхий дом с гордым видом, и я иду следом, намеренно как можно медленнее волоча ноги.

Пусть думает, что может указывать мне, но в один прекрасный день я стану достаточно сильным, чтобы справиться с ней. И как только это произойдет, воздушная девчонка потерпит поражение.

Глава 12

Одри

Не похоже, что Вейн осознает серьезность нашей ситуации. Либо это так, либо он действительно самый надоедливый мальчишка на планете.

Возможно, и то и другое.

По крайней мере мои пальцы больше не покалывает от прикосновений к нему. Они скорее чешутся его придушить. И если бы он не был так жизненно важен, я бы это сделала. Как жаль, что он Вестон.

Я топаю по дому, по чуть-чуть выпуская накопившееся раздражение с каждым ударом ботинок. Ради кого умер мой отец? Ради кого я должна сложить свою жизнь? Ради этого испорченного, неблагодарного мальчишки, который, как я слышу, едва тащится по песку, растрчивая впустую драгоценное время, только чтобы позлить меня?

С меня хватит с ним нянчиться.

Я подхожу к единственному углу комнаты и отодвигаю пальмовые листья от стены, обнаруживая рукоять моего клинка. Спокойствие охватывает меня, когда я берусь за нее, нащупывая идеальное место на эфесе для каждого пальца. Меч был сделан не для меня, но я практиковалась с ним так часто, что теперь металл повторяет каждый изгиб моей ладони - осязаемое доказательство моего мастерства.

Легкий рывок кистью высвобождает клинок из углубления, пробитого мною в земле, и одним движением я рассекаю и закручиваю воздух, останавливая вращение, уперев острие оружия прямо Вейну в переносицу.

- Что за чертовщина? - кричит он, отступая назад.

Я улыбаюсь его внезапной потере мужества. Ветрорезы производят неизгладимое впечатление.

Тысячи прочнейших, острых как бритва, игл выстроились в линии с двух сторон стального стержня, образуя смертоносное перо, которое легко способно как разрезать плоть, так и разрывать в клочья сильнейшие потоки воздуха или воды. Я взмахиваю им пару раз, и рассекаемый воздух отражается от стен эхом, похожим на плачь с придыханием.

Вейн отходит заплетающимися ногами еще дальше.

- Теперь ты готов отнестись к тренировкам серьезно? - спрашиваю я, придвигая острие ближе, практически царапая кожу у него на носу.

- Я уже сказал, что да. Убери эту штуковину, пока кто-нибудь не поранился.

- Пострадает множество людей, если ты не станешь меня слушаться. У Буреносцев есть точно такие же клинки. Думаешь, они не решатся ими воспользоваться? Можешь ли ты вообразить степень разрушений, которые они могут учинить?

Я наклоняю клинок так, что рыжеватый солнечный луч отражается на остроконечных иглах. Вейн следит за блестящим на солнце мечем широко открытыми глазами, и я догадываюсь, что сейчас он мысленно представляет, каково это - быть раненным таким оружием.

Мне незачем это воображать. Я получила скользящий удар в предплечье острием клинка во время обучения и до сих пор помню сильнейшую боль, оттого что моя кожа была одновременно проколота, изрезана и разворочена. Сильнее - только боль от слияния с ветром.

- Оружие - ничто, по сравнению с силой трех, - добавляю я, ожидая, когда Вейн встретится со мной взглядом. Он выглядит мертвенно-бледным. - По приказу Райдена Буреносцы осваивают языки трех самых могущественных ветров, что делает их практически неуязвимыми. Они беспощадны. Подумай о том, что случилось с твоими родителями. С моим отцом.

Он никак не может сглотнуть, а его взгляд приклеен к мечу, который я поучающе направляю ему в лицо.

- Почему бы нам тогда не удрать? Зачем оставаться здесь и сражаться?

- Буреносцы - мастера выслеживать.

- А я, может, мастер скрываться. Я могу оставаться вне зоны их досягаемости, и тогда они решат, что потеряли меня навсегда.

- Ничего не выйдет. Но даже если бы тебе удалось ускользнуть от Буреносцев, что стало бы с твоей семьей? Смог бы ты убедить их бросить все и последовать за тобой? А твои друзья? И живущие здесь невинные люди? Ты бы позволил им умереть? Смог бы ты с этим смириться?

Ему нечем возразить.

- Поверь мне, Вейн. Если бы иной выход существовал, я бы им воспользовалась. Вот так, только мы с тобой - против них. Это не шутка. И ехидные замечания не спасут тебя в воздушной битве. Я могу научить тебя

защищаться, но только если ты перестанешь сопротивляться. В противном случае, ты с тем же успехом можешь сдаться Райдену прямо сейчас. Он точно оценит твое чувство юмора.

Его взгляд мечется между моим лицом и клинком.

Туда и обратно.

Туда и обратно.

Я понятия не имею, о чем он сейчас думает, но он кажется должным образом напуганным.

Я вздыхаю с облегчением, когда он, наконец-то, задает правильный вопрос.

- Итак, с чего начнем?

Я опускаю ветрорез:

- Садись.

Он присаживается на пыльную землю и поспешно отодвигается от меня подальше к стене, занимая безопасную позицию.

Вот и хорошо.

Я опускаюсь на колени и кладу ветрорез между нами:

- Первое правило - самое главное правило на время твоего обучения: к ветру можно обращаться только шепотом, и никак иначе. Понятно?

- Что вообще это означает?

- Тебе не нужно понимать, достаточно просто выполнять. Пока Буреносцы нас не нашли, ты можешь только шептать воздушным потокам. Нам не нужно, чтобы от ветра Буреносцы узнали больше, чем им уже известно.

Я жду, когда он согласится.

- Угу, отлично. Как скажешь.

Я закатываю глаза. Он такой трудный:

- Протяни правую руку ладонью ко мне, и разведи пальцы как я, - я широко раздвигаю пальцы, сгибая их, словно держу невидимый шар. - Запомни это положение. Таким образом легче всего улавливать ближайшие потоки воздуха.

Он повторяет за мной.

- Готово. Я должен что-то почувствовать?

- Сам скажи, что ты чувствуешь?

- Кроме того, что чувствую себя идиотом, оттого что сижу в сгоревшем доме в чертовы пять утра, скрючив руку, словно какую-то клешню... мне особо нечего сказать.

Я стискиваю зубы от раздражения, но держу себя в руках:

- Тогда может все-таки попробуешь сосредоточиться? Закрой глаза.

Он тяжело вздыхает, но делает, как я прошу.

- У тебя должно получиться засечь любое движение ветра на расстоянии до тридцати километров, а также определить его направление. Сосредоточься на своих ощущениях. Откуда бы ветер ни дул, ты почувствуешь нечто похожее на зуд.

Он открывает рот, вероятно, чтобы снова пожаловаться. Но в этот же момент он дергает рукой, и у него отвисает челюсть:

- Большой палец чешется. Будто... что-то движется по моим нервам, пульсирует внутри меня.

Я наконец-то выдыхаю неосознанно задержанный вдох. У него чуткое восприятие. По-настоящему чуткое. У меня лишь слегка зудит основание ногтя от этого потока, а он, по меньшей мере, - в пятидесяти километрах отсюда.

Может быть, эта задача не такая невыполнимая, как я думала.

- Вот от туда дует слабый Восточный Ветер, - объясняю я. - Поэтому у тебя зудит большой палец.

Он отпускает руку и яростно ею встряхивает:

- Жутковато. Мне это не нравится.

Что ж, привыкай. Это - часть тебя. И это восхитительно. Земные убили бы за такие возможности. Может тебе стоит быть благодарным за свои.

- Земные?

- Люди. Ты сможешь пополнить словарный запас в другой раз. Сейчас я пытаюсь научить тебя призывать ветер, это одно из тех "жутковатых" умений, которыми владеют Странники Ветра, так что приготовься. Мы начнем с азов. Ты слышал, как я использовала этот призыв вчера, и ты будешь пользоваться им чаще всего. Повторяй за мной: примчись ко мне в мгновение ока.

Он качает головой, как будто не понимает, и я знаю, что он борется с языковым барьером. Я переключилась на язык Восточного Ветра. Я повторяю фразу, ожидая, когда он переведет.

- Примчись ко мне в мгновение ока, - наконец произносит он, его язык пытается справиться с подобной вихрю интонацией.

Я хватаю ветрорез и приставляю ему к горлу:

- Я же сказала, чтобы ты говорил шепотом. Хорошо, что ветру требуется полная команда, чтобы ответить, иначе ты мог бы выдать наше точное местоположение.

- Эй, ты не шептала!

- Я испытывала тебя, чтобы проверить, насколько ты был внимателен. Ты провалился.

- Потому что ты меня подставила, - он сжимает кулаки и выглядит так, словно хочет мне врезать. Но его взгляд останавливается на ветрорезе. Я держу его в ежовых рукавицах, и он об этом знает.

- Попробуй еще раз. Сосредоточься на потоке воздуха, который ты ощущаешь, и на этот раз произноси шепотом, - приказываю я, опуская клинок обратно на землю. - Примчись ко мне в мгновение ока.

- Примчись ко мне в мгновение ока.

Впечатляет, сколько презрения ему удалось вложить в шепот.

Меня веселит его мелочность.

- Не оставляя за собой следы.

- Не оставляя за собой следы.

- Окутав ласковым потоком.

- Окутав ласковым потоком.

- Скорей стремись, струись, лети.

- Скорей стремись, струись, лети.

Восточный Ветер врывается в полу-комнату, перемешивая листья и охлаждая пот, скопившийся в проборе моих волос, прежде чем он испарится.

Глаза Вейна расширяются:

- Круто.

- Запомни эти четыре фразы. Они спасут твою жизнь не один раз.

Он ничего не говорит, потому что слишком занят созерцанием гигантского кузнечика, запрыгнувшего на плоскую сторону ветрореза.

Я хватаю омерзительное насекомое и бросаю ему на голову:

- Вейн, будь внимательнее. Что я только что сказала?

Он вскрикивает, отмахиваясь от теперь уже летающего кузнечика:

- Запомнить заклинание. Понял. Так что не надо психовать из-за букашек.

Насекомое садится ему на плечо, и он размахивает руками, пытаясь его сбросить, при этом буравя меня взглядом, который мог бы сойти за зловещий, не покрасней Вейн как помидор. Меня это на секунду отвлекает от того, что он сказал.

- Подожди, ты сказал "заклинание"?

- Заклинание. Команда. Называй эту хрень, как хочешь.

У меня голова идет кругом, пытаюсь понять значение его слов.

- Я проигнорирую на секунду, что ты только что назвал саму основу нашего наследия "хренью", хотя, безусловно, мы к этому еще вернемся. Ты думаешь, я учу тебя... магии?

Просто произнося это слово, мне кажется, что я спятила.

- Ты управляешь ветром. Как еще я могу это объяснить?

Он прав, с точки зрения человека, по крайней мере. Но все же он ошибается.

- Мы управляем ветром при помощи слов. Мы просим его сделать то, что нам нужно, и убеждаем подчиниться. Это простое общение, ничем не отличающееся от нашего с тобой.

- Мы разговариваем с ветром? Как будто он - живой?

- В некотором смысле. У каждого из четырех ветров есть свой язык. Только сильфы могут их понимать и говорить на этих языках, потому что мы сами - часть ветра. Но в этом нет никакой магии и заклинаний. Просто обычный разговор Странника Ветра с воздушным потоком.

Мне следовало догадаться, что он сбит с толку. Тогда очевидно, почему он не воспринимает мои слова всерьез.

- Подумать только, как же мало ты знаешь о своем наследии. Я знаю, что тебе стерли память, но я думала, что некоторые вещи просто... интуитивны.

Мгновением позже я понимаю, что допустила промах.

- Что ты имеешь в виду, мне стерли память?

- Ничего.

- Какое, к черту, ничего? - он подвигается ближе, ветрорез больше его не смущает. - Расскажи мне, что со мной произошло. Сейчас.

Я хочу рассердиться на него за то, что он в очередной раз прервал этот чрезвычайно важный урок, и как его наставнице, мне следовало бы потребовать, чтобы он сконцентрировался, и даже хлестнуть его парой порывов ветра, в случае чего.

Но я не могу.

Мне жаль его.

И я сожалею о том, что знаю.

И о том, что сделала.

- Я хочу, чтобы ты понял, - говорю я ему, стараясь придать голосу уверенность. - Когда Буреносцы атаковали, казалось, что мир рухнул. Все было потеряно, разрушено и отобрано или сломано и разбито вдребезги. Моя мама нашла нас лежащими на земле и задыхающимися от рыданий. У нее не было иного выбора.

- Выбор есть всегда.

- Никто не может скрыться от Райдена, по крайней мере, надолго. Нам необходимо было заставить его поверить, что мы мертвы. Я могла легко исчезнуть вместе с мамой, но ты был слишком важен. Мы знали, что единственное место, где Райден не стал бы тебя искать - у земных, и чтобы бесследно затеряться, ты должен был забыть, кто ты и что такое. Люди не догадываются о нашем существовании, и мы не могли рисковать тем, что ты расскажешь кому-нибудь о нас.

- Значит, твоя мама стерла мне память? - он теребит волосы, словно пытаюсь найти рану или ушиб. - Что, черт возьми, она сделала с моим мозгом?

- Она призвала и направила в твое подсознание Южный Ветер. А он уже завершил остальное.

Я до сих пор помню, как его худое, истерзанное тело рухнуло на землю, пока мама оборачивала его потоками воздуха и, затем, послала их ему в подсознание. Она не объяснила Вейну, что происходило. Поэтому он перевел расширенные от ужаса глаза на меня, молча умоляя о помощи.

Сейчас он следит за мной взглядом, так сильно напоминающим тот молящий взгляд маленького Вейна, что у меня перехватывает дыхание. Я должна рассказать ему правду. По крайней мере ту, которую готова.

- Ты сказал, что это было похоже на стаю бабочек, кружащую у тебя в голове, - шепчу я. - Я взяла тебя за руку и сказала закрыть глаза. Спустя несколько часов ты очнулся и уже ничего не помнил. Ветер стер все твои воспоминания.

Вейн молчит и не двигается. Я беру его за руку, пораженная переполняющим меня желанием достучаться до него, утешить и все исправить.

Он вырывается:

- Как я могу вернуть их?

Не удивительно, что он об этом спрашивает. Но я не хочу, чтобы к нему вернулись воспоминания. По крайней мере, одно из них.

- Ты не можешь. Они исчезли. Навсегда.

Вейн закрывает глаза. Сейчас он кажется таким ранимым. Подавленным. Потерявшим надежду.

Я тоже закрываю глаза.

Умоляя небеса, чтобы те слова, которые я сказала, оказались правдой.

И еще сильнее надеюсь, что мне никогда не придется рассказать Вейну всю правду.

Глава 13

Вейн

Пожалуй, у меня впервые в жизни пропадает дар речи.

Мои воспоминания были украдены.

Не подавлены.

Украдены.

Я вырос с огромным провалом в памяти, и мне приходилось нелегко последние десять лет. И, судя по всему, на большее можно не рассчитывать. Мне хочется что-нибудь зашвырнуть. Или может схватить этот несуразный игло-меч и проверить, насколько прочные тут стены.

Но другая часть меня - крошечная, совсем небольшая - чувствует облегчение от того, что я не забыл своих родителей.

Я - не отвратительный эгоист, который избавляется от воспоминания о своей семье только потому, что они причиняют боль. Я не виноват. Оказывается, пока Одри держала меня за руку и обещала, что все будет хорошо, ее мать стирала мне память.

По крайней мере, это объясняет мое единственное воспоминание: Одри склоняется надо мной и разглядывает меня темными затравленными глазами, а затем ветер уносит ее прочь. Это было взаправду. Я просто не помню остального, потому что мою память сдуло ветром.

Как вообще это работает? Как порыв ветра может украсть мои воспоминания?

- Я знаю, это трудно понять, - тихо говорит Одри. - Но мы должны были сохранить факт твоего спасения в строжайшем секрете, чтобы Райден не отправился на поиски. Поэтому мы позволили людским властям устроить твое усыновление согласно их правилам. И мы приглядывали за тобой, чтобы убедиться, что все в порядке, но было необходимо чтобы ты исчез, оказался вне зоны доступа, так сказать.

И ничего бы не вышло, если бы ты расхаживал, болтая о сильфах, Буреносцах и четырех языках воздуха. Я не знаю, что хуже - то, что с тобой бы сделали люди, или то, что случилось бы, когда Райден тебя нашел. А он нашел бы.

- Он все равно обнаружил меня, верно? - мой голос звучит на удивление грозно. - И как же это вышло? Сомневаюсь, что он просто проснулся и подумал, эй, держу пари, Вейн сейчас в Долине Коачелла.

У нее никнут плечи:

- Нет. Я... совершила промах.

- Значит, это - твоя вина.

Она сжимается еще сильнее, словно пытаюсь скрыться от этих слов. Но не отрицает.

Непривычно видеть Одри такой опустошенной, словно вина потушила весь огонь у нее внутри.

Я сдерживаю рвущиеся наружу извинения.

Одри заслуживает испытываемое ею чувство вины. Сколько раз и каким еще образом она умудрилась испортить мне жизнь?

Она тянется к моей руке, касаясь теплыми пальцами моей кожи:

- Пожалуйста. Давай не будем тратить время обучения на это.

Я стряхиваю ее руку и отодвигаюсь от нее как можно дальше.

- Зачем он ищет меня, Одри? Почему я? Почему моя семья?

Она смотрит вдаль, как будто не хочет отвечать. Но тем не менее говорит:

- Потому что ты - Вестон.

- Что, мой род - особенный?

- Да. Нет. То есть и да, и нет. И я думаю, что правильнее будет "Западный".

Вестон - это просто твоя фамилия.

- Тебе придется пояснить.

Она выпрямляется, воинственность возвращается в ее взгляд:

- Тебе мало что из этого будет понятно, но все же. Если это заставит тебя отнестись к тренировкам серьезно, то так и быть, - Одри сцепляет руки и всматривается в пространство между нами.

- Я говорила ранее, что с ветром можно говорить на четырех языках.

Поэтому существует четыре группы Странников Ветра: Северная, Южная, Восточная и Западная. Каждый из нас рождается с так называемым "родным языком" - языком наследия. На протяжении большей части нашего существования никто не пытался учить другие языки. В этом не было смысла. Мы жили в разных уголках земли и редко пересекались, поэтому смешивать языки было незачем. Так продолжалось до появления Сил Бури.

- Сил Бури?

- Подразделение, которое мы создали для поддержания порядка и безопасности как в нашем мире, так и в земном. Ветры меняются, становятся неистовыми, беспечными. И умирять бури, останавливать разрушения, которые они наносят городам людей, как это происходит сейчас - наша обязанность. Не ради славы, власти или уважения, а потому, что это справедливо.

Она показывает на небольшую голубую нашивку на правом рукаве куртки чуть ниже плеча. Четыре волнистые линии переплетены в центре узлом. Поэтому у нее такой несуразный наряд. И, вероятно, невероятно туго стянутые волосы.

- Получается, ты - солдат в армии?

- Страж. Но, в целом, верно. Изначально стражами были Северные, потому что северный ветер - самый сильный. Но он же и самый холодный и нестабильный, наряду с его народом, так что...

- Ты, как я понимаю - Северная?

- Почему ты так думаешь?

Я едва не начинаю хохотать. Неужели она не догадывается, насколько жесткой и пугающей может быть? Или угрожать людям зловещим мечом смерти в стране сильфов - в порядке вещей?

- Не бери в голову.

- Моя фамилия - Истенд. Следующими к Силам Бури присоединились Восточные, оказывая смягчающее воздействие. Но чтобы их силы возросли, им было приказано выучить Северный язык. Овладев им, они обнаружили кое-что неожиданное.

Одри срывается с места и шепчет призыв, которому научила меня. И легкий ветерок вихрем закручивает воздух между нами. Я закашливаюсь, вдохнув песок и частицы опавших пальмовых листьев.

- Одиночный поток воздуха обладает собственной силой. Но слияние с другим ветром изменяет его.

Она шепчет что-то непонятное, и из-за моей спины налетает еще один порыв ветра. Холодного. Шумного. Я не могу разобрать слов потока, хлещущего вокруг Одри.

Она шепчет снова, и воздушные потоки сливаются вместе, формируя смерч. Я вскакиваю на ноги, убираясь подальше от крошечного урагана, растущего с каждой секундой. Одри тоже встает, склоняясь надо маленьким торнадо.

- Когда ты объединяешь разные ветра, они вступают в резонанс друг с другом и становятся сильнее и податливее. И если ты знаешь, как ими управлять, они сделают все, что пожелаешь.

Она бормочет что-то неразборчивое, и ветры усиливаются. Они вращаются быстрее и быстрее, до тех пор пока смерч не захватывает игло-меч и не выбрасывает его через верх воронки. Одри ловит его изящным взмахом правой руки и шепчет:

- Разомкнись, освободись, - порывы ветра уносятся прочь, оставляя за собой пыльный след.

Ладно, это - довольно-таки круто.

- Возможности, которые открыло знание, были безграничны. Но стало известно кое-что еще, полностью изменившее картину. Когда ветры сливаются, их сила экспоненциально возрастает с каждым присоединением. Таким образом, если бы кто-либо соединил все четыре ветра и в совершенстве ими овладел, он стал бы непобедим. Райден поставил себе цель - стать первым, кто изучит все четыре языка.

Мой желудок наполняется кислотой от этого имени.

- Он Северный, но освоил другие языки в совершенстве и владеет ими свободнее, нежели их носители. Райден присоединился к Силам Бури, когда был молод, но после нескольких лет службы решил, что мы впустую растрачиваем силы, защищая земных от ураганов. Он считал, что нам следует черпать силу диких ветров, а не умирять. Утверждал, что так ветра сообщают, что пришло наше время стать господствующей расой планеты, и что мы должны наращивать силы и развивать умения, позволив ветрам уничтожить немощных земных. Обещание власти пришлось по душе многим стражам, особенно воинственным Северным, так у него появились последователи. Прежде чем Силам Бури удалось обнаружить восстание, Райден атаковал Западных.

Я понимаю, что на эту часть истории лучше присесть, потому опускаюсь на землю. Она садится рядом со мной, глядя в пол.

- Никто не утруждался изучением языка Западных Ветров, так как это слабый ветер, мирный ветер. И Западные Странники Ветра были аутсайдерами. Сторонились других. Большинство кочевали. Все считали их сумасшедшими. И, возможно, они такими и были.

Я полагаю, мне следовало оскорбиться по этому поводу, но слишком интригующе звучит слово "были." Прошедшее время.

- Райден был полон решимости овладеть четвертым языком, чтобы стать всемогущим. Он выследил Западную семью и попытался заставить их обучить его языку. Когда они отказались, Райден убил их в качестве наказания, посылая сообщение другим Западным, что не принимает отказы. Это было самым кровавым преступлением, которое когда-либо видел наш мир.

У нее срывается голос, и она сглатывает несколько раз, словно пытаюсь совладать с эмоциями:

- Все это случилось до моего рождения, но тренер показывал фотографии, чтобы я знала врага. Семью из пяти человек, включая троих детей, разметало как тряпичных кукол. Слово Райден связал их по рукам и ногам воздушными потоками торнадо, а затем направил ветра в противоположные стороны. Едва ли можно было что-то распознать в том, что осталось.

Муха едва не залетает мне в рот, потому что, оказывается, я сижу с отвисшей челюстью. Убить детей из-за языка? Из-за ветра?

- После этого ситуация вышла из-под контроля, - шепчет Одри, будто эти слова слишком ужасны, даже чтобы произносить. - Оставшиеся Силы Бури сплотились против Райдена. Но он оказался слишком силен, и многие стражи перешли на его сторону - либо они разделяли его взгляды, либо боялись его. Силы Бури потерпели сокрушительное поражение.

Выжили лишь немногие. И без защиты Сил Бури наш мир, каким мы его знали, осыпался пеплом. Странники Ветра всегда были небольшой разрозненной расой, но Силы Бури основали столицу высоко в горах, где вершины касаются облаков. Войско Райдена обрушило все силы на осаду на город. Когда он пал, Райден убил короля и присвоил себе корону. Не присягнувшие ему были убиты, а он заново отстроил город, ставший крепостью его армии Буреносцев. Они черпают силу у мощных горных ветров, поэтому царство террора распространилось по всей земле.

Она поворачивается, чтобы поймать мой взгляд:

- Все противники его правления уничтожены. Оставшиеся в живых Силы Бури ушли в подполье и организовали сопротивление вдали от неустанно следящих ветров Райдена, пытаюсь собрать армию, способную его сокрушить. Но им нужно то же, что и ему. Райден по-прежнему полон решимости изучить язык Западных Ветров, чтобы достичь абсолютных силы и господства. И навсегда убедиться, что никто не восстанет против него.

Понимаешь, к чему я веду?

Я понимаю, но все это звучит так абсурдно. С каких это пор и каким образом один человек в состоянии развалить целое общество?

- Почему бы не наплевать на секретность и не обратиться к людям за помощью? - спрашиваю я. - Попросить президента организовать воздушную атаку и отметелить Райдена с Буреносцами? И дело с концом.

- Ты правда думаешь, что человеческое оружие сильнее, чем ветер в полную силу? Видел, на что способен ураган?

Наверное, она права, но во все это трудно поверить:

- По-прежнему не ясно, почему моя семья так много значила. Я имею ввиду, ну и что, если мы Западные? Что делает нас важнее остальных?..

Мой голос умолкает, когда Одри качает головой.

- Райден провел последние несколько десятилетий выслеживая Западных одного за другим. Если они отказывались обучать его языку, он убивал их, надеясь, что оставшиеся подчинятся из страха. Но твой народ оказался на удивление храбрым. Никто не хотел идти на компромисс, ни один из них не раскрыл язык, даже Силам Бури. Западные не хотели, чтобы знание попало не в те руки, и не доверяли его защиту никому, кроме самих себя. Они бы скорее позволили языку исчезнуть, чем превратиться в оружие разрушения. Так продолжалось до тех пор, пока не оказалось, что твои родители - последняя Западная семья, оставшаяся в живых.

Я не знаю, что ответить на это. Но Одри все равно продолжает.

- Для Сил Бури защита твоей семьи стала основным приоритетом, поэтому они поручили моим родителям, как лучшим стражам, непрерывно охранять вас. Но Буреносец выследил их, и в порыве сражения твои родители были случайно убиты. Остался только ты. Последний Западный. И еще четыре года назад Райден даже не подозревал, что ты выжил.

С тех пор он разрывал мир по кусочками, чтобы найти тебя, и, держу пари, если он доберется до тебя, то пощады не жди. Конечно, Райден попытается сохранить тебе жизни. Но ты - единственный, кто стоит между ним и абсолютной властью, его единственный шанс воплотить в жизнь свою навязчивую идею. Думаешь, Райден примет отказ, когда потребует, чтобы ты обучил его?

- Но... я не знаю никакого тайного языка западного ветра. Пять минут назад я даже не догадывался, что есть западный ветер. Думал, что ветер - просто ветер.

В самом деле, я не имею никакого отношения к этой безумной истории, вырванной из какого-то дешевого фантастического фильма, где кучка тощих актеров в трико мечутся и стреляют друг в друга, потому что некий злодей пытается захватить мир. Такого не бывает в реальном мире, и абсолютно точно не может случиться со мной.

Я просто обычный парень.

Хорошо, очевидно, я - сильф, а значит не совсем обычный, но все же. Я - не всемогущее решение их проблем. Я не Супермен. Мне даже не нравится этот комикс.

- Ты прав, - говорит Одри, а мой мозг заполняют картинки как меня, в трико и дурацком плаще, просят спасти мир, словно это какой-то пустяк. - Ты не владеешь Западным языком. Родители не стали тебя учить, решив, что это обезопасит тебя от Райдена. Но ты - Западный, так что мы надеемся, что знание языка инстинктивно.

- Надеетесь? - мне нужно двигаться, чтобы переварить все это, поэтому я встаю и начинаю расхаживать. - Вы надеетесь, что я заговорю на языке, приводящего к смерти любого, кто его знает?

- Мы надеемся, что ты станешь первым, кто освоит все четыре языка. Тогда ты обретишь силу, достаточную, чтобы победить Райдена.

Я смеюсь слишком громко и натяжно, чувствуя, как нити моего рассудка опасно истончаются от натяжения:

- О, хорошо, потому что я боялся, что мне придется перенапрягаться.

Все это слишком. Я не могу дышать. Удушающая жара - ничто, по сравнению с этим тяжелым, сокрушающим бременем, которое Одри запросто взвалила на меня.

- Вейн, - обращается она, поднимаясь и вставая у меня на пути, когда я пытаюсь улизнуть.

Я не уверен, куда идти, но знаю, что просто обязан выбраться отсюда, и без проблем оттолкну ее, если придется:

- Я не могу сделать этого, Одри. Я не воин, и я не могу...

Я застываю на месте, когда она хватает меня за плечи.

- Я знаю, каково это, когда огромная ответственность сваливается на голову, и это чувство, будто бы тебе это не по плечу. Но ты должен помнить, что Райден убил твою семью.

Опять это слово. Убил. От него все внутри меня вздрагивает, переворачивается и вскипает ненавистью.

- У тебя есть сила, чтобы остановить его, - говорит Одри. - Вот почему мой отец пожертвовал жизнью, чтобы спасти тебя. Ты должен был выжить.

Она смотрит на меня, словно считает, что я какой-то спаситель или чудо. Чудо-Ребенок.

Очевидно, глупая статья в газете была не так далека от правды. Не ожидал.

- Подожди, до недавних пор Райден не знал, что я жив, верно? - надежда успокаивает нервы. - Они напечатали статью о том, что я пережил торнадо. Она была только в местной газете Поданки, но Райден увидел бы это, да? Так что он, должно быть, уже изучил меня и понял, что я не представляю из себя ничего особенного.

Это кажется гораздо более вероятным, чем то, что я какой-то там герой.

- У Райдена не было причин что-либо расследовать. До него ни разу не дошло эхо. - Одри поднимает взгляд на небо. - Когда мы умираем, ветра хранят эхо того, кем мы были, по крайней мере какое-то время. Моя мама знала, что нам надо будет скрыться от Райдена, поэтому она создала эхо для тебя, меня и себя и послала их вместе с отголосками твоих родителей, моего отца и Буреносца. У Райдена не было причин сомневаться в сообщениях ветра. Ветер не лжет.

- Если ветер не лжет, то как это удалось твоей маме?

- Она использовала наши потери. Когда умирает кто-то, кого любишь, с ним умирает и часть тебя. Потеряв кого-то, ты меняешься сам. И касающиеся тебя ветры уносят с собой след потери. Это не совсем эхо, но мама перенастроила их, изогнула, изменила своим даром, так что они смогли убедить Райдена в нашей смерти.

Как только я начинаю думать, что мой измеритель странностей уже зашкаливает, Одри поддает жару.

- Мама приказала ветрам, несущим следы потерь, следовать в город Райдена, и вскоре Силы Бури получили доклад, что он объявил нас погибшими. Конечно, это была ошибка с его стороны, но нам повезло, что Райден ее сделал. В противном случае мы не смогли бы так долго тебя скрывать.
- Везучий я, - ворчу я, ненавидя, что она снова убеждает меня, что я Вейн Вестон: Самый Разыскиваемый Парень Среди Живущих.
- Тебе действительно повезло.
- Уф, я так устал, что все мне об этом твердят.
- У тебя есть способности остановить Райдена, Вейн. Заставить его заплатить за то, что он сделал. Я бы убила за такую возможность. Ты даже не представляешь.
- Я знаю, что должен жаждать мести, и я жажду. Но когда думаю, что мне придется атаковать Райдена, мир начинает кружиться и во рту появляется кислый привкус.
- Как? Как я могу стать достаточно сильным, чтобы его победить? Я не имею даже малейшего представления обо всей этой ерунде...
- Для этого у тебя есть я, - она сильнее сжимает мои плечи. - Я здесь, чтобы научить тебя всему, что нужно. Это моя работа.
- О, хорошо. Я - работа.
- Я пытаюсь вывернуться из ее рук, но она сцепляет их, удерживая меня на месте:
- Это не только работа. Это... Я... - она замолкает, словно не может подобрать слова.
- Я встречаюсь с ней взглядом, и у меня перехватывает дыхание. Она заботится.
- Об этой работе-миссии-или-как-там-ее-назвать - да.
- Но помимо этого, за униформой, тугой косой и холодным жестким фасадом, который диктует ей прижимать меня к стенке и размахивать мечом мне в лицо, в половине случаев действительно желая меня прикончить, я смог разглядеть истинную правду.
- Она заботится обо мне.
- И этого достаточно, чтобы заставить меня забыть страхи и опасения о том, чего от меня ожидают, и гнев из-за украденных воспоминаний. Достаточно, чтобы каких бы жертв не потребовала подготовка к предстоящему бою, они будут оправданы.
- Вероятно, у меня нет выбора в любом случае, но и не важно.
- Ей не безразлично.
- Я сделаю это ради нее. И ради семьи, которую мы оба потеряли.
- Думаю, тогда нам надо тренироваться, - говорю я, шагая обратно в обгорелую комнату и снимая футболку, уже пропитанную потом от утренней жары. Я отбрасываю ее в угол и поворачиваюсь к ней:
- Приступим.

Глава 14

Одри

Я понятия не имею, что убедило Вейна забыть свой гнев, страх, и дерзкое саркастическое отношение, но не жалею. Вернувшись в убежище и сняв рубашку, он стал совершенно другим парнем. Как-будто Вейна, которого я знаю, похитили и заменили серьезным, трудолюбивым борцом с потрясающим прессом.

Не то чтобы я обращаю внимание.

По крайней мере, пытаюсь не обращать.

А это нелегко. Западные были известны совершенством своей физической формы. Может быть, дело в лелеющих их теплых мирных ветрах, а может - в их генах. В любом случае, Вейн, определенно, Западный. Лишь рельефные загорелых мышцы и длинные изящные конечности. Не говоря уже о точеных симметричных чертах его лица и самых потрясающих голубых глазах, которые я когда-либо видела.

Солана - везучая девушка.

Он потрясающий. Не только внешне.

Под ясным небом на рассвете Вейн осваивает наш основной призыв и впервые направляет поток воздуха кружить по комнате. И к тому времени, когда дневная жара опускается на плечи подобно плотному душному одеялу, он научился ощущать порывы ветра на расстоянии более восьмидесяти километров. Но предстоит еще много работы: пытаюсь обернуться потоком воздуха, Вейн не ощутил сопротивления ветра и упал на спину, но учитывая, что его первое слияние произошло только вчера, он великолепен.

По крайней мере пока Гэвин не возвращается с утренней охоты. И Вейн сразу же превращается в размытое пятно из размахивающих рук, проклятий и пронзительных воплей, пытаюсь отогнать налетающую птицу, хлопающую крыльями у него над головой.

- Что ты делаешь? - я перекрикиваю шум.

- Эта сумасшедшая птица пытается меня убить, - Вейн хватается одну из пальмовых веток с моей импровизированной кровати и несется по комнате, яростно и беспорядочно размахивая ею, разбрасывая мусор и отломившиеся частички листьев.

Я подбегаю к нему и хватаю за запястье, останавливая его руку на середине взмаха:

- Остановитесь, вы оба. Гэвин, перестань пикировать на Вэйна. И ты! - я выдергиваю ветку у него из рук.

Только тогда я осознаю, что практически прижата к его груди.

Его обнаженной груди.

Внезапно становится трудно дышать.

Я опускаю руку и отступаю, позволяя пространству между нами замедлить мой учатившийся пульс. Я бросаю ветку обратно в кучу и прочищаю горло:

- Не мог бы ты воздержаться от причинения вреда моему питомцу?

Гэвин кричит. Ему не нравится, когда я его так называю.

- И одень рубашку, прежде чем он тебя поцарапает, - добавляю я, благодарная предлогу, чтобы Вейн снова оделся.

Он закрывает голову, когда Гэвин пикирует.

- Эта жуткая птица - твой питомец?

- Да. Поэтому я была бы признательны, если бы ты не пытался его убить, - я ловлю взгляд Гэвина и вытягиваю левую руку в сторону. - Приземляйся.

Гэвин испускает оглушительный вопль и меняет курс, чтобы приземлиться на руку, вонзая когти достаточно глубоко, чтобы уколоть через толстую ткань униформы, выражая таким образом свой молчаливый протест.

Великолепно. Теперь в моей жизни два трудных парня.

Я поглаживаю Гэвина по щекам, пытаюсь успокоить его.

- Брр... как ты можешь к нему прикасаться?

- Пожалуйста, только не говори мне, что боишься птиц. Ты представляешь насколько это было бы абсурдно, учитывая, что мы делим с ними небо?

Он хватает свою футболку, стряхивает песок и жуков, натягивает ее через голову, торопясь засунуть руки в рукава, будто не хочет спускать глаз с Гэвина ни на секунду.

- Эй, я привык к нападениям сумасшедшего ястреба, когда играл в этой роще еще ребенком... - Вейн замолкает. - О, Боже, так это он и был, да?

Я стараюсь не улыбаться, но уголки губ придательски ползут вверх:

- Это возможно. Гэвин знает, что нужно охранять мое убежище от любого, кто попытается его обнаружить, пока я сплю. Возможно, ты подобрался слишком близко.

- Или, может быть, он сумасшедший и любит рвать волосы на головах у детей ради своего садистского удовольствия, - Вейн смахивает пот со лба и вытирает руку о шорты. - Итак, ты напала на меня с ветром, убедила, что это место населено призраками и натравила на меня свою птицу-убийцу. Как еще ты усложнила мою жизнь? Это ты подсунула лекарство, на которое у меня была аллергия?

- Что?

- Те несколько раз, что я пытался принимать какие-то таблетки, я покрывался сыпью и чесался как сумасшедший. Это твоих рук дело?

- Нет. Должно быть, твое тело отторгало таблетки, потому что они сделаны для людей.

- Точно. А я не человек. Все еще привыкаю к этому, между прочим. Вроде как значительная и судьбоносная вещь, к твоему сведению.

Мне на это нечего сказать.

Он качает головой:

- А это часто происходит?

- Сыпь? Нет. Ни у кого из нас не было причин пробовать земную медицину. В том случае, если ты не заметил, на нас не действуют вирусы и болезни, как на них. Удивительно, они гораздо плодовитее нас. По всем пунктам, мы - высшие существа, поэтому их защита - наша обязанность. Но недостаток прочности они компенсируют количеством. Поразительно, как много у них детей. И то, как они предпочитают толпиться все вместе в огромных городах. Я содрогаюсь от мысли, каково это - быть в тесноте, постоянно окруженной людьми, вдыхающими мой воздух и крадущими мой ветер. От этого отчаянно хочется ощутить прохладный ветерок.

Но утренние потоки воздуха недвижимы. И судя по тому как солнце припекает нас даже в столь ранний час, день обещает быть знойным.

Честно говоря, я не представляю, как Вейн терпел это все это время. Ему повезло жить в не особо густонаселенной, по сравнению с обычными людскими городами, местности. Жара удерживает наплыв людей большую часть года. Опять-таки, жара. Когда удастся, я сбегая в горы ради глотка свежего воздуха и ощущения свободного пространства. Я не знаю, как Вейн не чахнет, запертый в этой долине все эти годы без возможности выпустить пар. Возможно, он выносливее, чем кажется.

Вейн пригибается, когда Гевина слетает к своему насесту на подоконнике. Может быть, и нет.

Громкий булькающий звук раздается на всю полукомнату.

Вейн краснеет:

- Я ничего не ел с прошлой ночи.

Упоминание о еде наполняет мой рот слюной, и я хватаюсь за живот в надежде, что мой желудок не издаст такой же звук. Вода полностью овладела моим телом. Каждый мускул болит от борьбы с излишним притяжением к земле, и я чувствую себя истощенной и опустошенной изнутри.

Как меня не раздражает поддаваться слабости, но мне нужен перерыв:

- Тебе следует вернуться в комнату, а то родители заметят твое отсутствие.

- И что мне сказать, если они заметили?

Я принимаю это во внимание.

- Как насчет того, что ты начал новый комплекс упражнений рано утром, чтобы избежать жары.

- Это на меня не похоже. Я очень ленивый.

- Я заметила.

Он ухмыляется и подходит ближе, укрывая меня от солнца своей тенью:

- Как насчет того, что меня пригласила на пробежку одна шикарная девушка, и я переносу муки, только чтобы быть с ней? Этому они поверили бы.

Мое лицо вспыхивает, и я знаю, что если встречу его взгляд, то он будет смотреть на меня также, как делал это прошлой ночью на ветряных мельницах, перед тем как нас подхватило ветром. Этот глубокий, пристальный взгляд больших голубых глаз, таких ясных, что напоминают мне лед, только в них нет ни капли холода, когда они смотрят на меня.

Он подходит еще ближе, оставляя между нами лишь сантиметры. Я кожей ощущаю его теплое ровное дыхание, похожее на легкий Южный ветерок. Делаю шаг назад и вздрагиваю, упираясь спиной в сплошную стену. Если честно, у этого крошечного строения остались только куски стен. И как я умудрилась застрять напротив одного из них?

- Хорошо, - говорю я, приходя в себя. - Если тебе так больше нравится.

- Да, - говорит Вейн, - Потому что это правда.

Он расставляет руки по обе стороны от меня, и я оказываюсь замкнута между ними. Мое сердце колотится в груди так сильно, словно хочет вырваться наружу.

Все что нужно сделать - это оттолкнуть его, и я буду свободна. Но мне страшно прикоснуться к нему и почувствовать, как меня пропитывает странное тепло. Это было бы опаснее, чем встретиться с ним глазами.

Но я должна остановить его.

Я морщусь нос:

- Кому-то нужно в душ.

Он смеется:

- Я называю это, одеколон Вейна. Мой фирменный аромат.

- Что ж, пахнет, будто кто-то умер.

Я ныряю ему под руку и ускользаю, испытывая облегчение от того, что Вейн не пытается меня остановить. Не знаю, что делать с его... успехами. Он наконец-то сотрудничает, и я не могу допустить потерю такого настроения, если Вейн вдруг почувствует себя отвергнутым.

Но и не могу дать ему то, чего он желает. Даже если хотела бы... Но я не хочу.

Я не хочу.

Я потираю виски, пытаюсь унять головную боль, разгорающуюся в центре головы. Положенная по уставу коса часто затянута слишком туго, поэтому я привычна к боли, но в этот раз черепная коробка готова расколоться от напряжения.

- Тебе лучше распустить волосы, - говорит Вейн, наблюдая за мной пристальнее, чем мне бы того хотелось.

- Я никогда не распускаю волосы.

- Ты сделала это вчера.

- Не по своей воле, - я отворачиваюсь от его испытывающего взгляда и направляюсь к его дому. - Мы можем вернуться к тренировкам позже. После того как ты успокоишься.

Он смеется:

- Это не я выглядел взбудораженным и замороченным до этого.

Я не знакома с земным сленгом, но примерно понимаю, на что Вейн намекает, и он не прав.

- В любом случае, - говорю я, быстро меняя тему. - Предлагаю вздремнуть.

Нам предстоит долгая ночь.

- Звучит неплохо, - отвечает он, и его улыбка становится шире.

Я закатываю глаза:

- Тренировки, Вейн. Вечером, когда стемнеет и поднимется ветер, мы попробуем приемы посложнее.

- Жду с нетерпением.

Чего не могу сказать о себе. Как только я стала получать удовольствие от общения с ним, возвращается его раздражающее поведение.

Опять же, испытывать раздражение - гораздо лучше, чем это чувство, заставляющее меня трепетать, затаив дыхание. Нужно сохранить гнев, спрятав его на случай, если другие эмоции вернуться.

Его желудок опять урчит.

- Тебе не плохо бы еще перекусить.

- А тебе?

- Мне?

- Ну да, хочешь, пойдем позавтракаем?

- Что? Нет... Я не могу есть.

Мой желудок выдает приглушенное урчание, прежде чем я успеваю предотвратить это.

- Кажется, ты сказала, что вода уже ослабила тебя и выйдет из организма только через несколько месяцев. Тогда зачем морить себя голодом, если ущерб уже нанесен?

Не могу поверить, что Вейн додумался мне такое предложить. Очевидно, он далек от понимания той самодисциплины, которой я придерживаюсь.

Хотя, отчасти Вейн прав, и я ненавижу его за это, ненавижу себя за то, что замечаю это, и еще больше ненавижу свой желудок за то, что снова урчит.

- Еда или питье только продлят дни моей слабости, чего я не могу допустить.

- Как хочешь. Но твой желудок согласен со мной, - добавляет он, и у меня внутри урчит в третий раз.

Я бы не стала мешкать ни секунду, если бы могла вырвать этот шумный орган из моего тела,

- Это пройдет.

- Надеюсь. В противном случае, ночью это будет похоже на тренировку с рычащим котенком.

Я ничего не отвечаю, и мы идем в тишине, пока не выходим из пальмовой рощи.

- Нам обоим не помешает отдохнуть пару часов, пока есть возможность. Я вернусь после заката.

- Ты не хочешь войти? Отдохнуть немного?

- Твоя семья не должна видеть меня.

- Брось, ты не можешь прятаться вечно.

- Я скрывалась в течение десяти лет. Уверена, что смогу потерпеть еще несколько дней.

- Дней?

Голод сменяется тошнотой, и я киваю:

- Буреносцы будут здесь через восемь дней.

Его улыбка исчезает:

- Это, гм... скоро.

Да, это так.

- Мы будем готовы.

Он настроен также скептически, как я себя ощущаю. К вечеру Буреносцы наткнутся на наш след. Удастся ли маме задержать их так долго, как она утверждала?

Я гляжу на небо, отчасти ожидая увидеть, как темные тучи медленно ползут над горам. Но ясное небо простирается настолько, насколько хватает глаз.

Мы в безопасности. Пока.

- И что после этого? - спрашивает Вейн. - Я имею в виду... если предположить, что мы победим, и все прочее, что тогда? Потому что, я полагаю, у Райдена есть достаточно Буреносцев, чтобы снова послать за мной, верно?

Честно говоря, я не знаю. Все планы Сил Бури сосредоточены на том, что у Вейна произойдет слияние с Западным ветром до того, как Райден обнаружит нас. Это я все испортила, выдав наше местоположение.

Но я могу это исправить. У меня есть восемь дней, чтобы вызвать у Вейна прорыв. Я найду способ это сделать.

Стараясь заставить голос звучать уверенней, чем чувствую, я говорю:

- При условии, что все пойдет по плану, ты будешь представлять для Райдена гораздо более серьезную угрозу, чем он когда-либо - для тебя.

- А если план сорвется?

- Тогда ветры доложат Силам Бури о том, что произошло. И они придут, чтобы забрать тебя.

Мама узнает, что я пожертвовала своей жизнью, как только я сдамся. У меня учащается пульс от воображаемой картины: как я разлетаюсь на кусочки.

И отбрасываю эту мысль прочь.

Мама заберет Вейна. Отдаст его под защиту Силам Бури. Скажет им, что я потерпела неудачу.

- А ты? - спрашивает он.

Я отворачиваюсь, в страхе, что он увидит на моем лице больше, чем нужно:

- Все, что тебе необходимо знать это то, что ты будешь в безопасности. Силы Бури заберут тебя к себе в крепость и подготовят к сражению.

- Подожди, подожди. То есть, мой выбор - это быть заключенным Райдена или вашей армией? Пожалуйста, скажи, что есть секретный вариант номер три, потому что, без обид, оба варианта - отстой.

- Никто не становится пленником в нашей армии. И уж точно не ты. Ты - наш будущий король.

Он перестает расхаживать.

- Король? Это корона и скипетр, и все обращаются ко мне "Ваше Величество"?

- Не совсем так. Но да, король. Свергнув Райдена, ты получишь трон.

Несколько секунд он просто смотрит на меня, а затем смеется:

- Трон? У вас есть трон?

- Конечно. Хотя мы и разрозненная раса, но у нас есть порядок, законы и правитель... Точнее были, пока Райден не узурпировал королевскую власть.

Но когда мы вернем нашу столицу, ты будешь тем, кто восстановит линию королей. Все уже устроено. Только помоги нам свергнуть тирана.

Он запускает руки в волосы:

- Это... безумие. Я не знаю, что с этим делать. Я не хочу знать, что с этим делать.

- Я знаю, нужно время, чтобы свыкнуться со всем, но это - та жизнь, которая тебе предназначена.

- У меня уже есть жизнь. Что за план, кстати? Я просто исчезаю посреди ночи, и мои родители никогда не увидят меня снова? Что насчет школы? А насчет моих друзей?

- Это... человеческие вещи, Вейн. Они были частью твоей жизни только потому, что нам нужно было спрятать тебя. Но тайны больше нет. Что бы не случилось, тебе нужно вернуться к своему народу, оставив всю эту чепуху.

- Чепуха? Ты говоришь о том, что мне не безразлично. Ты не можешь ожидать, что я просто откажусь от всего этого.

Я ожидаю. Все ожидают.

Но нет смысла об этом говорить. Он не готов.

Поэтому я стою рядом с ним, наблюдая, как жар волнами поднимается с земли, и прислушиваясь, как пальмы скрипят от сухого пустынного ветра. Это Южный поет тихую и печальную мелодию. Вейн ее не понимает, и это к лучшему. Южные - печальные ветра, рассказывающие о потерях и нежелательных переменах, о скоротечном лете, за которым они неустанно гонятся.

Силы Бури тревожились, что Вейну будет тяжело смириться с этим, когда придет время разделить его с "другой жизнью", даже с запланированным для него светлым будущим. Но переживаниями тут не поможешь. Вейн оказался между двух миров, и исправить это можно, только вырвав его из одного из них.

Я знаю, как больно ему будет, когда придет время. Я знаю, каково это - потерять родителя.

Вейн уже потерял двоих. Теперь он потеряет еще двоих.

- Есть ли другой путь? - шепотом спрашивает он.

Нет.

Но он просит спасательный круг. И я знаю, что он нуждается в нем, чтобы пройти через следующие несколько дней. Так что я беру его за руку, прикасаясь к нему, только чтобы убедить, а не потому, что мне так хочется, и говорю:

- Возможно.

Еще одна ложь между нами.

Но она работает. Вейн сжимает мою руку и смотрит на меня своими удивительными глазами:

- Будем надеяться.

Надежда.

Такая странная, такая изменчивая. Но сейчас она нам очень пригодится.

- Да, Вейн, - шепчу я. - Будем надеяться.

Глава 15

Вейн

Моя комната все в том же состоянии, в каком я ее оставил, значит, родители не заметили моего отсутствия, и я слышу, что мама смотрит какое-то скучное информационно-развлекательное шоу в гостиной. Она делает это каждое утро, после того как папа уходит на работу. Я крадусь по коридору в ванную и включаю душ, устраивая себе минутную передышку, прежде чем предстать перед мамой.

Я не придумал, что сказать. Все это слишком странно. Я ощущаю себя слишком странно.

Я знал, что они не были моими биологическими родителями и никогда не испытывал неловкости по этому поводу. Но понимание того, что даже не принадлежу к их виду, образует своего рода пропасть между нами. Что бы они сказали, узнав, что их сын - мифическое существо?

Уверен, их бы это шокировало. И я не стал бы их винить.

Я закашливаюсь, ощутив запах только что снятой грязной одежды. Одри права, он убойный.

Спина болит, от того что она впечатала меня в стену, и место, где позже появится синяк, очень чувствительно. Еще одно доказательство того, что все это происходит наяву.

По-настоящему, верно?

Я больше не ленивый школьник Вейн, проклинаемый большинством девушек.

Я - Вейн Вестон. Последний Западный.

Отлично, похоже на какой-то аниме-мультфильм.

Я прыгаю в душ, и потоки горячей воды обрушиваются на кожу, успокаивая мурашки, пробегающие по спине, когда я думаю об историях, рассказанных Одри. Или о зловещем оружии, с которым нападут войны, когда найдут нас. Или что случится, если мы проиграем.

Я хочу смыть все свои страхи в вихре, стекающем в водосток, наряду с песчинками, вымываемыми шампунем из волос. Но это не так уж просто.

Угроза приближается вне зависимости от того, хочу я этого, или нет. Я должен встретиться с нею лицом к лицу и надеюсь, что Одри поможет мне в этом. А уж потом я выясню, собирается ли ее армия забрать меня отсюда и сделать своим королем.

Я сжимаю мыло так сильно, что остаются вмятины.

Я не позволю Силам Бури управлять моей жизнью. Я останусь здесь и буду тренироваться и сражусь с Буреносцами, кем бы они ни были, но только потому, что в этой долине довольно-таки много дорогих мне людей.

После этого - все, с меня хватит. Я не желаю становиться солдатом или правителем мира, о котором ничего не знаю. Моя жизнь - здесь, и я никому не позволю ее разрушить, и Одри вместе со своими друзьями из армии не сможет мне помешать.

Эй, если я так силен, как она говорит, или стану, если буду тренироваться, то им не удастся мной командовать. Я сражусь с ними всеми, если придется, и добьюсь своего.

Но, быть может, до этого не дойдет.

Одри сказала, что есть надежда. Я постараюсь верить ей, несмотря на то, что ее слова были больше похожи на ложь.

Она что-то не договаривает, и я ощущаю это по тому, как она осторожно подбирает слова и как иногда отводит взгляд. Я понятия не имею, что это, но должен быть способ прижать Одри к стенке и выяснить, что она скрывает.

Пока я буду этим заниматься, возможно, также удастся подсмотреть, что же спрятано под этой кошмарно толстой курткой.

В мыслях я возвращаюсь к ее откровенному платью, вспоминая, как оно облегало все нужные места. Скрывать такое тело как у нее под толстой грубой униформой, в которую она была сегодня одета, должно быть противозаконно.

В самом деле, если я когда-нибудь стану королем Странников Ветра, то первым делом прикажу создать новый гардероб для стражей и сделать платье Одри еще короче. Возможно, ради этого стоит изменить жизнь.

Честно говоря, возможность быть с Одри делает всю эту идею остаться в мире сильфов навсегда не такой уж плохой. Может быть, мне удастся смириться со всем этим, если мне удастся ощутить вкус ее полных губ, распустить тугую косу и провести рукой по ее шелковистым волосам, придвигаясь ближе, ощущая каждый сантиметр ее тела, когда она обнимет меня, скользнув руками по спине, прижимаясь ко мне еще сильнее... Я включаю холодную воду, повернув ручку смесителя. Но даже ледяные потоки, стекающие по моей коже, не могут прогнать навязчивую фантазию, которой я сопротивлялся долгое время: что Одри где-то там прямо сейчас желает быть со мной так же сильно, как я с ней.

Глава 16

Одри

Воздух. Мне нужен воздух.

Если я не могу насытить голод или утолить жажду, то должна подарить своей коже ветер, который она так просит. Привлечь дополнительные силы, откуда могу.

Вода находится слишком глубоко в моем усталом, не выспавшемся теле, чтобы полететь в горы. Поэтому моя дорога ведет к густо заросшему центру роши, где деревья выше, а листья толще, где мне проще оставаться незамеченной.

Воздух неподвижен. Игнорируя колкий взгляд Гевина, я выбираю самую высокую пальму и взбираюсь по прямому стволу, стараясь не слишком прижиматься к осыпающейся коре. Это рискованное дело, а видя, что Гевин занимает облюбованное мною место, всего несколько раз взмахнув крыльями, карабкаться, становится еще тяжелее. Но, в конце концов, я достигаю кроны и устраиваюсь поудобнее среди колючих листьев.

Я закрываю глаза и пытаюсь ощутить ветра. Они носятся по предгорью, но все еще в пределах досягаемости.

Ветер подлетает в ответ на тихий призыв и окутывает меня. Хочется снять куртку и распустить волосы, но я отвергаю идею расстаться даже с частью униформы. Неважно, как сильно печет солнце сквозь темную грубую ткань, и как туго заплетена коса. Так положено, если ты страж. Все это - часть меня. Ветер проникает сквозь шероховатые волокна одежды, унося с собой грязь и пот и оставляя ощущение свежести и чистоты. Ничто не сравнится с упоительным облегчением, подаренным ласковым ветерком. Ни земная еда, ни ледяная вода, ни даже удовольствие от прикосновения. Ветер - часть моего существования, и впуская его в душу, я чувствую себя дома.

Ветер - все, что мне нужно.

За долгие годы эти слова превратились в мантру, помогая пережить любые невзгоды.

Но на сердце становится легче не только от ветра.

Вейн подает гораздо больше надежд, чем я ожидала, по крайней мере, когда выкладывается на тренировках. И если у него случится четвертое слияние до того, как придут Буреносцы, нам удастся победить, несмотря на связь с

землей.

Мне не придется жертвовать собой.

А значит, что после этого задания я, возможно, останусь в живых.

Возможно.

Я шурюсь, глядя на ослепляющий свет, в поисках надвигающейся бури, но вижу лишь жестоко палящее солнце пустыни, впервые радуясь ему.

Я пытаюсь убедить себя, что где-то там далеко мама оттягивает для нас время, как будто она может каким-то образом достать его с небес.

Что, если она даже не пытается?

За последние десять лет мама не слишком-то беспокоилась о моей безопасности и относилась ко мне как к занозе в пальце. Мозоль на пятке.

Что если она планирует воспользоваться случаем навсегда избавиться от меня, смахнув с лица земли?

Я отбрасываю сомнения рассеивающемуся ветру. Пусть он унесет их далеко-далеко.

Ее беспокоит безопасность Вейна, и она защитит его не раздумывая.

В груди разгорается обида, но я не позволяю этому чувству овладеть мной.

Как и для мамы, безопасность Вейна - моя единственная забота. Я не должна забывать об этом.

Я зарываюсь поглубже в пальмовые листья, прислонив голову к ближайшей ветке, и сосредотачиваюсь на одиноком Восточном ветерке в воздухе, чью песню я всегда ищу. Она рассказывает о непостоянных колебаниях и изменениях, затрагивающих всех нас, и о мужестве, необходимом, чтобы двигаться вперед несмотря ни на что. Главным образом эта песня об обещании. Обещании того, что беспокойные перемены рано или поздно заканчиваются.

Обещание покоя.

Порой мне кажется, что это - песня дыхания отца, и что она ищет меня, словно крошечная частичка его все еще приглядывает за мной, как делал папа, пока был жив.

Пока шторм еще далеко, ветер поет в воздухе, прижимаясь к скалам.

Папа был моей опорой и поддержкой. Теплые руки обнимали меня, заслоня от бурь постоянно меняющегося настроения мамы. Единственное место, где я чувствовала себя по-настоящему в безопасности.

Пожалуйста, убереги меня, папа.

Я не осмеливаюсь произнести это желание вслух, но это и не важно. Глупые фантазии кажутся намного реальнее, чем любое обещание мамы защитить меня.

Но его здесь нет.

Она есть.

Я должна доверять ей.

Я должна доверять себе.

С этими мыслями я засыпаю, чтобы восстановить силы, в предвкушении сладких снов, которые всегда приносит песня, наполненная воспоминаниями об отце.

Вместо этого мне снится Вейн. И сон этот далек от приятного.

Глава 17

Вейн

Выйдя из ванной, я следую за запахом яиц и бекона, и обнаруживаю на кухонном столе буррито размером с футбольный мяч. Не останавливаясь, я бросаюсь к дивану и обнимаю маму.

- Ух, ты, а это за что? - спрашивает она, смеясь.

- За завтрак, - хотя это не только из-за еды, но маме не нужно знать, что, возможно, у меня осталось всего восемь дней.

Возможно, всего восемь дней жизни.

Я отстраняюсь прежде, чем мама почувствует пробирающую меня дрожь.

- Вообще-то, уже почти обед. Еще бы полчаса, и я бы пошла, вытаскивать твою ленивую пятую точку из кровати, но услышала, что ты включил душ.

- Знаю. Наверное, я просто устал вчера.

Улавливая нерешительность ответа, мама разворачивается, чтобы рассмотреть мое лицо. Я понимаю, что она замечает темные круги у меня под глазами и удивляется, почему я не выгляжу отдохнувшим.

- Ты в порядке?

Я... не уверен.

- Ага, просто проголодался, - мой желудок урчит в подтверждение сказанного, и мама смеется.

- Тогда ешь, пока горячее.

Ей не нужно повторять дважды. Я быстро пересекаю комнату и, увидев буррито, едва не захлебываюсь слюной. Бекон, яйца, авокадо, жареная картошка, - все это усыпано сыром Монтерей и полито острым соусом, а затем завернуто в гигантскую лепешку и зажарено в гриле. Папа называет его "торпеда".

Такие буррито меняют жизнь к лучшему, и после усиленных утренних тренировок на голодный желудок первый кусок кажется лучшим, что я когда-либо ел. Айзек раньше говорил, что буррито со свиной и яйцами, которое готовит его мама, вкуснее, но попробовав торпеду, навсегда влюбился в нее. Нет ничего лучше.

Я управляюсь с буррито за пять минут, и хотя его могло хватить, чтобы накормить маленькую страну, я хочу еще. Что тут поделаешь, если никто не знает, сколько еще раз мне удастся насладиться торпедой?

Депрессивные мысли убивают мой аппетит.

Я должен взять себя в руки.

Поблагодарив маму за завтрак, я тороплюсь вернуться в комнату, радуясь, что она больше ни о чем не спрашивает. Убедившись, что окно закрыто на задвижку (вряд ли способную задержать Одри) я закрываю шторы и падаю на кровать.

А в следующий момент часы на тумбочке уже показывают пятый час, и мама стучится в дверь.

- Вейн, телефон.

Дверь открывается, и я щурюсь от солнечного света, попадающего на лицо.

- Ты спал? - спрашивает мама, нахмурившись. - Я думала, ты играл в игры или что-то в этом роде.

Я подтягиваюсь, все еще пытаюсь сориентироваться:

- Я не выспался.

Протягивая мне телефон, мама оглядывает комнату, словно в поисках наркотиков, которые могли бы вызвать у меня вялость (не то чтобы я когда-либо связывался с чем-то таким). Я даже не могу принять аспирин.

- Это Айзек, - говорит она мне.

Я запускаю руку в волосы, пытаюсь пригладить их, а затем подношу телефон к уху:

- Привет.

- Какого черта, приятель? - Айзек практически кричит на другом конце. - Сначала ты линяешь от Ханны раньше времени, затем отключаешь телефон и игнорируешь мои звонки весь день? Не говори мне, что свидание прошло настолько ужасно.

- Прости, я забыл, что отключил телефон. Свидание прошло нормально.

- Угу. Это не то, что я слышал.

- Почему? Что сказала Ханна? - я слышу беспокойство в своем голосе и в то же время понимаю, что мама очень удачно забыла оставить меня одного. Я посылаю ей "я тебе не мешаю?" взгляд, и она неохотно закрывает за собой дверь.

Айзек смеется:

- Ничего, дружище. Она просто сказала, что будет у себя в комнате, и ушла. Но, похоже, что-то произошло. Что ты сделал в этот раз? Не говори, что снова ушел посреди свидания.

-Нет! Я же говорил тебе уже, что я не виноват.

- Лорен рассказала Шелс совсем другую историю. Она сказала, что вы пошли на Фестиваль Свиданий, и ты, видимо, переел тамале (прим. перев. tamales - мекс. кухня; лепёшка из кукурузной муки с начинкой из мясного фарша с перцем чили, обёрнутая кукурузными листьями) или чего-то такого, потому что ты так громко пукнул, что все вокруг повернули головы. За что я бы обычно похвалил тебя, но чувак... не на свидании же. И Лорен сказала, что это произошло сразу после того, как ты попытался взять ее за руку. Не самое подходящее время, приятель.

Глупые девчонки рассказывают друг другу все обо всем.

- Лорен просто солгала, прикрывая тот факт, что это она пукнула.

- Ну, точно, потому что девчонки делают это. Чувак, я встречаюсь с Шелс больше года, а она все еще ни разу не пукнула рядом со мной, даже когда моя мама скармливает ей бобы и моле (прим.пер. molé - соус в Мексиканской кухни, сделанный из какао и арахиса и подаваемый, как правило, с мелко порезанной курицей). Просто прими Смекту перед сегодняшним вечером, и все будет прекрасно.

Ломая голову над блестящим оскорблением, чтобы заткнуть Айзека, я внезапно осознаю значение его слов:

- Сегодня вечером? Что сегодня вечером?

- Кино, ты, я, Ханна и Шелс.

- Я не могу.

- Да ладно. Это была идея Ханны, поэтому, что бы ты ни сделал, вряд ли это было так уж ужасно.

- Я ничего не делал!

Кстати о птичках. Одри все еще должна объяснить, почему она сорвала мое свидание.

Может быть, она приревновала.

Ха! Мне нравится эта идея. Очень даже нравится.

- Чувак, ты меня вообще слушаешь? - спрашивает Айзек.

- А? Что?

- Я сказал, что мы заедем за тобой в семь тридцать.

- Я же сказал, что не могу. Прости.

Но мне не жаль. Хотя Ханна - хорошая девушка, и вчера вечером я думал, что именно она мне нужна. Но больше я так не считаю, потому что у меня появился шанс быть с девушкой моей мечты.

Айзек не то рычит, не то вздыхает:

- Ладно. И я надеюсь, что ты проведешь вечер с шикарной девушкой, и что она стоит того, чтобы бросить лучшего друга. В противном случае, ты должен мне по-крупному.

Он попадает в самую точку, и все что я могу - это пробормотать что-то типа:

- Созвонимся... Поговорим... Позже... Удачного вечера пока, - и ложу трубку.

Айзек прав.

И я тоже надеюсь, что она стоит всех этих хлопот.

Но Одри стоит.

Хоть я и знаю, что она, скорее всего, снова набросает жуков мне на голову, будет подвергать мою жизнь опасности и атаковать ветрами, но с нетерпением жду всё, что она мне уготовила.

Так что я натягиваю чистую одежду, сбрызгиваю водой волосы и говорю маме, что пойду прогуляться. Я не жду захода солнца, чтобы снова увидеться с Одри.

Глава 18

Одри

Крики. Ужасающие, леденящие душу крики раздаются посреди невнятного гула, а камни, земля, ветки и множество других непознаваемых предметов обрушиваются на мое тело.

Я спотыкаюсь, но стараюсь удержаться на ногах, не позволяя порывам ветра унести меня прочь. Мы не можем справиться с этим штормом. Он уже уничтожил слишком многое. Но я не уйду без отца.

Кто-то хватает меня за запястье и тянет назад. Я оборачиваюсь, и, взглядевшись сквозь щебень, землю и размытую стену ветра, различаю черты лица мальчика. И тут же понимаю, что знаю его.

- Мы должны вернуться, - кричит Вейн.

Но душераздирающий крик пронзает воздух, прежде чем я успеваю ответить.

- Мама? - Вейн отпускает мое запястье и мчится в центр шторма.

Я пускаюсь за ним вслед, и, поравнявшись, вижу, как в небе пронесется женщина в синем платье. Она борется с ветром, опутывающим ее подобно оковам, но не может вырваться на свободу.

- Мама! - снова кричит он, прыгая и пытаясь достать ее.

Но она слишком высоко.

- Вейн? - женщина мечется еще яростнее. - Беги. Ты должен...

Ее слова уносит порыв ветра. Он меняет направление, мчится мимо выкорчеванного дерева и швыряет его в маму Вейна. Я закрываю глаза, но слышу вызывающий тошноту хруст, раздающийся, когда одна из отломившихся веток врезается в женщину, и, глядя наверх, я вижу, что ее тело согнуто под неестественным углом, а голова свисает набок. Вокруг нас идет кроваво-красный дождь.

Вейн кричит - жуткий вопль боли, ярости и ужаса.

А я просто стою.

Я не могу двигаться.

Не могу думать.

Могу только смотреть на изувеченное тело в синем платье, за которым струится кровь, в то время как потоки воздуха уносят его в темноту.

- Одри? - кричит мой папа, выдергивая меня из оцепенения. - Одри!

В его голосе раздаются отчаянные нотки, когда я не отвечаю. Поэтому, повернувшись, я вглядываюсь в небо, пока не нахожу папу, бурящегося с воздушными потоками высоко надо мной.

- Вам нужно уходить отсюда, Одри. Забирай Вейна и выбирайтесь с пути шторма.

- Я тебя не оставляю, - я начинаю подпрыгивать также как Вейн. Должен быть способ дотянуться до отца, помочь ему спуститься.

Все внутри меня отчаянно желает взлететь к папе, но я все еще не достаточно сильна.

- Уходи, Одри!

Ни разу в жизни отец не звучал настолько серьезно. Его слова словно вводят меня в транс, и я перестаю сопротивляться, разворачиваюсь и делаю то, что папа приказал: я хватаю Вейна за руку и тяну его за собой, двигаясь быстрее с каждым шагом, словно ветер толкает меня в спину.

- Продолжай идти, - подгоняет отец. - Не возвращайся.

Каким-то невероятным образом мы добираемся до внешней границы урагана, избежав ударов града обломков. Я выталкиваю Вейна за стену воздушных потоков на безветренный участок, и он падает на безопасную устойчивую землю. Я знаю, что должна следовать за ним, но не могу уйти и бросить свою семью. Я разворачиваюсь обратно, но голос отца останавливает меня.

- Нет, Одри.

Он парит ниже. Все еще вне пределов досягаемости, но достаточно близко, чтобы я могла разглядеть слезы в его глазах.

- Уходи, дорогая. И позаботься о Вейне.

Папа посылает мощный Восточный ветер, отбрасывая меня прочь. Я брыкаюсь и кричу, сражаясь всеми силами с потоком воздуха. Но меня

выбрасывает из воронки торнадо в паре шагов от всхлипывающего Вейна, лежащего на земле. Шторм взрывается прежде, чем я успеваю подняться на ноги.

- Папа! - я кричу так громко, словно разрывая голосовые связки.

Воронка распускается у меня на глазах, и нити ветров разлетаются в разные стороны. Я вглядываюсь в небо в поисках отца, напрягаю слух, надеясь услышать его голос. Но понимаю, что не найду папу. Я ощущаю в воздухе его присутствие, и знаю, что он принес себя в жертву, позволив ветрам разорвать себя, чтобы сразиться с ними изнутри.

Я тянусь за потоками воздуха, пытаюсь удержать их.

Но они утекают сквозь пальцы.

Папы больше нет.

Грохот, подобный грому, раздаётся вокруг, когда обломки и камни сталкиваются с землей. Они врезаются в меня. Ранят руки и ноги.

Я не бегу. Я сжимаюсь в рыдающий, неудержимо дрожащий, клубок.

Он не попрощался.

Он не сказал, что любит меня.

Все, что он сказал - это "позаботься о Вейне".

Меня обвиняет пара рук, и я подскакиваю; подобно яркому лучу солнца, на меня накатывает чувство облегчения, когда я поворачиваюсь, чтобы обнять отца.

Но это не он.

Я всматриваюсь в полные слез глаза Вейна, чувствую дрожь его рук, пока он душит меня в объятиях, цепляясь за меня, словно я - единственное, что держит его на земле.

Я хочу оттолкнуть его и ударить кулаками.

Почему он здесь, а мой отец нет?

Это его вина.

Его. Вина.

Но даже моя ярость не позволяет мне солгать.

Правда кромсает меня на кусочки, разрывают на части, сбивают с ног. Я утыкаюсь в Вейна, рыдая у него на плече также громко, как и он - на моем. И рассказываю ему правду.

Я говорю, что это моя вина. Перекрикиваю ветер. Я должна сказать Вейну, прежде чем бремя того, что я сделала, сокрушит меня изнутри.

Я знаю, что Вейн все слышит, потому что он прекращает плакать. Но не размыкает объятий. Не вырывается.

Он прижимает меня еще сильнее.

Ветер холодный, ледящий душу, а мир никогда не казался таким одиноким и темным. Но я ощущаю тепло Вейна сквозь ткань его плаща, и чем дольше мы прижимаемся друг к другу, тем больше меня охватывает тепло, наполняя энергией и жизнью.

Я никогда не хочу отпускать его.

Заботиться о Вейне. Последнее желание моего отца.

Я обещаю тому, что осталось от отца, что позабочусь о нем.

Я никогда не смогу исправить случившегося. Но попытаюсь и сделаю все, что в моих силах.

Глава 19

Вейн

Одри не в сожженной лачуге, это, кажется... Станным. Не так странно, как эхо от тихого насвистывания ветра, заглушающее жужжание, щебетание, потрескивающие звуки рощи.

- Одри? – Зову я, пытаюсь следовать за звуком. Кажется, что это доносится сверху, но солнце слишком яркое, и даже когда я смотрю искоса, все, что я вижу в нечетком свете - это пальмовые листья.

Все мое тело дрожит, когда ужасная мысль приходит ко мне.

Они здесь. Они добрались до нее.

Я понесся назад к сгоревшему дому, карабкаюсь в угол, где она спрятала меч.

Я вырываю его из щели в земле и держу перед собой. Это труднее, чем я ожидал, и мой желудок сжимается, когда я смотрю на острые края.

Тело разрывается.

Кровь льется на извилистые зубья.

Капает вниз с лезвия.

Картины в моей голове заставляют руки дрожать так сильно, что я почти роняю меч.

Но Одри нужна мне.

Я мчусь сквозь пальмы, следуя за звуком ее рыданий. Сломанные ветки царапают мои ноги, а острая кора - руки, когда я мчусь в чащу рощи.

-Одри! - кричу я.

Плач прекращается.

Громкий визг заменяет его, и яростный ястреб опускается с неба, целясь в мою голову. Я едва успеваю увернуться.

- Я пытаюсь помочь ей, глупая ты птица! - Кричу я, ища меч, хотя он уже вылетел за пределы моей досягаемости.

- Вейн?

Голос Одри эхом откатывается от деревьев в нескольких разных направлениях, я не могу сказать, откуда доносится он. - Где ты, черт возьми?

- Здесь, наверху.

Я смотрю на верхушки деревьев и там, из-за листьев одного из самого высокого дерева выглянула Одри.

Одна.

В безопасности.

Беспокоиться не о чем, кроме блеска в ее глазах, когда она спрашивает, - Что ты делаешь? Зачем ты взял ветрорез?

Ветрорез?

Устрашающее название.

Я отхожу в тень ее дерева, чтобы остыть. Бегать в жару, не лучшая идея.

Хорошо, что я дополнительно использовал дезодорант.

- Я... пытался спасти тебя, - признался я, ненавидя, как отвратительно это

звучало. - Я думал, что Буреносцы были здесь.

- Ты пытался спасти меня?

- Эй, я услышал плач. Я думал, воины мучают тебя или еще что.

Шиш, а не благодарность?

Она смотрит на меня, выражение ее лица немного гордое, но, в основном, извиняющееся передо мной. Как у родителя, который слушает планы своего ребенка по захвату чудовища в шкафу. - Если бы Буреносцы были здесь, то небо было бы чернильно-черным и ветра швыряли бы эти деревья вокруг, как спички.

Оу, хорошо. С нетерпением жду чего-то такого.

Мы оба взглянули на небо, как будто должны были дважды проверить, что там ничего нет.

Не было видно ни облачка. Но ее ястреб снова пикировал на меня и я почти выронил ветрорез, когда попытался прикрыть свою голову. - Seriously, отзови свою буйную птицу.

- Иди к своему окуню, Гэвин. - Скомандовала она, и тут же эта глупая птица подчинилась, взвизгнув в последний раз, когда полетела к дому.

Странная птица.

- Отойди, - сказала она, подходя к краю листьев.

Она же не собирается прыгать, это...

Мои мысли обрываются, когда она раскидывает руки в нескольких шагах от ветки. Она шепчет что-то, я не могу понять, что и горячий порыв ветра проносится мимо меня. Порыв обхватывает ее, замедляя спуск, и ставит аккуратно на землю.

- Показушница, - ворчу я.

Она протягивает руку к мечу, и я с готовностью отдаю его. Это действие вызывает у меня тошноту. Она проверяет лезвие, вероятно, чтобы убедиться, что я не повредил его за те пять минут, пока держал. - Зачем ты искал меня?

- Почему ты пряталась на дереве, и плакала? - перебиваю я.

На секунду она выглядит растерянной. Пока не начинает говорить. - Мне нужен ветер, чтобы восстановиться. - И направляется через рощу, обратно к своему дому.

Я следую за ней, ожидая, пока она уберет смертельное оружие подальше и повернется ко мне лицом, прежде чем потребовать ответа, который не является подобной чушью. - Ладно, это объясняет, почему ты была на дереве.

И, что насчет слез?

Я смотрю на нее, осмелится ли она отрицать это.

- Это не твое дело.

Она пытается пройти мимо меня, но я преграждаю ей путь.

- Ты можешь доверять мне, ты знаешь, - говорю я, мой голос немного эмоциональней, чем я хотел этого. - Я знаю, ты привыкла все делать по-своему. Но сейчас мы во всем этом вместе.

Она ничего не отвечает. Только смотрит на землю, наблюдая, как муравьи снуют в грязи, словно это самая увлекательная вещь в мире.

Я наклоняюсь ближе и беру ее за руки - волнующе странный жест, что вызывает во мне разряд электричества благодаря нашему прикосновению. -

Позволь мне помочь тебе.

Воздух между нами становится напряженным, когда она обдумывает мое предложение, и на секунду кажется, что она готова поделиться со мной. Затем она качает головой и убирает свои руки. - Мне просто приснился плохой сон. Вот и все.

- О чем?

Она отворачивается. - О том дне, когда умер мой отец.

Ее голос едва слышен в шепоте, но ее слова ударяют меня, словно камень. Ее отец погиб, спасая меня.

- Мне так жаль, - говорю я ей, надеясь, что она знает, что это правда.

Она оборачивается, и, когда наши глаза встречаются, я вижу небольшое изменение. Как крошечный кусочек ее железной защиты, треснул. - Это не твоя вина.

Я пожимаю плечами, гадая, действительно ли это правда. - В любом случае, я по-прежнему сожалею, что это произошло.

- Я тоже.

Она прислонилась к стене, в крошечное пятно тени, которое она создает. По ее страдальческому выражению, я могу сказать, что она, переживала каждый момент бури в мельчайших деталях.

Я хочу заползти в ее голову, чтобы посмотреть повтор, даже если это будет больно.

- Как это было? - шепчу я.

- Буря?

- Да, как это все... произошло? - я не могу думать, о более мягком способе произнести это.

Она смотрит на меня так, словно я только что расправился с полудюжиной котят. - Ты хочешь, чтобы я рассказала тебе ужасные подробности убийства твоих родителей?

- Нет. Да. Я не знаю. - Я провел руками по волосам, пытаюсь найти слова, чтобы объяснить это. - За последние десять лет моей жизни сотни людей спрашивали меня, что произошло, а ты знаешь, как они смотрят на меня, когда я говорю, что не знаю? Как будто я повредил мозг. Потому что я не могу не помнить главные моменты моей жизни?

- Тебе повезло, что ты не помнишь.

- Повезло?

Я должен это услышать еще раз...

- Значит, мне повезло, что твоя мать украла мои воспоминания? Стерла первые семь лет моей жизни?

- В некотором роде, да.

Она не понимает, никто не понимает.

- Все что я прошу, это, чтобы ты помогла мне заполнить пробелы. Если я не могу вернуть мои воспоминания, ты можешь поделиться своими.

Я потерял несколько секунд в тишине. Ее голос был холоден, когда она сказала, - Мои воспоминания, только мои.

Она смотрит на потрескавшееся окно и гладит своего безумного ястреба. Одна часть ее знает, что я не подойду к ней. Это не то, что я хочу в этот

момент.

Я знаю, что ее воспоминания болезненные, но за все, что я пережил, она могла бы бросить мои долбаные кости.

Постоянно возвращаясь в тот день бури.

Я должен узнать, что произошло.

Глава 20

Одри

Это был только сон, говорю я себе. Только сон.

Но я знаю, это что-то большее.

Это воспоминание.

Воспоминание. О котором я не могу позволить Вейну вспомнить.

Как я скажу ему, что убила его семью.

Это было глупое, импульсивное решение, и только поэтому он не выдел никакой ярости, потому что был потрясен тем, что произошло. Мне повезло, моей матери пришлось стереть его воспоминания, так что мне никогда не придется жить с последствиями моей исповеди.

Больше я так не ошибусь.

Я не скажу ему. Не важно, как сильно он подталкивает меня к этому.

Мои пальцы скручиваются в кулаки, и я сжимаюсь, пытаюсь остановить дрожь, я все еще чувствую своими ладонями то, как Вейн взял мои руки.

Я, наконец, понимаю, что означают эти чувства.

Это то же чувство, которое я испытала, когда мы прижимались друг к другу в развалинах после бури. Я забыла эту деталь, но сейчас вспомнила, как тепло разливалось между нами, лучась сквозь мое тело.

Чувство вины.

Это единственное, что я почувствовала, когда взглянула на мальчика, чью жизнь я испортила. Пусть он меня поддерживает. Заблуждаясь, веря в то, что сможет простить меня за то, что я сделала.

Горячее жжение, отблески вины.

Мое тело способно наказать меня за мое преступление.

- Так, - говорит Вейн, напоминая, что я не одна, - Что мы будем делать сейчас?

Честно говоря, я не уверена. Я всегда планировала сделать его мастером всех языков, надеясь, что его увлеченное знакомство с ветром спровоцирует его Западный прорыв.

Сейчас у нас есть восемь дней, при условии, если моя мать выполнит обещание. Меньше, чем восемь дней, поскольку сегодняшний в основном закончен. У нас нет времени, чтобы освоить все.

Самой умной тактикой было бы, спровоцировать его на Северный и Южный прорыв сейчас, и обучать его силе трех. Даже самые элементарные знания в сочетании порывов будут более мощными в ветряном бою, чем хорошее владение одним.

Но, сможет ли он в действительности обучиться трем порывам, меньше, чем в день?

Моя голова практически взорвалась, когда я выбрала, чтобы мой Штормовой тренер обучил меня сразу двум, притом, что я говорила на Восточном языке, почти всю свою жизнь.

Голова Вейна уже нагружена всем, что он узнал и почувствовал, со вчерашней ночи. Если добавить напряжение еще двумя прорывами, то будет огромное искушение его чувств, даже опытным сильфам будет трудно устоять.

- Э-э, ты хочешь объяснить мне, о чем думаешь? - спрашивает Вейн, - Потому что стоять в пальмовой роще в ста двадцати градусную жару*, быть атакованным мухами, не совсем то, что я имел в виду про остаток вечера. (*прим. В США и англоязычных странах используют систему измерения температуры по шкале Фаренгейта. Их +120 градусов, приблизительно +48 градусов Цельсия)

Я застыла, заставляя признать себя, что это наш единственный вариант. - Лучший способ обучить тебя, это заставить твой разум услышать более двух порывов. Это то, как мы называем его, когда ветер посещает твое сознание и делает связь так, чтобы ты мог понимать его язык. Я пробудила твой Восточный прорыв прошлой ночью, когда я присоединилась к ветру и вошла в твой разум. Поэтому ты мог видеть меня в моей форме ветра и поэтому ты можешь понимать сейчас Восточный язык.

- Так... притворюсь, что все это имеет смысл, который, кстати, совершенно не понятен, - говорит Вейн, подпрыгивая, - Один вопрос: Почему ты сказала, как ты выразилась, что мы должны отрубить обе мои руки, довести их до белого каления, и скормить мне их на ужин?

Я вздохнула. - Потому что запуск трех порывов настолько близко будет очень... неприятным.

-Неприятный?

- Опасным.

- Ладно, я не фанат этого слова.

- Если бы был другой путь...

- Есть. Ты можешь вызвать подкрепление, как ты обещала прошлой ночью. Что случилось с этим планом? Мне понравился, тот план намного лучше.

- Я просила подкрепления, - мои глаза уставились в землю, - Мне отказали.

- Отказали?

Да. Его манера повторять все, как вопрос, безусловно, толкает меня к краю.

- Но я думал, что я был последним Западным. Будущим королем. Вся эта чушь. Не делает ли это каких-то приоритетов для моей защиты?

- Делает. Они останавливают Буреносцев так долго, как могут. И они знают, что я одна из лучших хранителей в Штормах.

- Ага, а ты сказала прошлой ночью, что ты слишком слаба, чтобы бороться с ними, даже с моей помощью.

- Не... совсем так. Вот что я смогу сделать, так это победить Буреносцев

- А... если ты можешь победить их, то почему мы просто не сделаем это?

- Мы не можем "просто сделать это", потому что это будет последняя жертва.

Слова выскользнули прежде, чем я смогла остановить их.

Я чувствую, что он смотрит на меня, но я отказываюсь смотреть на него, отказываюсь видеть те эмоции, которые написаны на его лице. Я не знаю, что я хочу, чтобы он чувствовал.

Я не знаю, что я чувствую.

- Если я правильно понимаю, - через минуту говорит он, - Ты так долго поклонялась Штормам, чтобы они послали тебя на смертельную миссию, вместо того, чтобы обеспечить подкрепление?

- Это не совсем так.

- В самом деле. Тогда что это, Одри? Почему то это кажется довольно ясным, для меня. И это неправильно. Они не могут сделать тебя... чтобы ты...

Его голос замолкает, и я не могу помочь, украдкой разглядывая его лицо.

Мое сердце подсакивает, когда я вижу взгляд его светло-голубых глаз. Уже долго никто не смотрел на меня так, я почти не узнаю этих чувств.

Он заботится.

Вейн Вестон заботится обо мне.

Я смаргиваю, слезы прежде, чем они смогут пролиться.

Это ничего не меняет.

- Я дала клятву защищать тебя ценой своей жизни, и я намереваюсь сдержать ее. Что бы ни случилось.

Это просто заявление, но оно глубоко влияет на Вейна.

Он подходит ближе. Достаточно близко, что я могу почувствовать его тепло в воздухе. Ближе, чем я должна позволять ему стоять.

- Этого не будет, - говорит он, его голос - более серьезный, чем я когда-либо слышала. - Вызови прорывы. Чего бы это ни стоило.

Я сглатываю, чтобы вернуть голос, - Ты понимаешь, что процесс будет очень трудным?

- Да.

- Даже болезненным.

- Я... согласен на это.

Кто этот мальчик и что он сделал с Вейном?

- Ты уверен?

Он берет мои руки, мягко переплетая наши пальцы.

- Я не позволю ничему случиться с тобой, Одри.

Я отвожу взгляд, борясь с взрывом эмоций, извергающихся внутри меня.

Мои ладони покалывают настолько сильно от его прикосновения, что фактически пульсируют. Мое горящее, жгучее чувство вины наказывает меня за новое преступление.

Я не заслуживаю этого. Я позволяю Вейну рисковать всем, чтобы спасти меня... и он понятия не имеет, что я - та, кто разрушил его жизнь.

Я никогда не скажу ему. Это разбило бы его приверженность миссии. Взяло бы его в плен, и убило бы меня вместе с тысячами невинных людей.

Но это не единственная причина.

Вейн - первый человек, с тех пор как умер мой отец, который заботится, живу ли и дышу ли я. Я не могу оставить это.

Чувство вины жжет сильнее, когда я честно признаюсь в своем эгоизме, но я

переносу боль. Это меньшая боль, чем боль от одиночества, которое я перенесла за последние десять лет.

Таким образом, я глубоко вздыхаю, чтобы прочистить голову.

- Ты, вероятно, должен присесть. Это будет... тяжело.

Глава 21

Вейн

Одри сидит на полу, скрестив ноги на куче пальмовых листьев, и они такие же колючие, как выглядят. Я не могу поверить, что она спит на этом. Она диктует длинный список инструкций, мне, вероятно, следует обратить на них внимание... но я не могу сосредоточиться. Мой мозг застрял на автоповторе. Сильнее. Сильнее. Сильнее.

Я вполне уверен, что она имеет в виду сильную боль... и мне точно неизвестно, смогу ли я терпеть это.

По крайней мере, Одри кажется довольно впечатленной, что я готов сделать это, чтобы помочь ей... хотя это кажется сумасшествием. Она действительно думает, что я хочу, чтобы она умерла, чтобы спасти меня?

- Обними меня покрепче, Вейн. Северный - невероятно агрессивный ветер.

Трудно не застонать. "Агрессивный" почти так же плохо как "опасный".

Она регулирует мои кисти и руки, сгибая меня.

- Ты в порядке? - спрашивает она, когда я подсакиваю от ее прикосновения.

- Ага, прости. Просто нервы, я думаю.

Разве она не чувствует, как искры проскакивают между нами? Теперь, сильнее.

Волны жара пробиваются к моему сердцу, обосновываются там, где им самое место. Я знаю, как отвратительно это звучит... Исаака бы ранило, если бы он знал, что я думал об этом. Но мне нравится это. Такое чувство, что она становится частью меня, с каждым прикосновением все больше.

Мне хочется схватить ее, притянуть к себе, почувствовать, как распространяется тепло, когда я провожу руками по...

- Ты готов? - спрашивает она, выдергивая меня из фантазий.

- Да. - Я ненавижу свой голос за то, что он дрожит.

- Хорошо. Давай закончим сначала самую болезненную часть.

- Звучит потрясающе.

Ее губы сложились в подобие улыбки, уже знакомой мне. - Единственный совет, который я могу дать - не сопротивляйся. Я буду управлять ветрами, чтобы проникнуть в твое сознание, но ты должен вдохнуть их. После того, как порывы войдут, ты должен постараться, сконцентрироваться. Они почувствуют сопротивление и что-то чужое и твоя голова, скорее всего, будет пульсировать. Просто помни, что твой разум не знает, как это делать.

- Ты можешь потерять меня в момент «пульсирования», но я сделаю все

возможное. Давай просто... покончим с этим.

Она кивает. Затем закрывает глаза и шепчет что-то, похожее на змеиное шипение. Ветра поднимаются вокруг нее.

Холод проходит по нам... что на самом деле не так плохо после жары.

Порывы оборачиваются вокруг меня, потрескивая пальмовыми ветками, когда они поднимают меня с земли. Давление, намного более сильное, чем я ожидал, и мои искривленные конечности разворачиваются, пока я не становлюсь растянутым, как и дом, наполняющимся штормом.

- Вдохни их, Вейн. Сконцентрируйся на том, что ты слышишь, - кричит Одри, перед тем, как рев в воздухе заглушает ее. Оставляя меня в одиночестве, дрожащего в коконе холодного ветра, когда порывы бьют меня в лицо.

Я хочу спрятаться от них, закрыться от всего это и надеяться, что они уйдут. Но я сжимаю челюсть, чтобы остановить стук зубов, и в следующий раз, когда порыв с новой силой дует в мое лицо, я делаю длинный, глубокий вдох. Вместо того чтобы заполнить мои легкие, воздух проникает в мой мозг. Это похоже на жжение, когда вода попадает в нос, только в тысячу раз больнее.

Ветры в моей голове формируют вихрь и ударяют меня самой сильной мигренью, как будто мой мозг пинают и бьют и колит, разрывая на куски. Я хочу оторвать себе голову, чтобы освободить ветер.

Одри говорила сконцентрироваться.

Как, черт возьми, я должен сосредоточиться, с ветром, кружащем в моей голове? Это, как стоять под водопадом, когда струя воды падает на тебя удар за ударом и в то же время ударяют миллионы ударов грома.

Но во всем этом хаосе – есть простое, одинокое указание.

Все оглашается долгим, низким воем... я ничего не могу понять. Но чем больше я напрягаюсь, чтобы услышать его, тем ближе и яснее он становится, когда он прокладывает свой путь от лица к центру, требуя моего внимания.

Это напоминает мне о том, когда Исаак включает сабвуфер в своем грузовике. Вся музыка и слова заглушены дрожащим, пульсирующим басом, это заставляет грузовик вибрировать, и его старые, сварливые соседи впиваются в нас взглядом, когда наша музыка отдается в их домах.

Боль в моей голове усиливает, когда я концентрируюсь на звуке, и ветер чувствует, что замораживает меня в Вейно - цикле.

Давай, ты, глупый ветер, прорвись, прежде чем я потеряю сознание.

Это безнадежно. Я больше никогда не буду чувствовать или слышать все, что я должен слышать или чувствовать. Я - неудачник, как Гуляющий Ветер, и Одри умрет из-за меня.

Понимание возвращает меня назад к моим чувствам... и именно тогда я ловлю это.

Одно слово. Снова и снова.

Сила.

В момент, когда я выделяю слово, ветер просачивается в мое сознание. Он ощущается, как осушение высокого бокала с водой одним большим глотком... только в качестве бокала выступает мой мозг.

Мои конечности все еще дергаются, и я сосредотачиваюсь на тексте в мелодии, которую я теперь понимаю. Северный ветер поет о власти. О непобедимости. О балансе.

- Вейн, ты слышишь меня? - Одри зовет меня откуда-то издалека. - Открой глаза.

Я хочу повиноваться, но я не знаю, как заставить сейчас мое тело слушаться. Ветры парят вокруг моего разума. Поддразнивая. Дергая. Прося меня идти с ними. И я хочу. Северные кажутся настолько храбрыми и сильными. Они защитят меня.

- Вейн, послушай меня! - кричит Одри. - Ты не можешь верить всему, что говорят ветры. Я знаю, что это похоже на мудрость, но ты должен сопротивляться. Они разделяют тебя, и если ты позволишь этому произойти, то ты не вернешься.

Я не хочу ее слушать, но поток тепла проходит по моим рукам, как электрический ток.

Мое тело вздрагивает, и глаза резко открываются. Солнечный свет ослепляет меня, голова ударяется, и громкий стон срывается с губ. Затем мой взгляд очищается, и я мельком вижу Одри, склонившись надо мной, сжимая мои запястья тонкими пальцами.

- Дыши, - приказывает она.

Почему она должна была говорить мне...

Жгучая боль в груди пробуждает меня, намекая, что прошло время, с тех пор как я дышал. Я втягиваю воздух большим глотком, ломаясь и кашляя, когда он входит в мое изголодавшееся по кислороду тело.

Одри сажает меня и стучит по спине.

- Ты как?

- Бывало и лучше. - Я обнимаю себя, чтобы снова почувствовать свое тело. Я на секунду забыл о нем. - Что случилось?

- Ветер начал уносить твое сознание.

Я потираю гудящую голову.

- Еще раз на английском, пожалуйста.

Она улыбается, грустной улыбкой. - Я не совсем понимаю сама. Мой отец рассказывал мне, что Идущие по ветру оказались между двух миров. Между землей и небом, и когда мы позволяем себе слишком долго контактировать с одним из них, это вводит нас в заблуждение. В земном случае, пища и вода земных, привязывают нас ним. Перекрывая наши возможности. И призывают нас, пытаясь взять нас к себе, как старый друг, предлагающий нам присесть на дорожку.

Это я понимаю. Часть меня, все еще хочет следовать за ним.

- Но если мы позволяем ему уводить нас, мы оставляем наши земные формы, чтобы никогда не вернуться к ним, - предупреждает она.

- Почему я не чувствовал это прошлой ночью? - Я не спал большую ее часть, но ничего не помнил, когда с трудом проснулся.

- Когда я пробуждала твой Восточный порыв, я была в твоей голове, и я могла контролировать порывы и делать нужные для тебя соединения, не подвергая тебя полной силе ветров.

- Так... ты в буквальном смысле была в моем разуме... как только что ветер? - Я содрогаюсь, вспоминая странное свистящее, тянущее чувство.

- Да. Когда мы переходим в наши истинные формы, мы становимся ветром. Мы передвигаемся и работаем и чувствуем себя точно так же, только с большим контролем. По-моему это самое странное из всего, что я тебе говорила.

Она вознаграждает меня другой, частичной улыбкой. Затем она смотрит вниз, глядя на свои пальцы, сцепленные вместе. - Я не уверена, должна ли я призывать Южный порыв. Это может быть слишком для тебя, чтобы справиться с этим прямо сейчас.

Я не могу объяснить, как сильно я не хочу проходить через это, снова, никогда. Но сейчас это не главное. - Мне нужно выучить три языка, верно? Как можно скорее?

Проходит несколько секунд, прежде чем она говорит, - Время уходит.

- Тогда мы должны сделать это.

Я не могу поверить, что сказал это.

Но, я не могу быть сейчас слабаком. Люди могут погибнуть. Одри может умереть. - Я знаю, что теперь ожидать. Со мной все будет хорошо.

Если соблазн был силен от суровых, холодных Северных ветров, то он будет в десять раз сильнее с теплыми, гостеприимными Южными ветрами.

-Я вернусь.

-Как ты можешь быть так уверен?

Я беру ее руки. Она пытается вырваться, но я держу крепко. - Когда ты прикоснулась ко мне, ты выдернула меня. Так, просто сделай это снова, и я вернусь. Для тебя.

Последние слова я тихо пробормотал, но я уверен, что она услышала их, потому что это выдавал румянец, появившийся на ее щеках.

Она несколько секунд смотрела на наши руки, делая медленный, глубокий вдох. - Хорошо. Давай покончим с этим.

Глава 22

Одри

Вейн понятия не имеет, как непреодолимо притягивают Южные ветры. Их тепло опьяняет. Уют, который они обещают, так привлекателен. Заманивают, чтобы ты ускользнул навсегда в их спокойное, увлекательное путешествие.

Я готова была последовать за их шепотом куда угодно, и я чуть было, так не сделала. Клятва, которую я дала отцу, была единственным, что меня удержало.

Но все, что я могу сделать, это придерживаться плана и надеяться, что Вейн действительно вернется за мной.

Ко мне, поправляю себя, я. И даже не ко мне... лично. Вернется в мир, чтобы продолжить обучение. Чтобы раскрыть его потенциал. Шаг к его роли короля. Это мои главные... и только мои... проблемы.

Я повторяю напоминание в голове, когда достигаю ветров. Ближайшие

Южные ветры, они всего на расстоянии в несколько миль, бродят по длинным пустым дюнам. Он приходят ко мне, когда я зову их шепотом. Я смотрю на Вейна, когда ветры начинают формировать первые усики своего кокона.

- Ты должен вернуться, - приказываю я.

- Держись за меня, а я буду держаться за тебя.

Его искреннее доверие, готовность на его лице, такой вызов для меня, не говоря о напряжении в его глазах, заставляющее мое чувство вины гореть жарче, в моих руках. В моем сердце.

Я заталкиваю боль так глубоко, как могу. Затем, я шепчу последнюю команду, закрывая кокон, и Вейн исчезает, запутываясь в шелковистых прядях Южных ветров.

Я ловлю себя на том, что затаила дыхание и удерживаю воздух в легких. Я должна оставлять свою голову ясной. Быть готовой ко всему.

Вейн не шевелится, когда его тело отрывается от земли. Не дергается или вращается, как это было с Северными ветрами. Трудно различить его сквозь песчаную бурю, но я вижу его лицо, и он выглядит умиротворенным.

Счастливым.

Я помню это чувство. Южные ветры приносят чистое блаженство.

Мои ногти впиваются в ладони, когда я считаю прошедшие секунды, наблюдая за действиями ветра. Чем дольше он остается в плену ветра, тем больше он теряет контроль.

Десять секунд.

Двадцать.

Тридцать.

Сорок.

Я проживаю вечность, в каждую секунду. Я могу уничтожить нашу единственную надежду, этим поспешным решением.

Пятьдесят секунд.

Минута.

- Давай, Вейн - ты можешь сделать это! - кричу я сквозь порыв ветра.

Еще шестнадцать секунд. После чего ветра разлетаются, вырываясь на свободу.

Он был ветром.

Его тело падает на постель из пальмовых листьев, и я зову его по имени, снова и снова. Он не шевелится, но я беру его руки, как делала это, когда он боролся с Северными ветрами, не обращая внимания на чувство вины, обжигающее мою кожу, когда я это делаю.

Его глаза остаются закрытыми. Он не двигается.

- Дыши, Вейн, - приказываю я, сжимая его руки сильнее. - Ты обещал.

Никакой реакции.

Я трясу его руки, пытаюсь пробудить его. - Дыши!

Ничего. Даже, когда я ударяю по его груди кулаками.

Мое сердце подпрыгивает к горлу, когда я смотрю на его губы, синего оттенка. Я должна что-то сделать.

Я видела, как земные делают искусственное дыхание рот в рот, пытаюсь

запустить легкие. Но я не могу рисковать, связать себя с Вейном. И это не сработает. Его проблема не в его легких. Все заключается в потере рассудка, после манящего зова ветров. Пробравшихся слишком далеко, от их законного места.

Голубой оттенок распространяется по его губам, окрашивая его лицо бледно-серым.

Я хватаю его за плечи и трясую так сильно, как могу. Его голова отклоняется и безвольно свисает.

Я не могу просто сидеть здесь и смотреть, как он задыхается. Даже если проблема не в легких, нужно вдохнуть воздух в его тело, чтобы помочь.

Я не позволяю себе думать о том, что делаю, когда я поднимаю его подбородок трясущимися руками.

- Это не поцелуй, - шепчу я вслух, чтобы это стало свидетельством. - Это спасательные меры. Не поцелуй. Не связывание.

Не связь. Не связь. Не связь.

Я не буду соединять себя с Вейном Вестоном.

Не. Связь.

Я сдерживаю дрожащее дыхание, едва способная поверить в то, что собираюсь сделать, когда кладу руки на его щеки.

- Вейн! - кричу я, - Вейн, проснись.

Ничего.

Слезы горят в моих глазах, когда я смотрю на его сине-серые губы.

Сейчас или никогда, Одри.

Я наклоняюсь, шепча ему в ухо. - Прошу, не оставляй меня, Вейн.

Я не собиралась говорить это, но у меня нет времени, чтобы анализировать выбранные мной слова. Я делаю большой глоток воздуха, удерживая его в своих легких, когда касаюсь его губы дрожащей, холодной рукой.

Не связь... не связь... не связь... не связь...

Прежде, чем я прикоснулась его, тело Вейна содрогнулось в гортанном кашле. Его лоб ударил меня в подбородок, откидывая назад, когда он, задыхаясь, перекатился на бок.

Я растираю болезненную челюсть одной рукой и обнимаю себя другой, пытаюсь унять дрожь. Я не могу определить чувства тех эмоций, которые нахлынули на меня. Все, что я знаю: Вейн жив.

Он хрипит, борется в течение минуты перед тем, как вдохнуть. Я сижу в стороне, чувствую, что мир был, выдернут из меня, а затем засунут обратно, чтобы позволять лишь смотреть.

Я хочу рассказать ему, как сильно он напугал меня. Как близок он был к тому, чтобы оставить меня, оставить всех и все.

На что я готова была пойти, чтобы спасти его.

Но ему не нужно знать об этом.

Когда возвращается его нормальный цвет лица, и кашель успокаивается, он садится и смотрит на меня.

- Я же говорил, что вернусь ради тебя.

Глава 23

Вейн

Мои ноги вяло передвигаются и Одри тащит меня сквозь рощу к моему дому. Я никогда так не уставал. Я был разбит. Блин, я пережил торнадо и, хотя я не помню, что произошло я, помнил всю эту боль и никогда не испытывал подобного раньше.

Я чувствую себя опустошенным. Как будто все, что делает меня мной, постепенно вытекает через уши, оставляя лишь оболочку от Вейна.

Ничего не могло подготовить меня к притяжению Южных ветров. Я чувствовал, как будто я снова стал ребенком, и моя мама обещала, что все будет хорошо, если бы я просто сделал то, что она сказала. Ее голос звучал по иному, выше и мягче, чем обычно, но слова окутывали мой разум и сердце, и чем сильнее я пытался оттолкнуть их, тем сильнее они сжимались. Я почти пропал.

До того, как отчаянный голос Одри не прошептал сквозь ветер, прося меня не уходить.

Я не оставлю ее.

С этими мыслями я нахожу в себе силы вырваться на свободу, но у меня кружится голова и тело разрывается различными чувствами боли заставляя, вернуться к реальности.

Но я клянусь, ветер унес часть меня. Он определенно украл мое тепло. Я не могу остановить дрожь, хотя уверен, что сейчас не меньше ста градусов.

Вялые ноги, это не очень круто. И моя голова чувствует себя так, словно ей играла футбольная команда.

Худшая часть, это пустота. Теперь я знаю, что подразумевала Одри, говоря "пойман между двух миров". Ветер заставил часть меня чувствовать свободнее, полнее, счастливее, чем когда-либо. Без этого, я чувствую себя потерянным и опустошенным. Хотя, я рад вернуться. Небо может призывать меня, но я хочу, чтобы мои ноги твердо стояли на земле. Желательно, ноги не из желе.

Говоря об этом, как я должен объяснить мое теперешнее состояние родителям? Зная мою мать, она, наверно, забеспокоится, что я пьян или под кайфом или, и то и другое. Она смотрит слишком много новостей о трудных подростках.

И, похоже, теперь они встретятся с Одри, так как если я не заползу домой, иного способа туда попасть самостоятельно, у меня нет. Одри сейчас держит почти весь мой вес, что весьма впечатляет, учитывая какая она, стройная.

В поле зрения попадают стены моего дома, и мой желудок сжимается. Одри тоже напрягается, потому, как мне кажется, она думает о том же, о чем и я: что, черт возьми, мы намерены теперь делать?

Она останавливается у края деревьев.

- Ты должен опереться об пальму на несколько секунд, - говорит она, уже

обертывая мою руку вокруг грубого ствола. Я перемещаю свой вес, наклоняющийся под неудобным углом, но мне удастся стоять вертикально, когда Одри начинает расстегивать свой пиджак.

Черт, я надеюсь, у нее под этим есть что-то тонкое и кружевное.

Когда она расстегивает последнюю из солнечных золотых пуговиц... ее пиджак напоминает мне что-то, что носили поп-звезды восьмидесятых... она снимает тяжелое пальто с плеч, показывая черную майку и много сливочной кожи. Не сексуальный лифчик, как я надеялся, но, по крайней мере, красивая и с большим вырезом. Синее ожерелье с серебряным пером висит чуть ниже линий ее ключицы, заставляя мои глаза опускаться прямо туда, куда они, вероятно, не должны смотреть.

Она отбрасывает жакет в направлении своего дома.

- Надеюсь, наряд выглядит достаточно похожим на форму для тренировки, чтобы одурачить твоих родителей. Мы скажем им, что тренировались, ты бежал слишком усердно, и ноги отказали. Это должно достаточно хорошо объяснить твоё состояние.

Я не могу придумать ничего лучше, я слишком устал от попыток удержать себя в вертикальном положении, потому я позволяю ей обернуть мою руку вокруг ее плеч. Миллион разрядов тока пронзает меня в месте, где моя кожа соприкасается с ее. Моя дрожь пропадает. Без толстой все закрывающей одежды, ее прикосновения в тысячу раз более наэлектризованы. Не говоря уже о гладкости и мягкости голой кожи, которую я ощущаю своей.

Заметка для себя: украсть и уничтожить ее куртку, когда это будет возможно.

Я пытаюсь не шататься, когда мы снова начинаем двигаться, но мои бесполезные ноги отказываются повиноваться, и я почти роняю нас. Она становится передо мной и толкает меня обратно, ставя на ноги. Лицом к лицу, ее тело так тесно прижато с моим, что я чувствую удары ее сердца сквозь тонкую рубашку.

Я клянусь, что воздух вокруг нас вот-вот воспламенится.

Одри снова смещает меня в сторону от себя.

- Как только мы окажемся внутри, я уложу тебя в твоей комнате и уйду. Старайся не вставать. Съешь что-нибудь. Вообще-то много съешь. Твое тело должно использовать как можно больше связей с землей. Держись подальше от ветра. Плотно закрой окно, выключи вентилятор. Сейчас ты слишком уязвим.

- Как уязвим? Как... я могу потеряться снова, если окажусь слишком близко от вентилятора?

- Возможно, нет. Но я пытаюсь быть осторожной. Я никогда не слышала ни о ком, кого бы ветер привлекал так сильно, как тебя. Возможно, это особенность Западных ветров. Или возможно, поскольку твое тело было отстранено от ветра на десять лет, оно просто не знает, как его принять. В любом случае тебе лучше оставаться на земле, держась на безопасном расстоянии от искушений.

Я чувствую только одно искушение - пустить руки вдоль серебристой полоски талии, выглядывающей из-под нижней кромки топики. Теперь это

заставляет меня оставаться на земле.

Я готов сказать ей это, но мы достигаем уродливой синей двери моего дома.

- Должна ли я... постучаться? - спрашивает Одри.

Я никогда раньше не слышал, чтобы ее голос дрожал.

- Нервничаешь из-за встречи с родителями?

- У меня просто было не много контактов с людьми снизу.

- Ты понимаешь. Что они подумают, что ты моя девушка?

Она бледнеет. – Это ради того чтобы скрыть правду.

Звучит ли это так, словно я в роли бой-френда так ужасен, что она бы с радостью этого избежала?

- Ее нужно открыть. - Говорю я ей.

Она глубоко вздыхает, передергивает плечами и открывает дверь.

- Я дома, - кричу я достаточно громко, чтобы перекричать телевизор. – Не волнуйтесь, но меня не держат ноги, потому я нуждался в помощи.

Прежде чем я успеваю закончить предложение, моя мама вскрикивает:

- Что? - и они оба с папой в панике устремляются к нам по коридору.

Вот вам и не волнуйтесь. Они как вкопанные останавливаются, когда замечают Одри.

Одри неуклюже поворачивается и смотрит в пол.

Было бы странно, если бы неловкость не завладела и мной.

- Что случилось? - спрашивает папа, указывая на мою достаточно жалкую, неуклюжую позу.

- У меня что-то случилось с коленом, поэтому Одри должна была помочь мне. Я, должно быть, очень сильно напрягся, когда мы побежали.

Мой папа смеется... один из тех огромных смешков, которых можно ожидать от шести футовых пяти дюймовых парней с пивными животами, а не от пяти футового девяти дюймового тощего парня, который носит опрятные тенниски каждый день.

- Так всегда происходит, когда ты хвастаешься.

- Спасибо, пап.

Мама оглядывает Одри и входит в ступор.

- Прости. Не думаю, что мы знакомы. Я Кэрри.

Она протягивает Одри руку для рукопожатия. Одри спотыкается об мои ноги, когда идет, чтобы пожать руку.

- Наверное, нам лучше дать ему прилечь, - говорит она, успокоившись. Ее щеки ярко-розовые. – Где его комната?

Должен отдать ей должное. Притворство, будто она не знает, которая комната моя - хороший ход.

- О, хм, я не знаю, Джек, может быть лучше тебе его взять, - говорит мама, покусывая губы, будто волнуется, что как только мы окажемся вблизи от кровати, почувствуем непреодолимое желание содрать друг с друга одежду.

Мой папа смеется, проводит рукой по облысевшей части его головы... и говорит, - Расслабься, Кэрри. - Он указывает на проход. - Сюда.

- Спасибо. - Одри излучает свою полуулыбку и увлекает меня за собой.

- Дверь слева, - говорит мама, намереваясь быть нашим сопровождающим.

- Я могу довести ее до моей спальни, - бормочу я.

Одри нас игнорирует, она толкает мою полуоткрытую дверь и ведет меня к незатравленной кровати. Она роняет меня на кровать - не так нежно, как бы мне хотелось - и помогает мне уложить ноги, пока моя мама наблюдает у двери.

Класс, одна горячая девушка заходит в дом, и все доверие пропадает.

- Ты в порядке? - спрашивает Одри, пока я пытаюсь найти наиболее удобную позицию. Большею частью я просто ворочаюсь.

-Да.

Я хочу сказать больше, но мой папа присоединяется к маме у дверей спальни, и он пока что не смотрит на нее взглядом - нервного диктатора, - его взгляд такой же, какой бывает, когда он смотрит канал Discovery.

- Ну, разве навыки спаривания у подростков не увлекательны, дорогая?

Я вздыхаю.

-Так, расскажи мне еще раз, как это произошло, - говорит мама, добавляя неловкости.

Ее тон легкий, но я знаю, что она на самом деле говорит «Я не верю в твою историю. Дай мне разобраться в ней».

Одри отвечает раньше, чем я могу послать ей какое-либо предупреждение об опасности почвы, по которой мы ходим.

- Я учу Вейна быстро бегать. Но, я думаю, я переборщила в своих попытках во время такой жары, так как его ноги свело, и он потерял сознание.

Думаю, это звучит разумно. Но все же, это не убеждает мою маму.

- Ты в Национальной Команде по кроссу? - она улыбается, когда Одри кивает. - В твоём возрасте я тоже была там. И в каком же виде соревнований ты лучшая?

Ой-ей.

Я пытаюсь придумать что-нибудь, чтобы ответить за Одри, но не могу ничего вспомнить. Разве они все не просто... бегают?

Но Одри даже моргнув, отвечает. -Я хороша на всех.

- Она такая, - говорю я. - Она изумительная.

Это, звучит немного откровенно, и мои щеки вспыхивают. Вся моя голова практически в огне, когда смотрю на своих родителей. Мама улыбается улыбкой, говорящей мой мальчик растёт, а папа, похоже, хочет похлопать меня по спине и назвать меня “слаггер”.

(прим. пер. - slugger - сильный отбивающий игрок в бейсболе)

Родители: они усовершенствовали умение унижать своих детей с незапамятных времен.

-Было приятно познакомиться с тобой, -шепчет мама хриплым голосом.

Если она начнет плакать, я задушу себя собственной подушкой.

Одри шагает вперед и протягивает руку.

-Было приятно с вами познакомиться тоже. Вейн все время о вас говорил.

Мои родители светятся, и я усмехаюсь. Она знает, как произвести впечатление.

-Я хотела бы сказать о тебе тоже самое, -говорит мама, бросая на меня взгляд. -Он говорил нам, что был на свидании. Но ты единственная девушка, которую он привел в дом. Наверно, ты очень ему нравишься.

-Мам,- ною я, готовясь бросить в нее подушку или лампу. Особенно когда Одри краснеет.

-Ну, -говори отец, подпрыгивая, -спасибо что вернула его домой. И что вытащила его на улицу. Единственное упражнение, которое он делает, это игры в приставку большими пальцами.

-Пап, -вскрикиваю я.

- Я не сомневаюсь, что ты приведешь его в форму в мгновение ока, - добавляет он, игнорируя меня.

- Я тоже на это надеюсь, - говорит тихо Одри.

Я уверен, что родители не заметили, как опустились ее плечи, или тень сомнений, которая прозвучала в ее голосе. Мои глаза обращаются к окну. Созерцая бурю.

Небо окрашивается в красный и оранжевый. Яркий закат пустыни. Но после того, что я выяснил, не могу отделаться от мысли, что оно выглядит пугающе.

- Ладно, пойдем, я тебя провожу, - говорит папа, обнимая Одри рукой за плечи, будто она уже член семьи.

Одри идет с ним, но перед тем как уйти смотрит на меня.

- Отдохни.

Я киваю, не пропуская то, как она по пути к выходу выключает мой вентилятор.

Воздух успокаивается, и мое тело расслабляется. Я и не замечал, как моя кожа желала ветра.

Одри права. Я уязвим. В большей степени, чем мог представить.

И меня тошнит от этого.

Завтра я получу контроль.

Время узнать насколько я силен. Прежде чем будет слишком поздно.

Глава 24

Одри

Моим ногам едва удалось унести меня от дома Вейна в мое укрытие. Я опускаюсь на пол и прислоняюсь к шероховатой стене, раздумывая, как я найду силы, чтобы встать вновь.

У меня не так много того, что я должна дать. Не упоминая о моем подавляющем чувстве голода. Воздух в доме Вейна пронизан ароматом обеда, он будет наслаждаться им сегодня. Я все еще могу ощутить насыщенный, соленый аромат на языке.

На что это было бы похоже, взять и фактически укусить, позвольте ароматам взрываться в моем рту, позвольте моему телу быть полным впервые за долгие годы?

Хотя, это не, потому что я чувствую себя такой пустой

Когда отец Вейна обнял меня за плечи... на секунду я подумала, что поверну голову и увижу моего отца. Сияя мне в ответ улыбкой, с ямочками на лице.

Затем он рассмеялся бы и развернул меня, и все было бы так, как в последние десять лет, но этого не произошло.

Но его и не было там, когда я обернулась.

Только идеальная, счастливая семья Вейна

Я ударяю землю, выпуская растущее негодование прежде, чем оно задушит меня.

Мне не нужна еда или семья

Мне ничего не нужно. Только оставаться сосредоточенной.

Я концентрируюсь на песне соседнего Восточного ветра, прислушиваясь к любому признаку подхода Штормового ветра. Тексты не содержат ни намека на их присутствие. Это должно быть облегчение. Но песня не несет ничего необычного. Даже следа моей матери.

Я знаю, она будет осторожна, скроет любой проблеск своего следа. Но я все еще хочу иметь хоть какой-нибудь знак того, что она на самом деле там, следит за ними. Обеспечивая нам безопасность.

Если она этого не сделает, Буреносцы могут нагряться в любую секунду. И даже если сделает, могу ли я подтолкнуть Вейна к борьбе? Я практически потеряла его сегодня.

Но если я не...

Напротив своей груди я зажимаю в руке неподвижный кулон; удивительно, как долго шнур будет сиять бирюзово-голубым цветом? Кулон полон энергии, что я вдохнула в него прежде, чем Бури обвили шнур вокруг моей шеи. Когда я перестаю дышать, он становится таким же мрачным, как мой отец.

Я не могу представить, что он хотел, чтобы я оставила эту землю, как он. Он не хотел, чтобы я стала хранителем. Я до сих пор помню выражение его лица, когда я сказала ему об этом.

В первый урок парения на ветру, отец привёл меня на луг, и когда я, наконец, оторвала ноги от земли всего на мгновение, то так гордилась собой. Я пообещала, что вырасту и стану такой, как он. Так я решила стать Бурей.

Он прищурил глаза, и ямочки на его щеках словно исчезли. Затем он обнял меня и пробежался пальцами по волосам, распутывая узелки от дневных бризов. Отец произнёс: "Я хочу, чтобы ты всегда была свободной."

Он не хотел, чтобы я была связана клятвой или долгом. По крайней мере, не тогда.

Но что-то изменилось. Зачем он послал мне свой подарок и просил меня заботиться о Вейне? Он знала, что это означало. И он знал, как то путешествие закончится для него.

Было ли это из-за того, что в произошедшем есть моя вина? Он толкнул меня к жизни, полной жертв, потому что раскаялся? Или он выбрал меня, потому что думал, что могу сделать то, что он не смог: защитить Вейна и жить, чтобы дышать и дальше?

Я хочу верить, что я достаточно сильна, что у Вейна будет четвертое достижение, и он станет достаточно могущественным, чтобы защитить себя.

Но у нас есть только семь дней до прибытия Буреносцев, и я не могу повлиять на исход событий. Я не знаю языка, поэтому я не могу призвать к нему Странников ветра или отправить их в его голову. Он должен будет связаться с ними сам, а если он этого не сделает... то у меня останется лишь

семь дней жизни.

Я вытираю слёзы тщательно, не боясь причинить себе боль. Ненавижу физическое доказательство слабости моего тела так же, как ненавижу постоянное чувство жалости к самой себе.

Я сделала выбор. И это не для защиты Вейна или выполнения обещания, данного отцу. Это мой единственный шанс возвратить долг. Мой единственный шанс искупить ту ужасную ошибку, что я совершила.

Я буду делать то, что должна, и делать это буду охотно.

Больше никакой слабости

Мне нужно быть сильной. И для этого мне нужен чистый, сильный ветер.

Я встаю, отряхиваю с себя пыль, хватаю куртку и засовываю руки в шерстяные рукава. Тяжелая ткань заставляет меня вспотеть, но я игнорирую дискомфорт и застегиваю ее на груди. Тогда я призываю все ближайшие ветры - а их в два раза больше, чем я обычно использую - скручиваю их вокруг себя в порыв ветра. Дополнительные порывы и приглушенные тона сумерек скрывают меня в небесах.

Летаю я уже почти инстинктивно, надеясь на дар моего отца. Я крадусь сквозь рассеянные облака, как будто на прогулке, а не во время гонки. Ветра поют свои рассеянные мелодии, какие-то обещают жизнь, другие покой, а я впитываю их слова, даже если знаю, что они не предназначены для меня. Когда мои ноги касаются земли, я падаю. Но сейчас я на пике Сан-Горгонио, очень высоко и я чувствую, что свежий горный воздух возвращает меня к жизни. Быстрые, сильные порывы ветра скользят по моему лицу, охлаждая меня до глубины души, разделяя свою силу и энергию.

Я сворачиваюсь калачиком и закрываю глаза, сосредотачивая свое внимание на порывах, дабы очистить разум. Покой охватывает мое сознание. Это чем-то похоже на сон, но более глубокий отдых. Тот, который омывает каждую мою клеточку, оставляя чистый лист.

Не знаю, сколько времени прошло, но когда я открываю глаза, на небе сияют звёзды. Крошечные точки света, враждующего с тьмой. Они напоминают мне о чём-то возвышенном в моей, в основном, мрачной действительности. Всем этим вспышкам счастья и добра не уничтожить зло и тьму, даже, если я пожелаю, чтобы они покрыли собой небеса. Но звёзды всё ещё сияют. Скоро я добавлю ещё одну звезду в моё созвездие в вышине. Я заставлю Вейна пройти через это любой ценой. Пусть ценой своей смерти, но я, наконец, исполню предназначение.

В этом, я обрету мир.

Но в любом случае я не могу перестать пытаться. Наш мир нуждаются в Вейне Вестоне чтобы получить четвертый элемент так же, как и я. Должен быть способ.

Если бы только его родители научили его чему-нибудь из его наследия.

Одному крошечному слову.

Но они отказались. Отказались научить хоть кого-нибудь. Даже моего отца, когда тот попросил.

Я провела много ночей, прячась в тени, глядя, как спорят родители о том, что очень важно. Когда мама сердилась, ее гнев был бурей, обвинения порывами

разрезали воздух. Она кричала, что Вестонсы не заслуживают нашей помощи, раз они не захотели поделиться своим языком. Мы могли бы использовать их силу, чтобы их же защитить. Защитить от Райдена. Спасти всех. Вернуться к нашим жизням, нашим домам, нашим ветрам - которые для нее более приятны, так как она принадлежала им.

Почему мы должны жертвовать собой для людей, которые никогда не сделают того же для нас?

Почему мы должны помогать ему, если они эгоистично отказываются поделиться своими знаниями и помочь нам?

Но мой отец обнимал ее, заслоня собой от сильного ветра, который казался слишком яростным для ее умений. Когда она успокаивалась, он шептал, что Вестонсы имели право защищать собственное наследие, если так пожелали.

Если они не доверяли ему такую ответственность, то это был их выбор.

Я пыталась согласиться с ним тогда, и большую часть времени я все еще это делаю.

Хотя иногда это тяжело.

Они не могли с уверенностью знать, что умрут за собственный язык, что их сын останется один, незащищенный без него.

Это не меняет того факта, что они унизили нас своим решением.

Если бы они научили моего отца Западному языку, он был бы еще жив.

Они бы они научили Вейна Западному языку, я бы не должна была жертвовать собой.

Но... если бы я не спасла Гэвина, ничего из произошедшего могло бы и не случиться.

Если.

Если.

Если.

Бесконечность возможностей. И ни одна ничего не значит.

Важно то, что здесь и сейчас.

Буреносцы идут.

Осталось семь дней.

Глава 25

Вейн

Я думал, что усну глубоким сном, стану мертвым для мира, после всего, что я пережил. Но ветер что-то сделал с моей головой.

Я был словно на пляже, как в детстве, когда после нескольких часов битвы с волнами, мое тело привыкло к ритму океана. Той ночью я чувствовал, как будто я все еще был в воде, что волны бьются вокруг меня.

Ветра вызывают тот же эффект, но это не совсем реально. Я плыву и проваливаюсь в мир света и теней. Фигуры сливаются. Звуки переплетаются друг с другом, и я едва могу различить их из-за рева ветра, когда я кружусь, и парю.

И, когда мое сознание столкнулось с порывом ветра, что-то откололось.

Отколотые кусочки картины вспыхивают в моей голове. Осколки реальности,

которые не вписываются, не склеиваются, как монтаж в кино.

КРУПНЫЙ ПЛАН:

ИСКОРЕЖЕННЫЕ ДЕРЕВЬЯ. Они становятся узловатыми ветвями, когда вылетают в небо, затянутые ветром. Потом потоки переходят и вращают деревья, показывая зубчатые края, где толстая ветвь была отломлена. Острые осколки на сломе - ярко-красные. Как будто они окрашены. Или покрыты кровью.

СМЕНА:

РЯБЬ НА ГЛАДКОМ ОЗЕРЕ. Камни пускаются по поверхности, стирая отражение гор и пушистых белых облаков.

Это должна быть мирная сцена, но я не чувствую себя в безопасности.

Множество камней врезается в воду, расплескивая ее, когда волны гнева накатывают на меня.

СМЕНА:

МОЛОДАЯ ДЕВУШКА. Длинные, темные волосы хлещут ей в лицо. Ее худые ноги и руки крутятся. Я смотрю искоса на шторм и понимаю, что она запутана в порывах. Ее крик звучит в моих ушах, когда ветры тянут ее выше и выше. Потом они позволяют ей уйти, бросают ее в смертельное падение на скалистую землю. Наши глаза встречаются, когда она падает...

Я резко просыпаюсь и сбрасываю с себя простынь, все еще дрожа. Пот склеил волосы на моем лбу.

Девушка в небе. Девушка собиралась умереть. Это была Одри.

Но я не помню этот момент, если только не...

Я сажусь, хватаясь за край кровати.

- Если только не вернулась память. - Я говорю эти слова вслух, надеясь, что это сделает их правдивыми.

Одри сказала мне, что они ушли - навсегда. Но что-то было в ее глазах, когда она говорила это.

Страх.

Я хочу отогнать эту мысль, не допустить, чтобы она подкосила мою веру в Одри. Но она что-то скрывает от меня. Я уже понял это.

Может это связано с моими воспоминаниями?

Что я мог, например, видеть или знать, когда мне было семь лет, что было бы важным сейчас?

- Вейн, ты проснулся? - спрашивает моя мама, стуча в дверь.

Я ложусь назад, пытаюсь выглядеть нормально. - Да.

Она просовывает голову в дверной проем. - Я думала, что слышала, как ты ходил по комнате. Я приготовила тебе завтрак. Белок поможет твоим мышцам.

Она протягивает тарелку, наполненную огромными торпедо, больше чем она обычно делает. Урчание, которое издает мой желудок, эхом отскакивает от стен.

Она садится на край моей кровати, наблюдая, как я ем. Я делаю все, чтобы не обращать на нее внимания, сосредоточившись на острой, сырной вкуснятке, но я знаю, что она не уходит по определенной причине.

- Так, по поводу вчерашнего, - наконец произносит она.

Иииииииии, вот оно.

Я смотрю на нее своим фирменным, я действительно не хочу говорить об этом, взглядом. Но она не понимает намека.

- Ты готов рассказать мне правду? - спрашивает она

Я держу взгляд прикованным к тарелке. Прикидываться дурачком, обычно не срабатывает, но может быть, в этот раз повезет. - Правду?

- Что на самом деле произошло с тобой и Одри? Я знаю, как выглядит накладывание шины на голень, дорогой, и это было не оно. Ты даже не мог удержать свой вес. И я никогда не видела тебя таким бледным.

Я стараюсь не обращать на нее внимания, но она качает головой.

- Я не сказала ничего, потому что не хотела позорить тебя перед Одри. Но теперь я хочу знать. Почему ты не мог идти? И не говори мне, что это была травма на тренировке.

- Так и было.

- Ты действительно собираешься мне лгать?

- Я не лгу. - Это случилось во время тренировки. Не той, о которой она думает, но все-таки тренировке.

- Ты не рассказываешь мне всего... это тоже самое.

Я действительно ненавижу, когда она делает верное замечание.

Я концентрируюсь на разрывании остатков моей торпеды в клочья.

- Ты в каком-то бойцовском клубе? -шепчет она.

Я фыркаю, - Серьезно, это твоя теория?

Мама краснеет. - Не знаю. Ты вчера казался избитым и Одри выглядит, как сильная девушка, одетая во все черное, в военных ботинках. Я просто подумала...

- Я не в бойцовском клубе. И Одри тоже.

Она с облегчением кивает, и я надеюсь, мы поняли друг друга.

Не повезло.

- Тогда что?

Я вздыхаю.

Я ненавижу лгать матери. Поэтому я кидаю в нее хлебным мякишем и надеюсь, этого будет достаточно. - Одри, тренирует меня для кое-чего.

- Может, объяснишь для чего?

Я не могу рассказать ей, но лгать не могу, тоже.

Я выдерживаю ее взгляд, зная, что должен выглядеть уверенно, чтобы выдержать это. - Я скажу тебе, как только узнаю, как это будет.

- Она обдумывает мое предложение, - Это нелегально?

- Нет. - Я уверен, что нет никаких специальных законов против сражения с войнами сильфов.

- Это опасно?

- Вряд ли. - Не совсем ложь. Одри продолжает говорить мне, что все будет хорошо. И если бы я не обращал внимания на беспокойство в ее глазах, когда она мне это говорит, то я мог бы поверить ей.

- Ты слишком стараешься, Вейн.

- Я знаю. - Я беру ее за руку, как ребенка - то, что я делаю всегда. Мне бы хотелось вернуться к десяти, зная, что мама поможет решить мои проблемы.

Но она не может это исправить.

- Я обещаю, что расскажу больше, когда смогу. Но сейчас я уверен лишь в том, что не связан ни с одним из специальных выпусков новостей, которые ты так любишь смотреть. - Я могу сказать что она успокаивается. Поэтому я уже почти победил. - Разве я давал тебе хоть раз основания мне не доверять?

-Нет, - признается она.

-Тогда не могла бы ты просто довериться мне, когда я говорю, что все в порядке и если же мне понадобится помощь я обращусь к тебе?

Судя по морщинкам на ее губах, я понимаю, что она вот-вот согласится.

Поэтому я разыгрываю последнюю карту.

-Мне семнадцать, мам. И ты должна позволять мне поступать, так как я хочу.

Она качает головой, и я ожидаю, что она вот-вот начнет спорить. Но вместо этого она шепчет. - Не заставляй меня об этом, потом жалеть.

-Не буду. Обещаю.

Она встает и забирает мою тарелку. - Как ты себя чувствуешь?

-Лучше. - Я разминаю ноги под одеялом. Они пульсируют, словно я только что пробежал десять миль на полной скорости. - Просто устал.

-Тогда думаю хорошо, что ты сейчас не абы где.

Мой папа настаивал на том, чтобы я работал летом, однако моя мама отговорила его. Она знала, как плохо мне становится в жару. Но я действительно понимаю, что она не хочет меня далеко отпускать. Она не доверяет мне.

Ненавижу это.

Я не могу ничего с этим поделать, кроме как машинально выдавить улыбку ей вслед. - Да. Я буду отдыхать весь день.

Сегодня вечером произойдет нечто другое, но ей не стоит этого знать. Я просто должен продолжать притворяться еще семь дней. И тогда все вернется в нормальное русло.

Или... я окажусь в плену злого военачальника. Или узником армии Сильфид. Или мертвым.

Мало хороших вариантов для выбора. Но я не могу с этим ничего поделать. Кроме как стать намного сильнее и довериться Одри.

Надеюсь, я могу верить Одри.

Когда моя мама уходит, я закрываю глаза и пытаюсь заставить себя уснуть, надеясь вспомнить намного больше. Я хочу вернуть воспоминания. Они необходимы. И теперь я знаю, что у меня для этого хватит сил, и я сделаю все возможное, чтобы вернуть их обратно.

У Одри есть свои секреты. Теперь у меня есть свои.

Глава 26

Одри

Вейн выглядит бледным, когда я захожу за ним перед тренировкой. Круги под его глазами - чернее тучи. Он такой хмурый, будто проиграл важную битву.

- Как ты? - Спрашиваю я, подойдя ближе.

Он пожимает плечами и опускает взгляд в пол.

- Я просто устал.

Он врёт не хуже некоторых, но его ложь заметна. Я опускаюсь на кровать рядом с ним, сохраняя дистанцию между нами.

- Ты спал?

- Пытался уснуть.

- Но? - Я пытаюсь вытянуть из него ответ.

Он снова пожимает плечами.

Он думает, что это сойдёт за ответ?

Очевидно, да. Он больше ничего не говорит.

У меня нет на это сил.

- У нас есть два варианта, - говорю я ему. - Ты можешь продолжать игнорировать мои вопросы, а я могу продолжать докучать вопросами, пока ты не признаешься мне во всём и не расскажешь, что не так. Либо ты можешь рассказать мне всё сейчас и избавить нас от потери времени и разочарований. Решать тебе.

Он медленно, тяжело вздыхает, встаёт с кровати и подходит к окну, не поворачиваясь ко мне.

- Ладно. После того, как меня допросила мама насчёт боли в мышцах после тренировки, я очень плохо спал. Она не купилась на нашу историю.

- Что ты сказал? - Я стараюсь говорить обычным, ровным голосом, хотя в моей голове проносятся миллионы мыслей.

Он ведь не сказал своей семье правду, да?

А что же мне делать, если рассказал? Что говорить Силам Бури?

Вейн пожимает плечами - о, боги! если он сделает так ещё раз, я врежу ему по зубам - и поворачивается ко мне лицом, встречаясь со мной взглядом. Я задерживаю дыхание, готовясь к худшему.

- Я сказал ей правду. Я сказал, что не могу рассказать ей, что происходит. И ещё попросил её довериться мне.

- И она согласилась?

- Пока да. Но очевидно, она волнуется - и я ненавижу это. Я не могу вечно держать это в тайне, Одри.

Знаю, я должна с пониманием отнестись к его усилиям, но сочувствовать ему так сложно! Бедный Вейн - сын небезразличной матери. Я едва помню, как это.

- Мне нужно всего лишь несколько дней, - говорю я ему, сдерживая горечь в своём голосе.

- Хорошо. Ведь, в конце концов, я стану либо заключённым Райдена, либо новым рабом Сил Бури.

Желчь его слов режет мой мозг. Моментальная головная боль.

Мне не вынести этот аргумент ещё раз.

- Ты чувствуешь в себе силы для тренировки? Вероятно, мы уже могли бы начать.

- Смогу ли я когда-нибудь выбирать?

- Нет, если хочешь, чтобы я выжила.

Я не понимала, что произнесла это слишком громко, пока не увидела лицо Вейна. Он похож на маленького мальчонку, испуганно глядящего на то, как уплывает его сломленная мать.

- Вейн, я... - Я не вполне знаю, какими словами исправить то, что я сейчас наделала.

Он качает головой и поворачивается ко мне спиной.

Молча, мы выбираемся через его окно и бежим в самый тёмный угол лужайки. Здесь, в безопасной темноте, я вызываю ближайшие Восточные Ветра и обвиваю их вокруг нас.

- Мы тренируемся не в роще? - спрашивает Вейн, когда ветры стихают.

- Пришло время попрактиковаться в силе трёх. Тебе понадобится больше места.

Я подхожу к нему, и он делает шаг назад, встретившись со мной взглядом. Он долго решается мне что-то сказать - то открывает рот, то закрывает - и, наконец, произносит:

- Ты же знаешь, что я пытаюсь. В смысле, я...

- Вейн. - Я стараюсь выдержать его взгляд. - Я не жду от тебя...

- Но я намерен, - настаивает он.

Я вовсе не заслуживаю этого обещания - особенно от него. Я справлюсь в любом случае.

Ветры гладят моё лицо, напоминая, зачем мы здесь стоим. Я прочищаю горло:

- Ты помнишь, как путешествовать по ветру?

Он кивает, переносит свой вес, а я опираюсь руками на его плечи. Его руки обвивают мою талию, и по моему телу разливается тепло. Он делает выдох, я - вдох; его дыхание - это самое сладкое из всего, что я когда-либо пробовала. Я жажду его, хочу наклониться ещё ближе и упиваться им. Вместо этого я позволяю ветрам увлечь нас в тёмные небеса.

Может быть, из-за холодного воздуха или из-за того, что я провела долгий полный забот день одна, но его прикосновение на этот раз не обжигает меня чувством вины. Это безопасность. Он чувствует себя в безопасности.

Сильный. Тёплый.

- Когда я смогу летать один? - спрашивает Вейн, краснея. Глаза светятся энергией.

- Ещё нескоро. Странствия на ветрах - один из самых сложных навыков.

Чтобы им овладеть, ты должен полностью прочувствовать ветер, свободно общаясь с ним. А ты едва ли знаешь несколько слов.

- Жаль.

Что-то внутри меня обрывается.

- Тебе не нравится летать со мной?

Я хочу забрать свои слова обратно, сразу же, как только они вырвались из меня. Особенно, когда на лицо Вейна возвращается ухмылка, подкрепляющая его самоуверенность.

- Очень нравится! - Его руки опускаются на мои бёдра, и я надеюсь, что моё дурацкое поведение никогда не провоцировало его на следующий шаг. Но, прикоснувшись к ветрорезу, висевшего в гравированных ножнах на ремне, он

замирает.

- Ого! У тебя с собой меч?

- И что?

- Ну, в смысле - это крутое оружие и всё такое. Но вы же видели ружья, правда? Как думаешь, может быть, пришло время сменить его на что-нибудь более эффективное?

- Я тебя умоляю. Даже дыхание может сбить с курса пулю. Хотелось бы посмотреть на ружьё, которое способно остановить циклон одним выстрелом.

Улыбка сползает с его лица.

Хорошо. Он должен понимать, что за опасность нас подстерегает в битве с ветром.

На горизонте видны сотни светящихся красных точек, и я направляю ветер к ним, опуская нас ниже, когда в поле зрения появляются узкие, зубчатые ветряки. Я не могу оставаться спокойной, когда Вейн автоматически отстраняется от меня. Он помнит, как приземляться.

Мы касаемся земли и бежим, криком договариваясь остановиться на краю одного из подножий горы.

Вейн смеётся:

- Ветровая электростанция? Ты шутишь, да?

- А что не так?

- Я думал, мы будем упражняться в силе трёх - или как ты там зовёшь это - посреди пустоты, так, чтобы я не смог повредить, не знаю, каких-то громадных воздушных турбин, которые могут стоять больше, чем вся моя жизнь, - он указал рукой на очертания ветряков, которые окружали нас. - Не говоря уже о том, что они выглядят так, что способны порубить меня на Вейно-ломтики, если я подберусь к ним слишком близко.

Я не могу сдержать улыбки:

- Не беспокойся, у меня всё под контролем. Но тебе необходимы ветряки.

Они помогут тебе разделять ветры, когда твоих ощущений будет недостаточно, чтобы определить, что к чему. Обрати внимание - каждый ветряк повёрнут по-своему, видишь? Они направлены так, чтобы собирать ветры со всех направлений.

- И поэтому здесь всегда один или два ветряка крутятся, даже если все вокруг неподвижны?

- Точно. Итак, когда мы начнем тренировку, и я скажу тебе найти Восток, ты будешь начинать оттуда, - я указываю на четыре ветряка у основания нижнего холма. Они стоят в ряд, как солдаты, их остроконечные крылья синхронно смазываются в движении. - Наблюдай за их скоростью.

Восточные ветра - скрытые. Кроме того, они стремятся к объединению, поэтому ты должен искать группу. Давай посмотрим, сможешь ли ты определить Север.

Он вглядывается в темноту, оценивая вращающиеся лопасти.

- Там, - он указывает на пару ветряков расположенных не далеко от нас.

Я подавляю вздох. Нельзя рассчитывать на то, что он знает это - такие знания не входят в программу средней школы. Но всё-таки меня расстраивают его

ошибки.

- Это Южные. Посмотри, как они выглядят - им недостаточно силы, чтобы продолжать движение, но что-то всё ещё происходит. Южные ветра - ровные, медленные. Восточные - изменчивые, коварные. А Северные, - я указываю на край холма, туда, где трасса светящейся кривой прокладывает свой путь. Линия ветряков стоит выше остальных, их бесчисленные крылья вращаются на бешеной скорости. - Северные - сильные ветра, резкие.

- А Западные?

Каждый раз, когда я думаю о Западных ветрах, к моему горлу подступает комок. Они стоят за каждой болью, каждой жертвой, которые я перенесла за семнадцать лет своей жизни.

- Это мягкие, мирные ветра.

Вейн фыркает:

- Какая ирония.

Да, ирония. Самая разрушительная война, с которой столкнулся наш мир, велась на языке мира. От этого хочется кричать. Или ударить что-то очень, очень сильно.

Вместо этого мой взгляд скользит по рядам турбин, ищет одну, которая вращается в своём собственном ритме. Я нахожу её в нижней точке верхнего холма, её силуэт резко выделяется на фоне звёздного неба.

- Вот он, Западный ветер.

Вейн не сразу смотрит, куда я указываю.

- Это - единственный воздушный поток здесь, который я не могу почувствовать. Я могу его увидеть, и окажись я на его пути – то просто почувствовала кожей. Но я не чувствительна к его покалываниям. Описать это невозможно. И если я пытаюсь слушать его песню, всё, что мне удаётся - это услышать свист движущегося воздуха. Этот язык полностью утерян мной.

Без моей команды Вейн закрывает глаза и протягивает руки по направлению к одинокому Западу, толкающему ветряк. Тянется за его шлейфом.

Пожалуйста, пусть он почувствует. Пожалуйста, пусть появится надежда.

Я отправляю эту молчаливую просьбу в ночь, желая, чтобы ветры смогли её услышать и выполнить. Но это зависит не от них.

Всё зависит от Вейна Вестона.

Все надежды - на него.

Глава 27

Вейн

Я хочу почувствовать насколько этот чертовский, Западный ветер плох.

Не потому, что я ожидал. Не потому, что я мог услышать, как Одри затаила дыхание рядом со мной, держа всю тяжесть мира на моих плечах.

Мне нужно знать. Если я действительно Западный. Есть ли у меня шанс спасти нас... остановить Одри не шадить себя, чтобы защитить меня.

Погружение в каждый из ветров должен наполнить меня.

Поэтому я концентрируюсь на мельнице, пока не чувствуется, что мир

исчезает. Все звуки. Все мысли. Это просто я, и этот ветер, напрягающийся, чтобы установить контакт.

Но я не могу его чувствовать. Нет зуда в ладонях. Нет потягивания в пальцах.

Если бы не вращающиеся лопасти прямо передо мной, я бы и понятия не имел, что ветер еще там.

Эпический провал Вейна.

Я смотрю на Одри и вижу, как тени разочарования пересекают ее лицо.

Она выдавливает улыбку.

- Я и не ожидала, что это сработает.

- Я хочу... - начинаю я, но она смывает мои извинения прочь.

- Не волнуйся. У меня есть план, как вызвать прорыв.

Я разворачиваюсь к Западному ветру, крутящему лопасти ветряной мельницы с быстрой, стабильной скоростью.

Я чувствую... что-то. Боль глубоко внутри. Почти как голод.

Мое тело жаждет тот ветер... так, как я не жажду ни одного другого. Как будто он - часть меня, и я никогда не буду полным, пока не позволю ему наполнить меня, обернуться вокруг моего разума, и петь песню, рассказывать мне долгую историю, которую он несет.

Я знаю, это будет Как и в ту первую ночь в небе с Одри.

Я - Западный. Сломанный, дефектный, но все-таки Западный. И мне нужен рывок к наследию, или я никогда не будет полным.

Поэтому я позволяю себе надеяться, что Одри найдет способ, чтобы ее фальшивые обещания сбылись.

Потому что серьезно, она не умеет врать. Я вижу, нерешительные нотки в ее глаза. Сомнение. Страх. Как сейчас. Когда мы наблюдаем за неуловимым Западным ветром, я знаю, о чем она думает. Я чувствую себя так же.

Ветер далеко мчится, унося с собой нашу безопасность.

Одри прочищает горло.

- Мы будем беспокоиться о четвертом прорыве позже. Сегодня вечером мы собрались здесь, чтобы обучать тебя защищаться.

Я не могу оторвать глаз от Западного ветра. Он так близко. Мне нужно только одно слово. Один крошечный ключ к его тайне языка. Я почти...

Звук ревающего урагана приводит меня обратно к реальности.

Я поворачиваюсь, чтобы найти Одри, стоящую под струей циркулирующих порывов высоких, по крайней мере, сто футов в небо. Ветры подкармливают друг друга, когда они вращаются, растягивая воронку выше с каждой секундой.

Одри удостоверяется, что я наблюдаю за нею, затем ступает через ветры.

Моя челюсть падает, когда ее тень поднимает вверх на струе ветра и взмывает на вершину как ракета. Она парит в небе, как темный ангел со звездами. Затем она падает, быстро и резко.

Она едва шевелится.

Я слышу ее шепот.

- Поймай меня мягко, услышь мой зов. Схвати меня мягко прежде, чем я упаду, - и Южный разворачивается из воронки... по крайней мере, я думаю,

что это Южный. От него чувствуется тепло, но трудно сказать. Ветер обхватывает ее талию и опускает ее безопасно на землю.

-Ух, ты.

Одри улыбается своей маленькой полуулыбкой, когда она вытаскивает ветрорез из своих ножен и разрезает воронку в клочья. Ветры воют, когда они распутываются и проносятся мимо, разрывая мою одежду и волосы. Я кашляю, когда песок летит в лицо.

Хорошо, возможно ветрорез намного сильнее, чем я думал.

Она убирает клинок в ножны, предварительно очистив, и поворачивается ко мне.

- Твоя очередь.

-Хорошо.

-Нет, я серьезно.

- Ты ждешь, что я полечу вверх по гигантской воронке, и надеешься, что я буду достаточно быстро, чтобы позвать порыв, чтобы поймать меня, и избежать всех этих губительных лопастей вокруг нас?

Она кивает, и мне становится не смешно.

-Ладно, ты начинаешь пугать меня, потому что я не думаю, что ты шутишь.

-Не шучу.

Я кашляю.

- Я должен напомнить, что во время «тренировок», я постоянно падал... и все что мне придется делать сейчас, это просто стоять?

- Ты когда-нибудь будешь внимательным? - Она указывает на затененное пространство между нами. - Ты видишь воронку? Я прошу тебя ступить в нее и подняться в воздух прямо сейчас.

-Я.. наверное, не смогу.

-Точно. Сначала ты должен создать воронку. И поверь мне, если ты мастерски овладеешь созданием, то ты сможешь поймать себя, когда будешь падать.

Почему-то мне трудно в это поверить, но я готов посмотреть, куда всё это приведет.

- Ладно. Тебе нужно научиться делать то, что мы называем объединение ветров для конкретных групп проектов, сплетенных вместе в определенном порядке. Сделай их, подобно приведенному рецепту. Тебе нужно сделать именно это для того, чтобы получить нужный результат.

Я сопротивляюсь, говоря ей, что в несколько раз моя мама пыталась научить меня, как следовать рецепту, единственное, что я сделал, были несъедобные черные комочки.

- Воронку, которую я просто показала тебе, называют трубопроводом. Это быстрый способ передвижения, и это важное умение для тебя, потому что ты сможешь использовать его в атаке, чтобы отбросить врага или защититься, быстро избежать опасной области. Ты сможешь согнуть трубы в любом направлении, куда тебе нужно уйти. И это основная формула, так что даже ты сможешь сделать это.

Я хочу возразить на ее слова "даже ты". Но у меня есть чувство, что я облажаюсь.

- Ладно, формула для трубопровода: три Северных смешать с двумя Южными. Когда они объединятся, добавить четыре Восточных, один за другим, и после этого сказать последнюю команду и отпрыгнуть назад, когда воронка расширится. Запомни это.

Да... мне нужна шпаргалка, записанная на руке, или что-то в этом роде.

На заметку: Взять лодку на занятие в следующий раз.

- Для начала вызови Северный и Южный, так чтобы ты мог сказать им, что ты от них хочешь. Тебе придется обращаться к каждому потоку отдельно, чем быстрее ты сможешь призвать ветры, тем лучше. И каждый тип ветра имеет свой позывной. Я уже научила тебя зову Восточного. Чтобы позвать Северный ветер, тебе нужно сказать: "Слушай мою команду. Следуй за моим голосом. Беги ко мне и откажись от своей воли".

Голос ее звучит, как резкий свист... почти рычание... и моему разуму требуется мгновение, чтобы перевести слова на Северный язык. То, что заставляет мой рот воспроизводить звуки еще сложнее. Мой язык не хочет правильно двигаться. Но я тянусь к Северным ветрам, как она показала мне раньше, и сосредотачиваюсь на покалывании в моей ладони, когда я их шепотом зову. После двух попыток я, наконец, говорю это верно, и Северные ветра проносятся в мою сторону, прохладный воздух, облизывая мою кожу.

- Круууууто.

- Не плохо, - соглашается Одри с тем, когда я зову еще два Северных ветра, чтобы присоединиться к остальным. - Теперь необходимо два Южных.

Позови их: "Повернись ко мне, пожалуйста, не медли. Поделись своим теплом, когда ты циркулируешь и колышешься".

Язык Южных ветров сонный, и слова перетекают друг в друга, почти как команда, как один долгий вздох. Я делаю это верно с третьей попытки, и зову два Южных ветра ко мне. Они чувствуются, как струя воздуха в лицо.

- Как мне заставить их остановиться? - Спрашиваю я, когда Северные ветры продвигаются вперед, готовые вырваться на свободу.

- Ты должен хотеть не оставить их. Ты должен хотеть заставить их слиться.

- Вот что я имел в виду.

- Ветра не волнует, что ты имел в виду. Это очень конкретное, и буквальное.

Не будем делать предположений, или читать между строк и выяснять, что тебе нужно. Ты должен быть ясным и точным. Дать точные команды, или он не будет сотрудничать.

- Ладно, не важно. - Я хочу, чтобы она прочитала мне лекцию в другой раз.

Северные ветры путаются вокруг моих ног, стараясь меня сбить.

- Ты хочешь, чтобы потоки слились, и поэтому тебе нужно командовать Северными ветрами. Они завоевывают ветры. Они хотят доминировать. Они не сольются, если ты их не заставишь. Ты должен приказывать им: "Уступи".

Я шиплю странный Северный звук, и порывы сгибаются друг вокруг друга в маленькую трубу.

- Я сделал это. - Подпрыгиваю я. Не могу поверить, я сделал торнадо.

Действительно одно крошечное, вертящееся... но все же. Торнадо!

- Ты сделал это, - повторяет она, и удивление, звучащее в ее голосе, заставляет меня посмотреть на нее. Там сияет свет, которого не было

прежде.

-Что?

- Она качает головой.

- Это просто... это нелегко сделать. Ранее я солгала, когда сказала, что это основная формула. Я поняла, если бы ты знал, как тяжело это было на самом деле, ты даже и не пытался бы.

-Эй, я не настолько упряма.

Она приподнимает бровь.

-Только не я, - настаиваю я.

- Это не имеет значения. То, что имеет значение, это то, что ты сделал. - Она улыбается мне сквозь темноту. Не совсем полная улыбка, но очень, очень близко, чем обычно. - Ты очень талантлив, Вейн.

К моим щекам приливает кровь. Наверное, это первый комплимент, который я от нее получил.

- Что я должен сделать?

- Ты должен добавить четыре Восточных один за другим. Ты уже знаешь, как их звать. И чтобы объединить их, ты скажешь, "Соединитесь." Удостоверься, что ты сосчитаешь до пяти между каждым порывом.

Я поступаю так, как она говорит, и с каждым прорывом, что я добавляю, воронка передо мной растет, до тех пор, пока у меня не получается узкий цилиндр силы, идущий в небо, почти такой же высокий, как и столб Одри. Так здорово.

- Теперь сконцентрируйся на всех ветрах под твоим контролем. И прошепчи Северным, "Усиьтесь". Затем отпрыгни назад настолько далеко и быстро как можешь, или ты получишь увлекательнейший полет всей своей жизни. Я отскакиваю назад, когда команда слетает с моих губ, и труба утраивается, простираясь достаточно широко, чтобы засосать автомобиль, и становится, по крайней мере, сто футов высотой.

-Святое дерьмо, я не могу поверить, что я это сделал,- выдыхаю я.

-Я тоже не могу.- Но она говорит это не с издевкой. Она смотрит на меня и искренне смеется.

Смеется.

Это лучший звук, который я когда-либо слышал.

И затем она перекрикивает гул и говорит, - Теперь вставай в трубу.

Мои внутренности собираются в кучу.

- Ты все еще серьезно насчет этого?

- Ты должен привыкнуть к удержанию твоего направления в буре. И удержать себя от падения является в значительной степени самым важным навыком, который ты можешь приобрести.

- Да, но нет ли способа, который помог бы мне с этим справиться, и не затрагивал бы сотню футов свободного падения с вершины циклона?

- Ничто не сможет мотивировать тебя лучше. Давай же. Ты можешь сделать это, Вейн. Ты помнишь команду, которую я использовала, призывая Южные, чтобы они меня поймали?

У меня есть чувство, что она, в чрезмерном восторге видя шага Вейна в гигантский вихрь из смертельного плана, но я люблю видеть ее настолько

уверенной в моих силах. Таким образом, я говорю ей, - Поймай меня мягко, услышь мой зов. Схвати меня мягко прежде, чем я упаду.

- Отлично. Подожди, пока действительно не начнешь падать, прежде чем прошептать команду. Но не жди слишком долго, или не будет достаточно времени, чтобы замедлить приземление.

Я всматриваюсь в воронку.

- Хочешь, чтобы я тебя туда толкнула? - предлагает она.

Шагаю в кричащий торнадо. Это самая глупая вещь, которую можно было сделать. Но я, наконец, произвожу на нее впечатление.

Я закрываю глаза, делаю глубокий вдох, и вхожу, попадаю в воронку.

Рев ветра заглушает мой крик, когда порывы ветра поднимают меня к небу так быстро, что я уверен, что меня стошнит. Вскоре мой желудок возвращается на свое законное место в моем теле.

Ветры дергают меня за кожу, заставляя ее слегка пульсировать от силы, и в течение мгновения я зависаю. Не лечу. Не падаю. Просто плаваю выше всего этого, только я и небо. Тогда я начинаю снижаться, и не могу - ради своей жизни - вспомнить ни одного слова команды, которая нужна.

Думай, Вейн. Вспомни чертову команду или разобьешься о землю на миллион кусочков.

Но я не могу. Мой разум пуст. За исключением одной мысли.

Я собираюсь умирать.

Глава 28

Одри

Стремительное падение Вейна с небес отнесло меня в прошлое.

Надо мной, в западне Буреносца, висит человек. Покалеченные руки, ноги и темная одежда переплелись с ветром.

На одну ледящую душу секунду мне показалось, что это - мой отец, и мое тело содрогнулось от рыданий. Позже я внимательней разглядела его лицо.

Это не мой отец.

Это отец Вейна.

Ненавижу себя за то, что чувствую облегчение, но ничего не могу поделать.

Его широко раскрытые испуганные глаза встречаются с моими, и он старается освободить руки. Но он слишком крепко связан ветрами, чтобы двигаться. Своими силами ему ни за что не вырваться.

Я должна помочь ему. Я должна это исправить каким-то образом.

Прежде чем я смогла решить, что делать, порыв вырывается из бури, наматывается вокруг темного ствола дерева, и несет его прямо на меня, как будто кто-то его контролирует. Я падаю на землю, прикрывая голову худыми руками, и жду, когда меня раскромсают зазубренные ветви. Но ветер меняет направление, и я слышу, как закричал папа Вейна.

Что-то красное и мокрое капнуло мне на руку.

Оно слишком яркое среди серой и черной бури. Я не понимаю, что это такое и откуда оно взялось до очередной капли, брызнувшей мне на щеку.

Я оборачиваюсь и вижу корявые ветви, торчащие из его рук, шеи, груди.

Потоки красных струй, сочащиеся из ран.

Я кричу сильно и громко, как никогда не кричала раньше.

Крик Вейна вырывает меня из этого, и я командую порыву ветра вокруг меня "Лети!"

Не дыша, я не беру Вейна за талию и затаскиваю в ветра, поддерживающие меня.

- Говорил же, это плохая идея, - бормочет он дрожащим голосом.

Он прав.

Он даже беспомощней своих родителей.

Я не могу позволить себе забыть это - неважно, сколько надежд он подает.

Наши ноги касаются земли, и я понимаю, что я научилась у Вейна больше, чем он у меня.

Я не могу позволить ему закончить так же, как его родители.

Не могу.

И не буду.

Я отстраняюсь от него: - Что там случилось?

- Я не знаю. Думаю, я - дурак.

- Ты - дурак? - Он слишком наговаривает на себя. Его родители не подталкивали себя, и теперь они оба мертвы.

- Эй, я как-то не привык, что мной выстреливают сквозь ветряную воронку, как Вейн-пулей. Мне даже не нравится высота.

- Тебе не нравится высота?

Его щеки покраснеют. - Я не говорю, что боюсь высоты. Я просто к ней не привык.

- Ну, лучше бы тебе привыкнуть.

- Я знаю.

- До того, как придут Буреносцы.

- Я же сказал, что знаю - я не идиот, ясно?

Я вздыхаю, пытаюсь овладеть собой. - Слушай, Вейн. Я знаю, я действительно на тебя давлЮ. Но я стараюсь, защитить тебя. Я должна научить тебя всем основополагающим навыкам для спасения жизни. А останавливаться после падения очень важно. Поэтому мы собираемся тренироваться, пока ты не научишься.

Он бледнеет, когда указываю на воронку из ветра, которая по-прежнему формируется вдалеке.

- Постарайся в этот раз расслабиться, - советую я ему.

Он закрывает руками лицо, пока смотрит на воронку. - Я не могу.

- Ты должен.

Нескончаемое количество секунд он смотрит на вихрь. - Тогда пойдём со мной, - наконец шепчет он.

- Что?

- Пойдем со мной. - Он протягивает руку. - Может быть, твое присутствие поможет мне оставаться достаточно спокойным, чтобы вспомнить команду.

- Я не всегда буду рядом с тобой в течение битвы. Тебе нужно...

- Я знаю, что мне нужно. Но прямо сейчас я все еще пытаюсь выдержать все это, разобраться в трех сумасшедших языках ветра в моей голове, стараюсь

оправиться от того, что вчера чуть не умер, а также уложить в свою голову все невозможные вещи, которые ты мне говоришь. Может быть, учитывая все это, ты могла бы мне помочь обучиться этому сложному и, кстати, ужасающему, навыку. Я знаю, ты думаешь, что можешь научить меня плавать, только бросив меня на глубину и сказав мне грести, но иногда людям нужны нарукавники.

- Нарукавники?

- Ну эти дурацкие надувные штуки, которые одеваешь на руки, чтобы не утонуть, когда впервые учишься плавать.

Я абсолютно не имею понятия, о чем он говорит.

- Неважно. - Он пинает землю. - Я просто хочу сказать, может мне нужна помощь в освоении навыка, из-за которого весь мой мозг кричит, что из-за этого я умру.

Могу сказать, что он ненавидит признавать свою слабость.

И, наверное, я не могу его винить за то, что он расстроен. Я не поддерживала его в этом процессе. Я говорила себе, это потому что никто не делал это для меня. Но глубоко в душе я знала, что это нечто большее.

Я не хочу с ним сблизиться. Я не могу позволить себе сблизиться с ним.

Но я должна его провести через это. Несмотря ни на что.

Я подхожу к нему. - Ты прав. Я буду в этот раз с тобой.

На секунду он смотрит на мою руку, как будто не может поверить своим глазам. Затем медленно, как будто пробуя, он сплетает наши пальцы.

Знакомый жар взлетает по моей руке, и я надеюсь, что он не почувствует моего бешеного пульса.

- Спасибо, - шепчет он.

Я киваю. - Ты готов?

Он облизывает губы и сглатывает, глядя как ветра, кружатся и растут.

Я думаю, что ему нужна минутка. Но он сжимает мою руку и встречается со мной взглядом. - С тобой - да.

По моей коже пробегают мурашки. Озноб смешивается с теплом от его прикосновения.

Я тяну его в водоворот, позволяя ветрам запустить нас в небо.

Глава 29

Вейн

Я надеюсь, что этой ночью мне приснится Одри.

Не оттого что, у нас за плечами - минимум дюжина странствий в ветряных воронках, чтобы я понял, как вызывать глупый Южный ветер и закручивать его вокруг нас без вмешательства Одри.

И не потому, что, держа её за руку, я чувствую поток энергии, хотя от этого мне хочется закрыть глаза и насладиться излюбленными фантазиями с Одри в главной роли.

Всё потому, что парение в небесах с ней, было столь же ужасным, что и воспоминания, увиденные мною во сне. Я надеялся начать всё заново, как только провалюсь в сон. И я хотел. Хотел узнать, что будет дальше. Как она

выжила после падения. Кто её спас.

Но мне снится не маленькая Одри, кричащая и бьющаяся в падении с небес.

Я вижу своего отца.

Мой настоящий отец.

Я хватаюсь за сон, закрепляя его в памяти, прежде чем он покинет пределы досягаемости. Я стараюсь приблизить, сфокусироваться, взглядеться в его лицо и запомнить навечно.

Так долго у меня не было ни единого воспоминания о нём, о том, как он выглядит! Теперь я могу видеть его тёмные волнистые волосы, его светло-голубые глаза и угловатый подбородок.

Он был похож на меня.

Не сюрприз, конечно, но довольно неожиданно.

Мой. Отец. Похож. На. Меня.

Я не хочу предавать его лицо забвению, но не могу забывать про остальные воспоминания. Поэтому я проигрываю свой сон вновь и вновь в попытках отыскать что-то, что могло бы помочь мне найти ему место в ломаной линии моей жизни.

Я стою рядом с отцом на берегу прозрачного озера. У меня худые ноги и волосы падают на глаза, наверное, мне лет семь. Заснеженные горы отражаются на поверхности воды. Отец кладет руку на мое плечо, но я не смотрю на него: слишком занят бросанием камней в воду, наблюдая, как крошечная рябь нарушает идеальную гладь.

- Пора уходить, Вейн. - его голос чистый и глубокий. Разрезая невозмутимую тишину вокруг нас.

Я пропускаю бросок камня. С силой разбивая водную гладь. - Я не хочу.

- Я знаю. - Он прижимает меня к себе. - Но Арелла может чувствовать их приближение. Если мы не уйдем, они нас поймают.

Я кидаю больше камней в воду. В этот раз я бросаю их сильно. - Как они продолжают находить нас?

- Не знаю, - шепчет отец.

Я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на него.

Он хмуро смотрит вдаль. - Но нам надо уходить.

Он тянется к моей руке, и несмотря на то, что я хочу вырваться - убежать так быстро и так далеко, чтобы он не нашел меня - я беру его за руку. Он сжимает пальцы. Не сильно. Чтобы успокоить. Потом он шепчет что-то, что звучит, как затяжной вздох.

Я не могу понять, что он говорит, но я знаю, что будет. Я крепко держусь, пока холодный ветерок накрывает нас, поднимает в небо и несет нас прочь.

Воздушный пузырь.

Я помню, как называл их, так, и как моя мама смеялась и говорила, какой я глупый, раз называю их так. Я не могу увидеть ее лицо, но ее насыщенный яркий смех наполняет меня.

Слезы жгут глаза.

Я люблю моих приемных родителей, и всегда буду любить. Но увидеть отца, которого потерял? Услышать его голос в моей голове? Услышать смех матери? Как будто они снова со мной - хоть и на несколько минут.

Но мои воспоминания вызывают столько вопросов, сколько и ответов, и пробелы чувствуются почти болезненно. Мне нужны пропущенные частички.

Я ложусь обратно, пытаюсь очистить голову.

Глубоко дыши. Доберись до сути.

Если мне было семь лет, то это воспоминание незадолго до того, как убили моих родителей. И в этом есть смысл. Похоже, мы были в бегах всю жизнь. Но где мы были? В первом сне я тоже видел озеро, но я не узнаю его. Оно может быть где угодно. И кто такая Арелла? В статье говорилось, что мою маму звали Лани, поэтому это, должно быть, кто-то другой. Возможно мама Одри? Как она узнала, что пора было бежать?

Тянет спросить у Одри, но я не могу придумать способ сделать это, не разглашая, что мои воспоминания возвращаются.

Я сам должен собрать пазл. Ответы в моей голове. Мне просто нужно время, чтобы они всплыли на поверхность.

Я взглянул на часы: 3:24 утра. Одри будет здесь на рассвете, а у меня еще есть время, чтобы увидеть следующие воспоминания.

Прошу, сны. Дайте мне недостающие кусочки.

Глава 30

Одри

Вейн уже проснулся, когда я пришла к нему тренироваться.

Оделся. И расчесал волосы.

- Ты встал, - говорю я, стараясь оправиться от удивления.

Он смеется. - Спасибо тебе, Капитан Очевидность.

Он прав. Глупая, идиотская фраза. Я просто не ожидала, что он уже встал.

Или что он выглядит так... хорошо. Его чистая голубая футболка не смята - на этот раз. А свет делает его глаза голубыми, как небо в теплый ясный день.

Я разглаживаю свою косу. - Ты не можешь спать?

Он пожимает плечами - своими дьявольскими плечами - и встает. - Я спал почти всю ночь. Все равно я оставил родителям записку, что я буду тренироваться с тобой весь день, так что нам не надо торопиться обратно. Ты готова идти?

Это приводит меня в замешательство: то, как он становится главным во всем.

Но я слеую за ним, перележу через окно и иду по газону в сиреневом предрассветном свете.

Он отгоняет комаров, роящихся вокруг наших лиц. - Где мы сегодня тренируемся?

- У меня. Только когда стемнеет, мы можем тренироваться у ветряных мельниц. Иначе будем слишком заметны.

Он кивает, и мы идем в тишине. Я отстаю на шаг и могу незаметно изучать его.

Он идет прямо, выглядя несколько выше. Плечи уверенно расправлены.

Он сжился со своей ролью. Завладел ею. Наконец-то.

Чем серьезней он воспринимает свои тренировки, тем больше у нас шансов.

Он останавливается снаружи моего убогого дома, осматриваясь. - Где твоя злая птица?

- На утренней охоте. Не волнуйся, большая страшная птичка тебя не тронет. Он резко разворачивается ко мне. - Ты меня дразнишь?
- Больше нет. Seriously. - Я чувствую, как мои губы растягиваются в улыбке.
- Вау, - говорит он, приближаясь. - По-моему я впервые вижу, как ты улыбаешься.

Кровь приливает к моему лицу, похоже, не один Вейн изменился. Пора возвращаться к делу.

Я отхожу в сторону, чтобы достать ветрорез. - Пора научить тебя нескольким основным атакам... Я буду основной наступающей в боевой схватке, но тебе все равно нужно научиться бороться с Буреносцами.

Я прикрепляю меч к талии и зову двух Восточных ветров: хорошо, что дневная жара не прогнала прочь легкий ветерок, кружащийся между деревьями. Я приказываю ветрам закрутиться в тугой вихрь, шириной примерно с мою ногу. Они закручивают так быстро, что я вижу только размытое пятно перед собой. - Это называется ветряной клин, - Говорю я Вейну - или он станет им через секунду.

Я зову Северный ветер и сплетаю его с Восточными ветрами. Когда ветры должным образом переплетаются, я переключаюсь на Восточный ветер и говорю: "Сконцентрируйтесь", и ветры соединяются друг с другом, затягиваясь в узкий шест такой же высоты, как и я.

Вейн наклоняется ближе.

- Отлично.

- Хватай его.

- Ты не можешь... - прерывает себя он. - Не бери в голову. Всё то, что мы делаем, имеет смысл. Не так ли?

Он протягивает руку, изменяя позицию в несколько раз, он не может понять, как получить контроль. Наконец, у него получается.

- Ух, ты, они мягкие.

Я не могу удержаться от смеха: - Ветры практически не ощутимы, но если сотканы достаточно плотно, то мы можем ухватить их.

- Понимаю. - Он отбрасывает его назад и берет в руки. - Что теперь?

- Поставь себе цель и запусти его так сильно, как сможешь. Попробуй ударить это дерево. - Я указываю на легкую цель - приземистую финиковую пальму, широко раскинувшую свой собранный урожай.

Вейн поднимает ветер через плечо.

- Это так странно, - говорит он, делая несколько усилий практикуясь. Затем он позволяет шпилью летать.

Его бросок силён, но его цель - не ясна, и шпиль кривит влево, ударяя лишь частью выбранную цель.

Дерево взрывается. Громовой раскат эхом отдается от деревьев, а кора, песок, камни и куски листьев летят на нас, приликая к нашим потным лицам. Вейн смотрит на разрушение.

А я вытираю грязь со своих щёк.

- Мы будем работать над твоим прицелом или, ты никогда не попадёшь в

движущуюся мишень.

Он начинает кивать, а затем оборачивается ко мне. - В какие именно цели я должен попадать?

- Ну, в идеальном варианте ты попадешь в Буренсцев. Не уверена, что ты сумеешь поймать хоть одного, хотя возможно тебе повезет.

Он отступает назад, его кожа приобретает мертвенный оттенок: - Я должен бросать этой штукой в людей?

- Только в Буреносцев. Я постараюсь позаботиться, чтобы ты не ударил кого-то другого.

Он сглатывает, и его лицо искажается, как будто ему больно.

- Что не так?

- Я никогда не осознавал, что ты хочешь, чтобы я убивал людей. - Он делает еще один шаг назад, прислоняясь к дереву для поддержки.

Я двигаюсь медленно к нему, пытаюсь понять его реакцию.

- Это битва. Чего ты ждешь?

- Не знаю. Наверное, думал, про рукопашный бой и все такое. Может, пару трюков с ветром, чтобы они падали без сознания. Но я не думал, что буду их убивать.

Его начинает сильно трясти. Я прикасаюсь его плеча, чтобы успокоить, но он вздрагивает от моего прикосновения.

- Я не понимаю, что не так, Вейн.

- Я тоже. - Он опускается на землю. - Просто... убивать людей. Чтобы они взрывались, как это дерево. - Он вздрагивает, прижимая колени к груди и лежа на них голову.

- Они вряд люди, - ворчу я, опускаясь рядом с ним. - Люди не режут тысячи невинных Странников Ветра. Люди не вырывают конечность за конечностью у детей. Люди не запускают торнадо и ураганы в человеческие города только потому, что подозревают, что там прячутся Силы Бури - о да, Буреносцы все это делают, - добавляю я, когда он поворачивается ко мне. - Райден не остановился ни перед чем, чтобы сломить сопротивление. Не говоря уже о том, что они придут сюда и схватят тебя, чтобы заставить научить их твоему языку. С этим Райден может быть достаточно силен, дабы управлять миром. Я смотрю на него, ожидая, что он будет выглядеть более спокойным. Но он бледнее, чем когда-либо. Я не вижу, в чем его проблема.

- Помни, Вейн. Мы находимся в состоянии войны.

Мы находимся в состоянии войны.

Мой отец сказал те точные слова отцу Вейна, умоляя его отнестись к обучению серьезно.

Память возвращается в прошлое.

Я прячусь в тени на краю поля, глядя на родителей, тренирующих Вестонсов. Четверо взрослых стоят в кругу, и мой отец показывает, как сделать дробилку, толстую воронку, которая сужается по команде, уничтожая все внутри.

Западный ветер кивает и отворачивается.

Отец Вейна говорит, что они не научатся.

Не смогут.

Не будут.

Ветра в ярости, когда моя мама кричит на них. Называет их эгоистами. Как они смеют ожидать, что другие будут рисковать своими жизнями за них, в то время как они не желают учить даже основы самозащиты?

Родители Вейна просто цепляются друг за друга в устроенной ею буре, качают головами и говорят "нет"

Я хочу броситься через все поле и заорать на Вестонсов как моя мама. Моя жизнь жалкая из-за них - потому что моя семья должна их защищать. Да как они могут стоять за спинами и позволять нам приносить себя в жертву?

Но я остаюсь в тени.

Я спрашиваю об этом отца, когда он этой ночью укладывает меня в постель.

Он смотрит в ночь и говорит:

- Западные - мирные ветра.

И ничего больше.

Я не поняла, что он имел в виду. Что за проблема была на самом деле. До этого самого момента, пока не увидела зеленый оттенок на коже Вейна.

Западные - мирные ветра.

Насилие делает их физически больными.

Теперь я знаю, почему никто из Западных ветров не сдался под угрозами Райдена и не научил его их языку. Они были готовы умереть, защищая его. Они просто недостаточно смелые или упрямые, как я думала. Насилие идет вразрез с их натурой, вызывая реальные физические реакции.

Честно говоря, это довольно-таки благородно. Но это делает их полностью уязвимыми. И бесполезными.

Мои челюсти сжимаются, когда я осознаю последствия моего нового открытия.

Мой единственный боевой товарищ неспособен на убийство.

Соответственно, даже если Вейн сделает четвертый прорыв, это не имеет значения. Он не будет использовать это, чтобы сражаться.

Мой гнев разгорается, глубокий и горячий.

Итак, я должна умереть, потому что он отказывается причинить вред

Буреносцам - людям, которые его похитили? Людям, которые без проблем убили его родителей.

Их жизнь стоит больше чем моя?

Возможно, нет. Но это не меняет того, что я поклялась. И с этой мыслью я в состоянии потушить гнев.

Я уже смирилась, что я могу и не выжить в это битве. Все это значит, что моя работа по защите Вейна во время бури будет вдвое тяжелее. В пять раз тяжелее. Как будто вода недостаточно все усложнила.

Вейн делает глубокий, тяжелых вдох и вытирает пот, капающий с его лица.

- Прости, - бормочет он. - Я не знаю что со мной не так.

- Я знаю. Ты Западный. Западные мирные. Насилие тебе отвратительно. Твоя природа его отрицает.

Его пальцы проходят сквозь волосы, превращая их в острые пики.

- На самом деле это имеет смысл. Но возможно делает меня довольно бесполезным в бою, не так ли?

Да.

Я не могу это сказать, хотя.

- Я просто хочу, чтобы ты был в состоянии защитить себя на случай, если ты окажешься в ловушке. Ты не должен никого ранить - но, я думаю, ты должен как минимум знать, как это сделать. Как ты думаешь, ты сможешь справиться с этим?

Проходит несколько секунд, прежде чем он кивает.

Я освобождаю дыхание, которое я задержала. Как минимум он готов попытаться - не то, что его родители.

Горечь поднимается по моему горлу, но я сглатываю ее.

Они были настоящими Западными. Они говорили на Западном языке.

Конечно, их инстинкты были сильнее, чем у Вейна. Он даже не может слышать призыв Западных ветров. Я никогда не думала, что это может быть хорошо, но, возможно, так и есть.

- Ты готов? - спрашиваю я, поглядывая в небо. Солнце освещает безоблачное синее небо, и вскоре последнее дуновение утреннего ветра обратится к горам.

Он встает. Его ноги неуверенно шатки, но его глаза полны решимости.

- Да.

Я учу его, как создавать шипы из ветра, и я заставляю его практиковаться на цели. Каждый раз его бросает в тошноту, но я напоминаю, что точные цели безопаснее. Меньше риск задеть невинного свидетеля.

После этого он редко промахивается мимо цели.

Это дает мне надежду.

Мир не делится на черное и белое, как считали его родители. Насилие иногда имеет смысл, имеет цель. Возможно, если бы они это приняли, они смогли бы выжить в атаке Буреносцев. Выжить, чтобы увидеть каким вырастет их сын. Помочь остановить Райдена в попытке разрушить такой мир, который мы знаем.

Вместо этого ответственность ложится на Вейна. Если я смогу заставить его увидеть оттенки серого, возможно он станет первым Западным, который сможет противостоять Райдену. Первым Западным, который выживет.

Его рубашка становится темно-синей от пота, и я позволяю ему отдохнуть в маленькой тени стены от моего прибежища. Последнее, что мне нужно сейчас – это снова увидеть его без одежды, даже если маленькая частица меня была бы не против еще раз увидеть его скульптурные мышцы.

Я сижу рядом с ним. Наши ноги соприкасаются, но я не отдергиваюсь.

- Как ты себя чувствуешь?

Он неуверенно пожимает плечами.

Я кладу свои руки на его.

- Постарайся помнить, если ты не остановишь Буреносцев, они выпустят торнадо в долину. Сотни - или тысячи - невинных людей погибнут. Людей, которых ты знаешь. Людей, которых ты любишь. Ты это делаешь, чтобы спасти их невинные жизни.

Молчание, кажется, затягивается.

-Значит, у тебя есть проблемы с... убийством? - спрашивает он.

- Нет. Но я Восточная.
- Сильные, хитрые ветра, - цитирует он. - И что это значит?
- Восточные живучие. Они сделают все возможное, чтобы выжить.
- А ты бы убила?

Он смотрит напряженно, но не осуждающе.

-Если мне придётся.

Я сосредотачиваюсь на своих пальцах, с удивлением осознавая, что медленно глажу по его коже. Контакт успокаивает и волнует одновременно. Это заставляет чувствовать себя смелой. Может быть слишком дерзкой, потому что я не могу удержаться от вопроса,

- Ты думаешь, что смог бы?
- Убить?

Я снова останавливаю на нем взгляд.

- Если бы это спасло жизнь? Если бы это спасло твою жизнь? Если бы это спасло...

Я остановилась. Я не могу просить его, чтобы он спас меня. Я должна сама спасти его.

Вейн отворачивается, обдумывая мой вопрос, глядя на остатки дерева, которое он уничтожил.

- Я не знаю.

Он берет меня за руку, нежно сжимая между ладонями. Тепло поднимается по моим рукам прямо к сердцу, заставляя его дрожать, когда он смотрит на меня снова, сбивая мое дыхание нежностью в затравленных глазах.

- Я надеюсь на это.

Я тоже.

Это чудо, что я не говорю это вслух.

Я не имею права надеяться. Но если он предлагает это добровольно, я не могу этого не принять.

Потому я не убираю руку, несмотря на то, что должна. И я позволяю себе верить, что он может быть достаточно сильным, чтобы спасти всех нас.

Что бы спасти себя.

Он единственный, кто это сможет.

Глава 31

Вейн

Только когда птица Одри возвращается со второй дневной охоты, я замечаю, что уже поздно. Я тренировался завтрак и обед... но это, вероятно, к лучшему. Если бы я что-либо съел, перед тем как Одри сказала что учит меня убивать, мне бы вероятно стало плохо.

Это мне напомнило то, как мой организм реагировал, когда врачи давали мне таблетки. Пот, жар, судороги, рвота, мой организм делал что угодно... все... чтобы очистить кровь от лекарств. Мысль об убийстве воспринимается так же, как и таблетки.

Великолепно... У меня аллергия на насилие. Я уверен, что Одри будет в восторге от этих новостей.

Может быть, я смогу бороться с этим. Я имею в виду, конечно, я не люблю жестоких фильмов или видеоигр, но они не заставляют мои волосы встать дыбом. Возможно, к убийству можно будет подойти тем же путем.

Но там все фальшиво. А это ужасающая реальность. Моя голова кружится, и я делаю вдох, чтобы очистить ее. Я должен перебороть это. На кону человеческие жизни. Невинные люди этой долины.

Я. Одри.

Я сделаю все возможное, чтобы она была жива. Если это означает убить Буреносца или нескольких, хорошо... Я сделаю это. Даже если от простой мысли об этом мне становится плохо.

- Как мои родители выдерживали обучение? - Я спрашиваю, надеюсь, что они знали какой-то трюк, чтобы бороться с тошнотой.

Одри кусает губу и отводит взгляд.

Я предполагаю, что это означает, что они не все делали плохо. Я решаю не спрашивать о деталях. Тем более, что я думаю о другом вопросе. – Им это нравилось?

- Твоим родителям?

- Да. - Она упрямо продолжает скрывать мое прошлое, но она могла бы, по крайней мере, сказать мне это. Может быть, это поможет вызвать больше воспоминаний сегодня ночью.

Она вздыхает.

- Я немного общалась с ними. Когда мои родители не пытались обучать их, они держались далеко от ищеек Райдена, которые всегда шли по нашему следу.

Понятия не имею, что это значит, но думаю, это не имеет значения.

-Твоя мама всегда тайком была рядом с тобой, - добавляет она, обращаясь ко мне. Ее губы излучают грустную улыбку. - Я всегда следила, как вы двое играли в поле. Она казалась хорошей мамой.

- Я бы хотел помнить ее. - Я удивляюсь, как тяжело звучит мой голос.

- Я знаю, - шепчет она.

Больше нечего сказать.

- Фактически... - говорит Одри, вскакивая на ноги и направляясь в угол дома, где стоит ее дрянная кровать из пальмовых листьев.

- Что ты делаешь? - спрашиваю я, присоединяясь к ней, когда она начинает рыться.

- Кое-что ищу.

Мой телефон издает звуковой сигнал, и я вытаскиваю его из кармана, чтобы проверить. Это сообщение от Айзека, он просит меня пойти с ним, Шелби, и Ханной сегодня вечером.

- Все в порядке? - спрашивает Одри, когда я пишу ему в ответ.

- Да. Мой друг просто пытается убедить меня пойти на двойное свидание с Ханной сегодня вечером. Я говорю ему спасибо, спасибо, но нет.

- Хорошо, - тихо произносит Одри.

Я вскидываю голову.

- Хорошо?

Я определенно хочу прояснить этот вопрос.

- Конечно, - говорит она. - Тебе нужно тренироваться сегодня вечером.

- Это действительно единственная причина? - Я давлю на нее, подходя ближе. Мой телефон гудит, и я запикиваю его в карман. Я не позволяю ничему прервать этот разговор.

- Что ты имеешь в виду? - Она пытается отстраниться, но она стоит в единственном углу ее сломанного дома, а я блокирую ее путь к побегу. Хорошо. Пора мне и Одри прийти к пониманию того, что происходит между нами.

- Я имею в виду, ты уверена, что не существует другой причины, почему ты не хочешь, чтобы я пошел с Ханной? - Я наклоняюсь ближе, оставляя только фут пространства между нашими лицами.

Она смотрит в землю.

- На самом деле, существует.

Мое сердце делает дополнительный скачок.

Я шагаю к ней, нежно хватаю ее за талию, чтобы притянуть к себе.

Она отталкивает меня назад.

- Что ты делаешь?

Возможно, она мне даже отвесила пощечину.

Она толкает меня в противоположную часть комнаты. Ее руки протянуты ко мне. - Есть кое-что, что я тебе не сказала. Я не знаю, как ты на это отреагируешь, но я бы не хотела, чтобы это мешало твоей подготовке.

- И что это? - спрашиваю я, когда она замолкает. Мой голос дрожит от гнева, и я еле сдерживаюсь.

Она вздыхает и это, кажется длиться вечность. - Ты... не свободен Вейн.

Это... не то, чего я ожидал.

- Что это означает?

- Это означает, что я не могу позволить тебе пойти на свидание сегодня вечером... или в любой другой вечер.

- А что, есть какой-то закон в мире, который говорит, что Вейну Вестону не позволено ходить на свидания?

- Вроде того. Помни, Вейн, ты последний Западный ветер. Ты не такой, как все остальные.

Это серьезно создало мне головную боль. И я собираюсь спросить, что фактически говорит этот долбанный закон, когда ужасная мысль доходит до меня.

- Вот почему ты испортила мое последнее свидание с Ханной, не так ли?

- Да. И если бы ты только ушел из ресторана и пошел домой как, я и намекала тебе, мне бы не пришлось звать Северный ветер и клеймить его нашими следами. Мы все еще были бы в безопасности.

- Итак, ты говоришь мне, что ты рисковала нашими жизнями, чтобы только помешать моему свиданию?

Она выпрямляется, и ее глаза сверкают.

- Нет. Я вызвала шквал, потому что я должна была помешать тебе, связаться с ней... и у меня не было времени, чтобы думать. Я просто среагировала.

Это так неправильно, я не знаю, с чего начать.

На самом деле знаю.

- Связаться? Что, черт возьми, это означает?

Она потирает переносицу. - Поцелуй для нашего вида это нечто иное, чем для людей. Они делают это ради удовольствия, словно он ничего не значит. Для нас поцелуй несет физические изменения. Он создает связь между парой, которая целуется, соединяя их вместе пока смерть не разлучит их. Вот почему я всегда вмешивалась, чтобы убедиться то ты не сделаешь это ни с одной девушкой, с которой ты встречался. Я не знала, что произойдет, если ты свяжешься с земной девушкой, но и не могла допустить ошибки. Я мешала свершиться единственному поцелую твоей судьбы, который мог произойти за секунду, но изменить до неузнаваемости всю твою жизнь. Что она имеет в виду под "вмешивалась" в отношения с девушками, с которыми она находила меня?

Вот. Дерьмо.

- Это была ты. Все мои неудачи с девушками. Напитки, внезапно упавшие ветром и вылившиеся на их одежду так, что они должны были пойти домой. Птицы, испражняющиеся на их головы.

Каждое из этих бедствий было вызвано птицами или ветром или чем-то в небе. Все, кроме Великого Пердежа. Если только...

- О, мой Бог... это ты сделала пукающий звук в тот день, когда я был на Фестивале Свиданий, не так ли? Ты направила ветер так или иначе, заставила его стать похожим на пукание и подставила меня?

Она не отрицает этого.

Я смеюсь.

Как я не могу смеяться над безумием всего этого?

- Ты хоть представляешь, насколько ты мучила мою жизнь за последние несколько лет?

- Я знаю, что это было сложно, Вейн. Но я не могла объяснить, что происходит, пока твой разум не был готов понять твое наследие, до того как несколько дней назад у тебя появился прорыв. Тем временем я выполняла строгие приказы от Сил Бури, чтобы удостовериться, что ты не сблизился ни с кем.

- Зачем твоя армия делает подобное дерьмо с моей личной жизнью?

- Поверь мне, ты совсем согласишься, как только познакомишься с Соланой. Соланой?

У меня ощущение, что я не хочу знать ответ на этот вопрос, но я должен спросить это в любом случае.

- Черт побери, кто это Солана?

- Наследница нашего бывшего короля... все, что осталось от королевской линии после того, как Райден разрушил ее. Она будет коронованной королевой, когда Райден падет.

- И что ей от меня нужно?

Я могу сказать, что она не хочет отвечать так же, как я не хочу этого слышать. Но мы зашли слишком далеко. Поэтому она закрывает глаза и шепчет.

- Вы обручены.

Слово нависает над нами, фактически бросая тень.

Я обручен.

С какой-то избалованной принцессой, которую я никогда не встречал.

Слишком. Большой. Эмоциональный пузырь внутри.

Гнев. Раздражение. Путаница. Разочарование. Страх. Восстание. Ярость.

Но что-то чувствуется сильнее, чем другие, и мне требуется секунда, чтобы идентифицировать это.

Боль.

Требуется еще одна секунда, чтобы понять почему.

- И... тебя это устраивает?

Она смотрит в сторону. Отказывается встречаться с моими глазами. Но она кивает.

Я знаю, что возможно должен остановиться, но я не могу.

- А что насчет нас?

Она ничего не говорит, что вызывает во мне мужество. Я подхожу к ней и прижимаю к стене. - Между нами что-то есть Одри. - Я хватаю ее за руку и чувствую прилив знакомого электричества по коже. - Не говори мне, что ты не чувствуешь этого.

Я не уверен, подталкивает ли меня страх или отчаяние. Но это не может так закончиться. Я слишком долго о ней мечтал, чтобы позволить ей остановить меня, потому что ее глупая армия контролирует мою жизнь.

Я знаю, что она чувствует что-то ко мне.

Я знаю это.

- Перестань думать о том, что хочет твоя армия. Их нет сейчас здесь. Здесь только ты и я. - Шепчу я ей. - Я в это не верю. Потому что я хочу тебя. Тяжело вытолкнуть их себя последние слова. Но я чувствую облегчение, оттого что сказал их.

Я скольжу пальцами по ее волосам, по косе. По слишком плотной одежде. Я наслаждаюсь прикосновениями к ее лицу.

Она не отстраняется, но отрицательно качает головой.

- Я поклялась, Вэйн.

- Закрепи присягу. - Я наклоняюсь пока не чувствую ее дыхание на моем лице, а затем останавливаюсь. Я не хочу торопить ее. - Ты сделала достаточно для них. Ты защищаешь меня. Кто позаботится об остальных?

- Я все сделаю. - Она закрывает глаза и ее губы дрожат. - Я поклялась, что ты благополучно это пройдешь, и я это сделаю. А после ты вернешься к Силе Бури и удовлетворишь свою невесту.

- Они могут взять свою помолвку и засунуть ее подальше. Я хочу тебя.

Я склоняюсь еще ближе, пока нас не отделяет лишь пара дюймов. Я не знаю права ли она про некую связь, но я не против навеки связать себя с ней. В неком смысле я чувствую, что между нами уже есть связь.

Она делает судорожный вдох, и я знаю. Она сама этого хочет.

- Нет, - кричит она толкая меня так сильно что я пролетаю пол комнаты. - Я не предам Силу Бури.

Она создает меч и направляет в мое сердце. - Я не могу этого сделать. Я не буду этого делать.

- Так что, ты собираешься ударить меня?

Она нажимает лезвием мне в грудь. Не достаточно чтобы разорвать кожу, но достаточно, чтобы уколоть.

- Не заставляй меня причинять тебе боль, - просит она.

- Ты уже это делаешь.

Ее глаза каменеют. Ее тело принимает позицию, выпрямив плечи, что дает мне понять, что она не отступит.

Она откидывает меня в сторону. Я в плену у девушки, которую ранее не встречал. Дабы угодить ее глупой армии.

Лезвие меча не дрогнет. И она смотрит сквозь меня.

Я уже потерял ее.

Поэтому я делаю единственное, что могу сделать.

Я бегу.

Глава 32

Одри

Я не могу дышать.

Я чувствую, как кто-то сжимает мою грудь, вытаскивая жизнь и воздух из меня, когда я смотрю, как Вейн бежит к автомобилю. Все тепло исчезает из моего тела, оставляя меня дрожать под жарким солнцем пустыни.

Я пожертвовала многим в своей жизни, но ничто не ранило сильнее, чем то, что я сделала сейчас.

Как только Вейн исчезает из виду, я падаю на пол и сворачиваюсь в клубок.

Вейн прав. Мне не все равно. Больше, чем я когда-либо смогу признать.

Но понимание заставляет меня поежиться от отвращения.

Кто я такая, чтобы заботиться о Вейне Венстоне.

Когда он узнает, что я сделала, он будет ненавидеть меня так же, как ненавижу себя.

Я цепляюсь за тот резкий факт как за спасательный круг, вытягивая себя в твердые, бесчувственные стены, которые я поддерживала в течение прошлых десяти лет.

Вейн никогда бы не захотел меня, если бы он знал, что я - причина того, что его родители умерли. Я эгоистичная, бесчувственная тварь, которая все испортила, потому что я решила сохранить Гэвину жизнь... птице, которую Вейн ненавидит. Тогда я солгала ему о том, что его воспоминания могут быть полностью утеряны, потому что я не могу вынести мысли о том, что он узнает, о моей вине.

Как я объясню Силам Бури, если я соединюсь с Вейном? Украду их короля?

С потенциалом силы Вейна, они захотят убедиться, что он связан с королевской линией, так что наши люди будут уверены в нашем мире вновь. Выйдут из укрытия. Поверят Силам Бури.

Плюс Южная Солана и ее связь будут мягко влиять... сила четырех должна проникнуть в его голову.

Если я вмешаюсь, я буду изгнана за такое предательство. Навеки клеймена как предатель.

Нет, это не должно быть так. Даже если мое предательское сердце по-прежнему жжет внутри груди.

Я горю такими разными чувствами к Вейну.

Вина. Желание. Но худшее. Палящий жар потери.

Я погружаюсь в боль, позволяю огню уничтожить меня. Это делает меня жестче. Сильнее.

Вода может ослабить мое тело... но это не ослабит мою решимость.

Это время доказать, какая я сильная.

Я встаю, сжимая кулон одной рукой. Моя другая рука давит на виски, ослабляя головную боль, вызванную моей косой.

Мне понадобилось полгода, чтобы мастерски заплетать замысловатый стиль.

Волосы делятся на пять равных секций и четыре наружные скручиваются и оборачиваются вокруг центральной, это представляет нашу жизнь, неразрывно связанную четырьмя ветрами. Даже мужчины носят разновидность косы. Это физическое отображение, чтобы показать, что мы живем не для нас, но для того, чтобы служить ветрам. Служба стражей.

Я - страж.

Мои планы были вывернуты наизнанку и разорваны в клочья, но моя цель сохранена. И я буду соблюдать ее. Со всем, что у меня есть.

Но я должна выяснить, что делать с Вейном. Мы все еще должны тренироваться вместе, и судя по тому, как больно и сердито он смотрел, когда уходил, это будет проблемой.

Пятна мерцают позади моих глаз, просто от мысли о том, чтобы быть близко к нему снова. Лететь вместе. Держаться друг за друга...

Я соскребаю последние силы воли и вытесняю эти переживания прочь.

Я могу сделать это.

Мне просто нужно привыкнуть к нему. И Вейн явно нуждается в отдыхе.

Поэтому сегодня мы будем находиться вдали друг от друга. Мне нужно со всем смириться. Никакого вреда от этого не произойдет.

Если только...

Паника окутывает мои легкие.

Вейн присущи бунтарские стороны. Я видела в нем это даже при малейших попытках управлять им во время нашего обучения, и они очень сильные. Кто знает, что он может сделать?

Я могу думать лишь об одной очень плохой вещи.

Необратимой.

Я проклинаю свою глупость, когда несусь через рощу, перескакивая через упавшие ветки, и передвигаю ноги быстрее, чем я когда-либо прежде. Но когда я добираюсь до главной дороги, его машины уже давно нет.

Грациозно словно кошка я перемещаюсь стоя на шаткой ветке. Меня не волнует, что кто-то меня увидит. Я должна чувствовать столько воздуха, сколько это возможно.

Руки дрожат от волнения, адреналина и злости на себя за еще одну катастрофу, я расстегиваю пуговицы на своей куртке, снимаю ее с плеч и ложу на землю, обнажая плечи настолько, насколько это возможно. Я

закрываю глаза и сосредотачиваюсь на воздухе окружающем меня в поисках следов Вейна каждой клеточкой своей кожи.

Каждая сильфида оставляет свой след на ветру. Изменение в мелодии, как будто ветер столкнулся с другом и добавил новые заметки к своей песне, чтобы унести память о встрече. Мы можем заклеить ветер, командуя им слишком громко... как я и сделала, когда позвала Северный ветер и атаковала Вейна... и ветер несет наш след постоянно. Но даже тихий контакт оставляет слабый след. Контакт только несет его, пока ветер не находит что-то еще, о чем можно спеть, и отпускает мелодию. Перед этим любой слушающий может взять след и последовать за ним к источнику.

Я читаю следы в родных ветрах лучше, поэтому в роще фокусируюсь на Восточных ветрах. Большинство из них не несет никаких признаков, что видели нас. Но когда я слушаю рядом с домом Вейна, нахожу мягкое, тихое пение с легкой дрожью, обусловленной тем, что тот о ком поют, бежит. Это должно быть Вейн.

Я зову к себе порыв и вдыхаю след.

Колющая атака отбрасывает меня назад, и я теряю опору в виде ветки под ногами, устремляясь к земле. Близко находящиеся Южные ветры спасают меня от болезненного падения, но когда я вновь безопасно стою на ногах, то не могу унять дрожь.

Все так, словно я взяла маленькую частичку него, отломленный кусочек, который он оставил после себя.

Почти как потеря.

Не имею понятия, возможно ли это - или если возможно, то, что это значит - но я буду беспокоиться об этом позже. Сейчас только одно имеет значение - найти Вейна. Я должна найти его раньше, чем он сделает что-либо, о чем пожалеет. Что-либо, о чем пожалеем мы оба.

Уже разгоняясь, я вызываю Северные ветры и закручиваю их вокруг себя так быстро, чтобы от меня ничего кроме размытого пятна в небе не осталось.

- Выше, - шепчу я, переводя дыхание, когда порыв уносит меня прочь.

В считанные секунды я на главном шоссе, заходящее солнце заставляет меня щуриться, когда я концентрируюсь на воздух. Теплое покалывание следа Вейна скажет мне, в какую сторону повернуть. Внутренний компас направляет меня прямо к нему.

Я лишь надеюсь, что добираться до него вовремя.

Глава 33

Вейн

Я не планировал встречаться с Айзеком после того, как я уехал. Я просто должен был проложить достаточное расстояние между мной и той сумасшедшей жизнью, в которую Одри пыталась меня запихнуть, прежде, чем станет слишком поздно, чтобы убежать. И я был слишком сердит/расстроен/чувствовал отвращение, чтобы продолжать на нее смотреть.

Но затем мой телефон завибрировал, и я понял, что первый шаг к возврату моей жизни был прямо здесь, в моих руках. Ну, в моем заднем карман... но все же.

Это то, как я могу повернуть реку вспять, на сей раз на шумной, переполненной Фабрике Чизкейков. Они действительно должны построить какие-то приличные места, чтобы отдыхать в этой дрянной долине. Я втискиваюсь в кабинку рядом с Ханной, с Айзеком и Шелби через стол, наблюдающих за нами с самодовольными улыбками, которые есть у всех долгих пар, когда они наблюдают за своими друзьями на двойном свидании. Вероятно ожидая, что я выкину на сей раз.

Глядя и зная Айзека, они, вероятно, сделали ставки.

Я не собираюсь ничего выкидывать сегодня вечером. Я оставил Одри и ее компаньонские навыки из ада, в пыли ее дома.

Что хорошо, потому что у меня большие планы в отношении меня и Ханны.

План номер один - поцеловать ее и доказать, что:

(a) я не нуждаюсь в Одри,

(b) я принимаю свои собственные решения, касающиеся моей жизни, и

(c) поцелуй - это только поцелуй.

И плевать я хотел на эту хрень про "связь". И я намерен доказать это.

Эта мысль заставляет мои ладони потеть, сердце биться, а желудок крутиться, как будто я проглотил что-то живое. Я говорю себе, это нервы.

Но я знаю, что это в основном вина.

Я чувствую вину перед Ханной. Это не, потому что она мне не нравится, она действительно хорошая. Даже хорошенькая. Немало парней оценили ее. Но когда она толкает мою ногу под столом или задевает руку, я не чувствую тепла. Вообще-то, я чувствую холод. Словно мое тело говорит мне, что я сижу рядом с неправильной девушкой.

Также есть другой тип вины.

Вина за предательство Одри. Обманываю ее просто, будучи здесь, с Ханной.

Это безумие. Она очень ясно дала понять, что она не хочет меня... по крайней мере, не на столько, насколько она хочет понравиться ее проигравшей армии. Это ее выбор, не мой.

Ханна рассказывает несколько хоккейных историй - она настолько канадка, что даже забавно - и у меня есть возможность изучить Айзека и Шелби. Он держит руку на ее плече, его пальцы играют с ее мягкими рыжими кудряшками, обрамляющими лицо. Она прижалась к его боку, будто не желает оставлять ни миллиметра пространства между ними. Усмешка Айзека подсказывает, что он вовсе не против.

Все в них кричало о том, что они "пара". И я должен это перенять. Они

выглядят счастливыми. Я имею ввиду, что знаю, почему счастлив Айзек.

Шелби не из его лиги. Он неплох собой, или был бы неплох, если бы сбрил

ужасные усы, на которых настаивает из спортивного интереса и которые

удивительно тонкие и тощие, учитывая, что он полнокровный Мексиканец.

Все другие парни в его семье - включая его четырнадцатилетнего брата - носят бороды.

А Шелби горячая. Длинные ноги, несмотря на то, что она маленького роста, и достаточно изогнутая, чтобы почти на каждой рубашке, которую она надевает, пуговицы были натянуты... не то чтобы я смотрел. Ну ладно смотрел, но не теперь, когда она с Айзеком.

Но Шелби выглядит еще более счастливой, чем Айзек. Когда она держится за его локоть. И она провела столько месяцев, так держась за него, что я почти не могу представить его без нее. Это отчасти раздражает, когда я хочу встретиться со своим другом без его девушки, которая присоединяется везде. Прямо сейчас, тем не менее, это прокладывает осторожное расстояние между мной Ханной, это чувствуется подобно Большому каньону.

Может быть, мне стоит попробовать настойчивее. Хана оставляет руку лежать на столе, и пока я не передумал, я беру ее.

Ханна вздрагивает, и я ослабляю свою хватку, понимая, что мое движение больше похоже на нападение, чем на романтический жест.

Айзек и Шелби обмениваются взглядами.

Первый страйк за Вейном.

Но я еще не выбит из игры. Ханна не вырывается, она расслабляет руку, переплетая наши пальцы.

Я ухмыляюсь Айзеку. Как я тебе теперь?

Это здорово. Я делаю это. Я на нормальном свидании, с нормальными друзьями замечательно нормальной ночью. Никаких сумасшедших ветров. Никаких разговоров о злых войнах, языков ветра или договоренностей о помолвке. Просто бессмысленная болтовня о кино, или музыке, или школе, или о чем угодно - в точности то, каким должно быть свидание.

Так почему все в этот момент, выглядит не правильно?

Официантка приносит еду, и я улыбаюсь, когда вижу огромную тарелку пасты, стоящую перед Ханной. Девушка, которая ест, когда голодна. Очко Ханне.

Наступает неловкий момент, когда я смотрю на наши соединенные руки и пытаюсь решить что делать - ход второй. Затем я отпускаю руку Ханны, чтобы погрузиться в уплетание гигантского сэндвича и горы картошки фри. Я ем, не беспокоясь о полноте, словно в знак протеста.

На, получи, ты просто сумасшедшая сильфида, которая не ест и контролирует чужие жизни.

Я придвигаюсь ближе к Ханне, позволяя нашим ногам соприкоснуться. Кожа к коже, так как мы оба в шортах. Еще одно очко в пользу Ханны: она одета в точности для лета в пустыне. Не застегнута до самой шеи, не в смешной униформе.

Я все еще ничего не чувствую, прикасаясь к ней, но ее близость приносит своего рода острое ощущение. Ощущение успеха.

Ханна берет мою руку снова, наши пальцы плотно переплетены.

- Вейн, - зовет меня кто-то через шумный ресторан.

Мои сэндвич и картошка фри грозятся выйти наружу.

Айзек, Шелби и Ханна поворачиваются, чтобы посмотреть, кто меня зовет. Я созерцаю тарелку, интересно, думаю смогу ли я зарезать себя насмерть ножом для масла?

Вейн, - повторяет Одри, ее голос теперь громче. Я задерживаю дыхание. Тень падает на стол, но я не поднимаю взгляд. Мой план - притвориться, что ее здесь нет. Это не сработает, но это все, что я могу.

Айзек и Шелби молчат. Вероятно, предвкушают шоу.

Ханна елозит по сидению.

- Вейн, что здесь происходит?

Тон ее голоса подсказывает, что она вовсе не рада вновь видеть Одри.

- Я здесь, - отвечает вместо меня Одри. - Потому что я его девушка. И я бы была признательна, если бы ты убрала руки от него.

- Чувак, - говорит, наполовину смеясь, наполовину ворча, Айзек.

Он хрюкает, кажется, Шелби ткнула его локтем.

Я ничего не говорю. У меня неприятностей по уши, но, помоги Боже, все, о чем я могу думать - как хорошо из уст Одри звучит фраза "его девушка".

Я рискую взглянуть на нее... и, о Господи, она горячая. Несколько локонов выбилось из косы, и очертили ее раскрасневшееся лицо, и ее жакет раскрылся, ее черная майка еще больше обтягивала и была еще меньше, чем я помню. Я не уверен, что "горячая", достаточно сильное слово. "Пламенная" возможно более точное.

Ханна избегает моего взгляда, отдергивая руку, и отодвигается так далеко к стене кабинки, как это вообще возможно.

Я знаю, что каждый ждет от меня каких-то слов, но мой мозг не в состоянии справиться с ситуацией.

Айзек прочищает горло.

- Чувак, если у тебя есть девушка, должен был хотя бы сказать.

- А еще важнее, - прерывает Шелби. - Ты не должен был ничего затевать с Ханной.

- А никто и не затевает, - пробормотала Ханна так, словно сама идея заинтересовать меня была ей отвратительна.

- Да. И он ушел с тобой несколько ночей назад. Тогда у тебя тоже была девушка, Вейн?

- Эй, я, - начинаю я, не уверенный с кем я заодно.

- Это недавнее приобретение, - прерывает Одри. Затем она наклоняется и гладит пальцами мое лицо.

Не игриво.

Притягательно.

Я не вырываюсь. Может быть, я даже наклоняюсь к ее руке, когда десять тысяч искр проносится сквозь мою кожу от ее прикосновения. Что я могу сказать? Я слаб.

Разница между тем, как мое тело реагирует на Одри и Ханну - день и ночь. Все в них - день и ночь. У Ханны светлые волосы и голубые глаза - солнце, Одри черноволосая, черноглазая - ночь.

- Я бы хотела пойти домой, - объявляет Ханна. Ее голос звучит так, будто она сейчас расплачется.

Она не заслуживает этого.

Я обязан перед ней извиниться. Я просто не могу придумать, что сказать.

Она не ждет объяснений. Она даже не ждет, чтобы я встал и дал ей выйти из кабинки. Она поднимается ноги, потом на стул, потом на стол. Тарелки и стаканы подсакакивают, когда она проходит по столу, спрыгивает и мчится к двери, как только она приземляется на пол. Шелби пихает Айзека из кабинки и бежит за ней... стреляя в меня смертельным взглядом на выходе.

Айзек смеется.

- Хорошо, я выручу тебя, парень. Ты находишь самые невероятные способы разрушать свидания.

- Я...

Он поднимает руку.

- Я умираю, как хочу услышать то, что произошло, но я должен отвести девочек домой. Видишь, с каким ущербом нам нужно разбираться.

Я киваю, и он поворачивается, чтобы уйти.

- Кстати - он поворачивается и указывает на Одри, - Миииииииииило.

Интересно, кто из нас покраснел сильнее я или Одри.

Когда Айзек исчезает из виду, а заставляю себя посмотреть в глаза Одри.

- Ты пошел на свидание? - рычит она. - Ты в своем уме?

- Я? - Мой гнев снова возвращается. - Я люблю, как ты думаешь, что можно просто сбросить с "подруги Вейна" шляпку всякий раз, когда это удобно для тебя. Дергать меня, портить мою жизнь, потом топтаться на моих чувствах, как только мы одни. Все, чтобы угодить твоей драгоценной Силе Бури.

- Мы не можем разговаривать здесь.

Она идет в сторону выхода, и я достаю бумажник и бросаю все деньги, которые у меня есть на стол, прежде чем я следую за ней.

Я думал, Одри будет в милях надо мной, летя домой, так она сможет разорвать меня в ту секунду, когда я доберусь туда. Но она стоит у моего автомобиля, ее руки скрещены, ее глаза бурят дырку в моем черепе. Я просто в ярости, но мое сердце по-прежнему замирает, когда я думаю о долгой поездке домой, только для нас двоих.

Она не смотрит на меня, когда я открываю ей дверь. Просто садится и захлопывает ее.

Я знаю, что моя машина маленькая. Но наполненная нами с Одри и всей горой запутанных эмоций между нами ощущается как коробка для обуви.

- Почему мы не едем? - спрашивает она.

- Ты должна пристегнуться. Или ты соблюдаешь только законы Бурь?

Ее вздох эпически длинный. Потом она возится с ремнем безопасности, создавая комическую ситуацию, крутя его всеми возможными и неверными способами.

- Как это адское устройство работает? - наконец, спрашивает она.

Я фыркаю и склоняюсь над сидением.

Она резко отодвигается.

- Что ты делаешь?

Я наклоняюсь ближе, мои глаза приклеены к ее, когда я беру ремень безопасности из ее руки и тяну его через ее тело. Мои пальцы проходят по ее руке, когда я защелкиваю ремень на месте, и я слышу, что ее дыхание перехватывает от моего прикосновения.

- О, - бормочет она, когда я отодвигаюсь.

Мы едем обратно.

Она смотрит на размытые пятна торговых центров, ее пальцы опираются на стекло. Я нажимаю на кнопку, и ее окно убирается, усмехаюсь, когда она подскакивает.

Ночь жаркая и липкая, но потоки ветра проходят через окно, и Одри протягивает руку, махая пальцами в бризе.

- Ты хотя бы понимаешь, что ты чуть не сделал сегодня? - Она не смотрит на меня, и ее голос трудно услышать сквозь ветер. Но она не сердится.

Я вздыхаю.

- Плевать я хотел на эту хрень со "связью".

- Это потому что ты никогда не испытывал ничего такого.

- А ты?

- Конечно, нет.

Мы останавливаемся на красный свет, и я поворачиваюсь к ней.

- Тогда откуда тебе знать, что это не очередная история, которые заставляют детей хорошо себя вести? Как родители, которые лгут о Санта Клаусе, чтобы дети слушались весь год? Откуда тебе знать, правда ли это, если ты никого никогда не целовала?

- Потому что я видела эффект, который имеет связь. Моя мать все еще привязана к моему отцу, даже все эти годы после его смерти. Она никогда не восстановится от потери. И я сомневаюсь, что она когда-либо сможет восстановиться.

Ладно, это... печально. Но ничего не доказывает.

- Человеческие пары счастливы тоже, но это не значит, что они связаны или что-то вроде того. И потом, я думал, ты сказала, что со смертью узлы разрываются.

- Это так.

- Таким образом, твоя мама могла быть не связана вообще. Возможно, она просто любила его.

Она ничего не говорит. Просто смотрит на звезды.

Я понятия не имею, о чем она думает, но я никогда не видел, чтобы ее взгляд был настолько печальным. Я хочу потянуться и взять ее руку, но я знаю, что не могу.

Свет становится зеленым, и мы начинаем двигаться снова.

- Ты не ответил на мой вопрос. Ты представляешь, чтобы случилось, если бы ты связал себя с той девушкой сегодня вечером?

- Нет, но я предполагаю, что твоя армия не была бы слишком довольна мной.

- Это мягко сказано. Тебя бы наказали. А я была бы опозорена.

- Звучит не так уж плохо.

Она медленно вздыхает.

- Ты не понимаешь.

- Ты права... не понимаю.

Дальше тишина. Потом она шепчет, - Честь - это все, что у меня осталось.

Бури. Моя клятва. Отними это, и у меня ничего нет.

Она говорит это без какой-либо жалости к себе. Но это заставляет меня простить ее в любом случае. Я не могу представить себе, как одиноко ей было последние десять лет, сидя на корточках в этом Ветхом домике.

- И это только начало, - добавляет она. - Ты - наш будущий король. Они могут расценить мой поступок как предательство. Запрут меня так глубоко под землей, что ветер будет не более чем воспоминанием.

- Они могут сделать это? За поцелуй?

- За связь. Связь нашего обрученного короля... та, которая была очень тщательно устроена. Твоя жизнь должна быть обработана лучшим возможным способом, чтобы принести пользу всем. Включая тебя.

- Обработана.

- У тебя есть огромная сила, Вейн. Они хотят удостовериться, что ты не превратишься в другого Райдена. Так как ты Западный ветер, никто не знает, как сила четырех повлияет на твой разум. Нет любых других Западных для тебя в пару, поэтому они выбрали Солану. Ее семья была самой кроткой, самой скромной из нашего рода... это причина того, что они были нашими королями. Мы выбрали правителей, которые ставили народ выше себя. Которые были бы щедры, добры и справедливы. И связь с ней будет укреплять эти качества в тебе. Сделает из тебя доброго царя.

- Но я не хочу быть королем!

- Но это не меняет того, кто ты. И это никак не меняет того факта, что часть моей работы - убедиться, что ты ни с кем не связался. Так что, если ты это сделаешь, я понесу за это ответственность. Может быть, тебя не волнует, что со мной происходит, но...

- Конечно, волнует. - Впереди загорается свет, и я медленно останавливаюсь, я благодарен, что могу снова посмотреть на нее. - Меня волнует, что с тобой происходит.

Это больше, чем я хотел сказать, и я отворачиваюсь.

Она елозит на сидении.

- Тогда пообещай меня, что ты будешь держаться подальше от той девушки. Я смеюсь.

- Уверен, она бы пнула меня в пах, если бы я появился снова. Я пас.

- От других девушек тоже, Вейн. Даже от меня.

Последние слова шепот. Почти мольба.

Я акцентирую свое внимание на дороге, когда нам снова нужно начинать движение.

- Ты должен быть с Соланой, - давит она. - Когда вы встретитесь, ты поймешь, что профукал все это драгоценное время и энергию, пытаюсь предотвратить лучшее, что случилось с тобой.

Шанс, что это произойдет, равен нулю. Но нет никакого смысла с ней спорить. Не сейчас.

- Прекрасно, - бормочу я.

Она сглатывает несколько раз, прежде чем говорит снова. Когда она это сделала, ее голос звучит достаточно напряженным.

- Ты не пожалеешь. Я тебе обещаю.

Я в этом не уверен.

Но я уверен в одном.

Я никогда не испытывал ничего подобного, того, что я чувствую, когда я рядом Одри, и если бы мне было нужно убедиться, то, что я чувствовал с Ханной сегодня, доказало это.

Одри - та самая. Моя голова это знает. Мое сердце это знает. Даже мои чувства это знают.

Таким образом, если я смогу связать себя только с одной девушкой за всю мою жизнь, я знаю, кто это будет.

Глава 34

Одри

Я не хочу выходить из машины.

Скрытое личное пространство, с ветром, текущим через окно, и ночью, обернутой вокруг нас, Вейн и я достигли странного вида перемирия. Я не могу стряхнуть чувство, что это исчезнет, как только я выйду наружу.

Вейн колеблется, когда он выключает мотор. Может быть, он боится того же. Потом он открывает свою дверь и шагает в душную тьму.

Я пытаюсь следовать за ним, но я не могу понять, как расцепить этот абсурдный ремень на сидении. К счастью я нахожу защелку прежде, чем Вейн откроет мою дверь, чтобы помочь мне... это последняя вещь, в которой я нуждаюсь, еще один поток его странного жара.

- Мы должны еще тренироваться сегодня ночью? - спрашивает он, глядя на дом его родителей, а не на меня.

Ему так многому нужно научиться. А у нас осталось так мало дней. Мои глаза невольно обращаются к небу, в поисках следов бури.

Звезды подмигивают мне, обещая спокойную ночь.

Моя мать должна сдержать свое обещание. В противном случае, они бы нашли нас.

Мне нужно наилучшим образом использовать дополнительное время.

Мне нужно перегруппироваться. Выяснить, куда мы пойдём.

- Ты не был с семьей целый день. Наверное, тебе лучше остаться в этот вечер. Мы восполним это тренировками с самого утра.

Он кивает.

- Хорошо... спокойной ночи.

Я отступаю к роще, прежде чем он сможет сказать что-нибудь еще. На пути к моему убежищу, я нахожу мой жакет и ветрорез, которые сбросила во время поспешного бегства. Мы оба покрыты ошибками и грязью. Это место словно опустошает все, заражает, душит, пытается разрушить. Я не позволю сделать это со мной.

Гэвин кричит со своего насеста на подоконнике, когда я прихожу домой.

Несчастной птицей серьезно пренебрегают эти последние несколько дней.

Я поглаживаю, перья на загривке его шеи и пристально смотрю в окно.

Лунный свет, достаточно яркий, что я вижу свое отражение в потрескавшемся, грязном стекле. Я выгляжу бледной. Темные тени под

глазами, пряди волос выбились из косы, торча дикими, беспорядочными кочьями. Едва ли привлекательно.

Мои мысли возвращаются к девушке, с которой был Вейн.

Мягкие светлые волосы.

Мягкие голубые глаза.

Мягкие пальцы, сжимающие руку Вейна.

Он выбрал меня.

Мысль ощущается чужой.

Но это тоже, правда.

Острые ощущения, которые чувствуются неправильными по большинству причин, чем я могу сосчитать... но я, тем не менее, чувствую это.

Моя голова болит от сильно затянутой косы, и это слишком много для моего опустошенного мозга, чтобы обработать сегодня вечером. Я развязываю осторожный узел в конце, позволяя моим волосам распуститься, наконец, освобождаясь. Темные, волнистые пряди обрамляют мое лицо.

Я никогда не буду очаровательной как моя мать. У меня есть слишком много от отца. Его квадратная челюсть и узкий нос. Низкие брови.

Однако есть что-то темное и таинственное в моем отражении в окне. Что-то яркое и мощное.

Этого достаточно, чтобы считаться красивой?

Что такого видит Вейн, когда смотрит на меня?

Я отворачиваюсь, заставляю себя ударить кулаком стекло. Я нахожусь в самой большой опасности в моей жизни, и я играю с волосами и задаю вопрос, есть ли мальчик, которого я не могу получить... и отказываю себе в том, чтобы хотеть его... думает, что я симпатичная.

Пора взяться за себя... сейчас.

Я собираю волосы в косу, затягивая пряди туже, чем когда-либо. Если бы я только могла перебрать мои чувства так же легко.

Я не могу. Поэтому делаю следующую лучшую вещь.

Я проскальзываю в свой жакет, расчехляю ветрорез и топаю наружу к самой широкой поляне в роще. Ночь все еще тяжела, со звуками несущихся грызунов и щебечущих насекомых, и теплый воздух заставляет мою одежду цепляться за мою кожу. Но мне не важно.

Я сгибаю колени, садясь на корточки в стартовое положение. Два глубоких вдоха приносят мне равновесие. Потом я бросаюсь в свои запомненные упражнения.

Я режу и наношу удар. Падаю и вращаюсь. Резко мчусь в сторону деревьев и отскакиваю прочь. Касаюсь, земли и делаю сальто назад. Тяну мои гибкие мышцы так сильно, как я могу, игнорируя дополнительный вес воды, жгущий мои конечности.

Пот впитывается в мою униформу, и я ловлю ртом воздух. Тем не менее, я сильно бью и толкаю, ломаю листья пальмы, режу стволы, рассекаю воздух с приливом сил и скорости.

Это то, кто я есть.

Борец.

Защитник.

Сильнее, чем Буреносец.

Сильнее, чем Вейн.

Без всяких эмоций.

Я не подчиняюсь страху или жалости, или любви. Я все контролирую.

Напоминание питает мое утомленное тело дополнительным взрывом энергии, и я размахиваю лезвием с удвоенной силой. Мои мысли исчезают.

Мой мозг отстраняется, позволяя моим конечностям вспоминать движения самостоятельно. Движение на инстинкте.

Мои мышцы пульсируют, но болью освобождения. Помогая мне прояснить мою цель.

Вейну нужно делать четвертый прорыв.

Я не могу стоять в стороне и ждать, что это произойдет. Я должна вызвать его сама.

Но сейчас?

Мои ноги становятся резиновыми, и я падаю на липкую, покрытую землю. Я тянусь к самому близкому Восточному ветру и тяну его вокруг меня, чтобы помочь охладиться. И когда я слушаю его песню, я понимаю...

Ветер.

Вейн нуждается в максимальном Западном воздействии. Чем больше ветров, обрушиваются на него, тем лучше шанс, что он найдет способ вдохнуть один и позволить ему приспособиться к его сознанию. Услышать его.

Может быть, я не могу позвать Западный ветер к нему.

Но я могу привести его к Западному ветру.

Сегодня.

Сейчас.

Это сработает. Я должна верить, что это сработает.

А если это не сработает, я сомневаюсь, что что-либо еще сработает.

Глава 35

Вейн

Я зеваю в десяти зилионный раз, качая головой, когда мои глаза размыто, глядят на бесконечный, пустой участок шоссе. Я нажимаю на кнопку включения кондиционера и направляю на мое лицо, чтобы холодный воздух не давал мне спать.

- Ты знаешь, когда ты сказала, что придешь и забереешь меня чуть раньше, - говорю я Одри, - Я думал, что четыре тридцать... кстати, еще слишком рано. Но два часа ночи? Ты пытаешься убить меня?

- Мне нужно знать, будет ли это работать. - Она кажется слишком внимательной в это время ночи. Она никогда не устает?

Ее слова ударяют меня.

- Будет ли? Я думал, ты сказала, что это будет работать.

Она мнетя на месте.

- Ничто не гарантировано. Но это должно сработать.

Следует целое множество различных тем, а что будет.

- А если нет?

Тишина.

Думаю, что это означает, что нет Плана Б. Хотя, честно, я удивлен, что она нашла План А.

Мы проезжаем знак, на котором написано "Лос -Анджелес 81 миля".

Я стону.

- Напомни мне, почему мы не летим туда?

- Я не уверена, что у меня хватит энергии, чтобы доставить нас туда и обратно.

Изменение в ее голосе заставляет меня повернуться к ней. Она возится с концами ее косы. Она делает так всегда, когда она что-то скрывает от меня. Меня так и подмывает спросить ее об этом, но у меня есть и другие вопросы, о которых стоит спросить. Как мне кажется, этот поездка полтора часа непрерывного "Спроси Одра" времени, и я получу ответы на некоторые вопросы.

- Таким образом, - говорю я, пытаюсь выяснить, как начать, - предполагается, что это сработает, и у меня будет Западный прорыв или что бы то ни было, куда мы идем для этого?

Она соображает, так как не продумала это заранее. Что раскрывает то, насколько она не уверена.

- Я предполагаю, что свяжусь со своей матерью, таким образом, она сможет послать сообщение Бурям.

- Твоя мать? Твоя мать та, к которой ты ходила несколько ночей назад?

Которая отвергла твой запрос о резерве?

- Она помогает настолько, насколько может.

Я фыркаю.

- Если бы это было правдой, у нас бы была вся армия на нашей стороне.

- Она тоже защитник, Вейн. Она связана своей присягой служить, так же, как и я. Личные связи не могут мешать.

Ее голос спокойный. Командный.

Я не куплюсь на то, что ей все равно. Я имею в виду, чувак, я вовсе не связана своими родителями, и я все еще знаю, что они сделают что угодно, чтобы обеспечить мою безопасность. Даже если это означает нарушать закон или присягу или кодекс или что бы то ни было. И это то, как это должно быть.

Поэтому я не могу удержаться от того, чтобы сказать, - Она кажется жесткой.

- Может быть, - бормочет она шепотом. - Тем более, что...

Я знаю, что она имеет в виду, хотя она и не заканчивает фразу.

- Она была лучше до этого?

- Иногда.

Она замолкает, и я понимаю, что это все, что она скажет. Но затем она добавляет, - Раньше она любила смотреть, как я заставляю птиц танцевать.

- Танцевать? - я не могу избавиться от картинки, как кучка голубей дергают шеями под ритм.

- Если я соединяюсь с птицей, я могу приказать, чтобы она порхала и вращалась и просматривала небо. Моя мать раньше лежала рядом со мной на траве, и мы наблюдали, как они несутся сквозь облака. Она сказала, что это был один из способов, которым я напомнила ей о себе.

Голос ее звучит теплее, светлее от воспоминания.

- Так, что делает твоя мать как защитник... кроме того как отвергает дочь в трудное для нее время?

Одри игнорирует мой укол.

- Она продолжает смотреть за ветрами. Она может чувствовать такие вещи в порывах ветра... следы, предупреждения и секреты... и она использует птиц, чтобы передать эту информацию Силам Бури, чтобы они знали о возможных опасностях. Сейчас она использует свой дар, чтобы удерживать Буреносцов так долго, как она может и посылает предупреждения, когда они приближаются. Я жду вестей от нее в любой день.

В любой день.

Я знаю, что идет быстрый обратный отсчет, но у меня бегут мурашки, когда я слышу, как мало нам осталось.

- Так какое имя у моей мамы? - спрашиваю я частично, чтобы переключиться на что-то другое, но в основном, потому что хочу знать реально ли имя, которое я слышал во сне.

- Арелла.

- Арелла. - Это объясняет, почему она единственная, кто сказал моему отцу, что мы должны были двигаться снова. Она, должно быть, рано поймала след Буреносца.

Это также означает, что Одри мне солгала, когда сказала, мои воспоминания ушли навсегда. Я так и понял. Но теперь я знаю точно.

Я должен знать почему.

Пока ни один из фрагментов, которые вернулись, не дали мне ключ к разгадке. И я едва начал погружаться в сон сегодня вечером, когда Одри стянула с меня одеяло и вытащила меня из постели. Что, кстати, было очень сексуально. Она может...

- Ты, меня, слышишь? - спрашивает Одри.

- Прости, что ты сказала?

- Я сказала, что Бури пошлют подкрепление, если у тебя будет четвертый прорыв сегодня вечером.

О, конечно. Пошлют помощь после того, как у меня появится прорыв, который сделает меня неукротимым или что-то в этом роде. Зачем защищать меня сейчас, когда я уязвим? Идиоты.

Она вздыхает.

- Это правда, и ты это знаешь. Ты действительно ждешь, что я буду считать, что ты не возражаешь против этого, они скорее позволят тебе пожертвовать собой, чтобы спасти меня, чем послать тебе некоторый резерв?

- Они просто верят в меня. Считают, что я достаточно сильна, чтобы справиться с этим.

- Даже если они это сделают, они по-прежнему будут рисковать твоей жизнью. И моей.

Она не может поспорить с этим.

- И как это, в самом деле, мне поможет, если ты принесешь себя в жертву? Даже если ты сдержишь Буреносцев, это позволит мне сидеть здесь, как утке, без возможности связаться с Силами Бури, просто сидеть и ждать когда Райне пришлет кого-нибудь еще за мной. Блестящий план, ребята.

- Это будет не так. Моя мама должна будет знать, что случилось и послать за Силами Бури немедленно.

- Так почему бы просто сперва не сделать это? Почему нужно позволять ее дочери умереть?

- Я не понимаю.

- Ты права. Что за люди ожидают, пока кто-то пожертвует жизнью, чтобы спасти другого, когда могут послать за помощью.

Потому что Силы Бури под постоянной атакой Райдена. Они не могут кого-то щадить сейчас, просто для того чтобы спасти мою незначительную жизнь.

- Ты не незначительна, - взрываюсь я прежде, чем могу себя остановить.

Она прочищает горло.

- Кроме того, ты не был бы беззащитен. Я должна передать тебе подарок.

Прими мои знания и навыки, позволяя себе вдохнуть меня.

- Почему это звучит так жутко?

- Я уверяю тебя, что это не так. Ты просто не знаешь, как работает окончательная жертва.

Она делает вдох, прежде чем продолжить.

- Мы имеем две формы. Наша земная форма и ветряная форма. Ветряная бесконечная и более мощная. Мы почти неуязвимы для травм, и это дает нам целый арсенал для борьбы. Если ты не имеешь связей с землей, ты сможешь переключаться между формами. Что я и сделала в твоей комнате несколько ночей назад. Это делается редко, так как труднодостижимо и довольно болезненно. Но возможно.

- И если еда или вода попадает в твое тело?

- Тогда части тебя, которые связаны с землей, будут крошиться, и засорять систему, и ты не сможешь их вернуть. Вот почему вода настолько сильно меня ослабила. Я заземлена до тех пор, пока последняя капля не выйдет. Кажется, уже слишком поздняя ночь, чтобы мои мозги поняли концепцию подобную этой.

- Но если это случилось, ты не могла бы, в самом деле, умереть. Ты бы была только ветром, так?

- Да. Но вы постоянно жертвовали своими земными формами. Жизнь, как известно, заканчивается. И окончательная жертва требует пожертвовать ветряной формой так же. Я знаю об этом немного - это случилось лишь один раз, если не считать моего отца.

Ее голос срывается, и она прочищает горло, прежде чем продолжить.

- Как я понимаю, ты позволяешь ветрам разорвать тебя, и затем стать частью бури кусок за куском в единой, массовой бомбарбировке. Твое сознание остается с тобой достаточно долго, чтобы позволить шептать тысячи команд, которые разрезают бурю и уничтожают все внутри. Но ты разбросан вместе с

бурей. И нет способа собрать себя обратно уже до того как исчезнет сознание.

Я напрягаю руки на руле.

Я никоим образом не дам ей сделать это.

- Но если ты откажешься от тебя, ты сможешь послать свои ары кому-то другому. Таким образом, талант не будет потерян. Мой отец, - ее голос прерывается снова, и она останавливается, чтобы сделать вдох. - Мой отец отдал свои знания мне, когда пожертвовал собой. Вот почему я могу так легко путешествовать с ветром. Почему я страж уже в таком юном возрасте. И вот почему я жертвую собой, чтобы отдать таланты тебе.

- Я этого не хочу, - мои руки так сильно дрожат, что дергаются даже плечи. - Я не хочу твоих талантов. Не делай этого, Одри. Меня не волнует, насколько плохо все будет. Обещай мне это.

- Я сделаю это только в самом крайнем случае. Но я принесу эту жертву, если будет нужно. И ничто из того, что ты скажешь или сделаешь, меня не остановит.

Мои ладони пульсируют от того, что я сильно сжимаю руль.

Она ошибается. Существует нечто, что я могу сделать, чтобы остановить ее.

У меня может быть четвертый прорыв.

Я нажимаю сильнее на газ, нарушая скоростной режим и не волнуясь об этом.

У Западного ветра и меня назначено свидание. И у меня нет намерения, пропустить его.

Глава 36

Одри

Соленый воздух поражает меня, как только я открываю автомобильную дверь, и сильный океанский ветер поет на языке, который я не могу понять. Западный.

Вейн паркуется около береговой линии, и мы проходим, через пустую автостоянку к массивному деревянному строению, уходящему в бурящийся океан. Пирс Санта-Моники.

Почти четыре утра, и ночь ясная, тяжелые ветры сметают любой туман или облака. Луна-парк в центре пирса темный, запутанный лабиринт скрученных линий и форм, подсвеченный синим и красным светом, установленным напротив черного, звездного неба. Все магазины и рестораны закрыты.

Единственными освещенными местами являются уличные фонари, показывающие перила вдоль края пирса. Это место было построено для многочисленных толп, но прямо сейчас там пусто, за исключением нескольких рыбаков, молча сидящих на столбиках от скамеек.

Жуткое одиночество. Я чувствую себя открытой... уязвимой... когда я изо всех сил пытаюсь не отставать от Вейна. Он поднимается по деревянной лестнице как человек на задании.

Когда я ступаю на пирс, Западные набирают скорость, заполняя мою голову их незнакомой песней. Это действует на нервы, быть окруженной ветрами, которые я не могу понять. Это как находится в толпе незнакомых людей. Но это место мне знакомо.

Я была здесь однажды, день, который я похоронила глубоко в моей памяти со всеми другими вещами, слишком болезненными, чтобы о них думать. Толпы людей снуют вокруг меня, загораживая меня от Вейна и его совершенно новой семьи, когда они блуждают по пирсу.

Мои утомленные ноги устали стоять в тени, когда его родители покупают банальные рожки мороженого, розовые круглые конфеты, и ведра жареной кукурузы, отправляют его на аттракционы, которые заставляют его переворачиваться крутиться, и вращаться.

Вейн получает совершенную, счастливую жизнь. Я могу только смотреть на расстоянии.

Впервые с момента, когда я присоединилась к Бурям, мне хочется уйти.

Отдохнуть от тренировок, отдохнуть от сражений и убийств. От овладения ветрами. От слежки за Вейном. Сделать что-нибудь для себя.

Я смотрю на чаек, скользящих над рябью воды. Они зовут меня, просят меня присоединиться к ним, и я не перестаю удивляться, как долго я могу летать самостоятельно. Это было достаточно давно, чтобы забыть? Достаточно давно, чтобы быть свободной?

Я шагаю в сторону перил.

Папа Вейна кричит ему, что пора идти, и я покорно возвращаюсь к своим обязанностям. Я следую за ними в причудливое здание с синей отделкой и арочными окнами. Комната отзывается эхом с музыкой и разговорами, и я наблюдаю, как Вейн крутится у карусели, выбирая его любимую лошадь. Он выбирает серого жеребца с красным седлом и черной гривой.

Я перестаю смотреть на знакомое здание, имея необходимость напомнить себе, что это не девять лет назад. Двери заперты, и окна темные, но когда я смотрю искоса через стекло, я вижу, что покрашенные пони уставились на меня безжизненными глазами. И я вижу машину для гаданий, около которой скрывалась я. Место, где я услышала голос, настолько знакомый, что он заставил мое сердце замереть.

- Одри.

- Папа? - Я кричу, привлекая слишком много внимания к себе и не заботясь ни сколько. Я отпихиваю людей со своего пути, подбегаю к каждому человеку, которого я вижу, но ни один из них не он.

Карусель начинает вращаться, и такое чувство, что остальная часть мира кружится вокруг меня. Музыка играет громче, делая труднее его услышать. Труднее думать. Я не могу отделить голоса, и тем более найти того кто мне нужен. Несколько людей спрашивают меня что случилось, но я отпихиваю их. У меня будут большие проблемы с Бурями от того, что я устроила такое зрелище, но мне все равно. Я должна найти своего папу. Сказать ему, что мне жаль. Попросить его остаться.

- Одри.

Я поворачиваюсь к звуку и ловлю взгляд Вейна, когда он проезжает мимо меня. Мы просто пристально смотрим друг на друга в течение нескольких секунд, но это ясно: Он знает меня.

Я ахаю, когда кто-то хватается за плечо.

- Эй, полегче, - говорит Вейн, держа руку ладонью вверх. Показывая, что он не представляет угрозы.

Я хватаюсь за грудь, желая, чтобы я могла залезть внутрь и успокоить мое стучащее сердце.

- Что не так? В одну секунду ты идешь позади меня, а затем я нахожу тебя здесь, прижавшейся к стеклу, белую как призрак.

- Ты видел меня в тот день.

- Что?

После того, как Вейн увидел меня, голос моего отца исчез. Я не знала, была ли часть его действительно там, или это все была какая-то большая ошибка, но я действительно помнила, что обещала ему, что я буду заботиться о Вейне. Я никогда не позволяю себе забыть это. И я никогда не позволяю себе думать о том дне или задаваться вопросом, что это значило. Поэтому, наверное, я пропустила самую важную часть памяти.

- Девять лет назад ты приехал сюда со своей семьей, - напоминаю я ему. - Я следовала за вами, чтобы следить за тобой. И в то время как ты катался на карусели, ты увидел меня в толпе, и ты узнал меня.

Он не должен был узнать меня.

Я должна была быть стерта.

Он уставился в небо, и усмешка медленно расползлась по его губам.

- Я об этом забыл. Это был первый раз, когда я начал думать, что ты реальна. Я хотел спрыгнуть с карусели и найти тебя, но моя мама удерживала меня руками. И к тому моменту, когда карусель остановилась, ты ушла. Я подумал, что, должно быть, вообразил, будто тебя видел.

Несколько секунд тишины проходят, когда я перевариваю это.

- Так как это работает? - спрашивает он. - Как ты заставляешь меня видеть тебя во сне каждую ночь?

- Твои сны обо мне?

Эта идея шевелится как смесь горячего и холодного, я не знаю на каком ощущении остановиться.

- Вот как я тебя узнал, - он понижает голос, когда рыбак проходит мимо, насвистывая мотив, который кажется слишком веселым для такого момента. - Ты мне снилась почти каждую ночь, с тех пор как я себя помню.

Я никогда и не думала. Я полагала, что он распознал меня по тем нескольким случаям, когда я раскрывала себя. Но если я ему снилась...

Есть только один вариант как это возможно. Он мог выделить мой голос из шепота ветра. Мы можем это делать с людьми, о которых беспокоимся. Как когда мне снился отец после того, как присылал свои колыбельные.

Но... как мог Вейн беспокоиться обо мне? Еще до того как воспоминания были стерты, он едва меня знал. И чтобы отыскать мой голос в ветре и приложить его к памяти обо мне... памяти, которая должна была быть утрачена.

Он должен любить меня.

- Ты уверен, что это я? - спрашиваю я, хватаясь за какое-то иное объяснение.
- Поверь мне, это ты.

Существуют дюжины способов любить кого-то. Но как мог Вейн Вестон почувствовать что-то из этого ко мне - особенно тогда?

- Твои волосы всегда распущены, - добавляет он тихо.

- Распущены?

- Да. Не в косе. Они свободные... и красивые.

Его голос мягкий. Нежный. Пропитанный эмоциями, которые он должен выбросить.

Я должна встретить его взгляд, я знаю что увижу. Но меня словно тянет к нему, и когда наши глаза встречаются, я нахожу тот самый напряженный взгляд, который видела много раз на протяжении моих коротких дней в его обществе.

Я чувствую тепло воздуха, когда он делает шаг ближе, и я не могу поверить, что мы снова здесь. Я должна сказать что-то... сделать что-то, чтобы остановить это. Но мысли крутятся слишком быстро. Я не могу думать.

- Почему мы не прилетели сюда, Одри? - спрашивает он. - Ты, должно быть, прилетела сюда, когда следила за мной, когда я был ребенком. Так почему не сегодня... когда мы так спешили?

- Я не могу. - Слова выскакивают прежде, чем я смогу продумать их.

- Не можешь что?

Я оглядываюсь, пытаюсь восстановиться. Пытаюсь не представлять себя в кольце его рук, не окруженную ничем, кроме ветра, темноты, и звезд. Наше тепло смешивается воедино сквозь его руки, соскальзывающие вниз по моей талии...

- Я слишком устала. - Наконец отвечаю я.

- Это из-за воды? - спрашивает он.

Я не хотела посеять в нем сомнения по поводу моей силы. Но ложь намного проще правды. Потому я киваю.

Он делает шаг ближе и прикладывает руку к моей щеке, так мягко. Так нежно.

- Прости, что сделал это с тобой. Я не понимал...

- Я знаю, - шепчу я. Я отклоняюсь назад от его руки, закрывая глаза и давая себе секунду, чтобы позволить его теплу уничтожить испуг от странных ветров и странных воспоминаний. Затем я отворачиваю голову.

- Мы должны приступить к работе. Мы теряем время.

Он делает шаг в сторону.

- Где ты хочешь это сделать?

- Там, в конце. Ветры должно быть самыми сильными.

Я жду, что он повернет и возглавит путь, но он протягивает руку. Когда я не протягиваю руку в ответ, он вздыхает.

- Мы в этом вместе, правильно?

- Да.

- Тогда идем со мной.

Я должна протестовать. Но после эмоциональных американских горок, на которых я только что проехала, я не уверена, что могу продолжать идти самостоятельно.

Я беру его за руку.

Волны высокой температуры быстро отправляются в мою руку, когда наши пальцы соединяются, и я чувствую дрожь Вейна в то же самое время, как и у меня. Ни один из нас не говорит ни слова, когда мы идем к концу пирса.

Такое чувство, что мы оба задерживаем дыхание. Ожидая.

Чего, я не уверена.

Надеюсь, нового начала.

Но в глубине души это чувствуется как начало конца.

Глава 37

Вейн

Мне хотелось наклониться и поцеловать ее так сильно, что я думал, что мое тело может взорваться от накопившегося давления... но я боролся с этим призывом.

Не потому, что я считаю это неправильным. Не потому, что я боюсь ее армии. Черт... если я их будущий король, и тогда я тот, у кого сила. Ни в коем случае я не позволю им обвинить Одри в государственной измене.

Но Одри такая... сломанная.

Как будто что-то разбилось внутри нее несколько лет назад, и до тех пор, пока она не исправит это, она просто будет продолжать отталкивать меня. Я должен ждать, пока она не будет готова.

Ха... я фактически понимаю ее.

Круто.

Чем больше ветры набирают скорость, тем дальше пристань уводит нас в океан. Я стараюсь услышать их песни, но все, что я слышу громкое шипение, похожее на статическое электричество. Мои нервы связывают узлом в большой шар в яме моего живота и к тому времени, когда мы подходим к краю пирса, я хочу переброситься через перила.

Что, если я не могу сделать этого?

Что, если я... дефектный?

Отлично... как будто мне нужно больше давления. Теперь я действительно собираюсь бросить через перила.

Конец пирса пуст, вероятно, потому, что ветер слишком сильный. Я опираюсь на голубые перила и пробую выглядеть более спокойно, чем я себя чувствую.

- Так, как мы это делаем?

- Я не знаю, - признается Одри. - Я думаю, что ты должен расслабиться, закрыть глаза, и я надеюсь, что твои инстинкты сделают остальное.

На самом деле это не большой план. Я не могу придумать ничего лучше, поэтому я плюхаюсь на пустую скамейку. Одри пытается вытянуть свою руку, но я притягиваю ее на скамейку рядом с собой. Достаточно близко,

чтобы наши ноги соприкоснулись. - Ты нужна мне для этого рядом. В случае чего вернуть меня, когда у меня будет прорыв.

Ее тело излучает столько напряженности, сколько и тепла, но она не вырывается.

Хорошо.

Я пытаюсь сосредоточиться на песне. Она чувствуется, как будто пятьдесят человек шепотом кричат на меня на иностранном языке.

- Просто расслабься, - говорит мне Одри. - Позволь своему разуму плыть по ветрам. Следуй за ними и надейся, что они примут тебя.

Это попадает в категорию Советы, которые звучат полезно, но на самом деле не имеют никакого долбанного смысла. Но я стараюсь делать, как она говорит.

Да... это сработает, когда я соображу.

Не помогает, так как скамейка, пожалуй, самое неудобное сиденье, из всех когда-либо изобретенных. Холодные деревянные планки впиваются в спину.

Я сутулюсь, и они впиваются вновь. Я пытаюсь откинуть свою голову назад, но у меня пульсирует шея. Я двигаюсь снова, и мой зад немеет.

- Что ты делаешь? - спрашивает Одри, когда я перемещаюсь снова, на этот раз, ложась поперек скамьи, на спину.

Она, наверное, имеет в виду то, что я положил голову ей на колени. Эй, когда я вижу возможность, я использую ее.

- Ты хочешь, чтобы я мог сконцентрироваться или нет?

Ее глаза сузились, но она не столкнула меня.

Удивительно.

И на самом деле... быть так близко к Одри, это заставляет все остальное исчезнуть. Я останавливаюсь на каждом Западном ветре, когда он скользит по моему лицу, и чувствую притяжение от ветров.

Мое наследие зовет ветры.

Но ветры не отвечают.

Проходят минуты. Или, может быть, часы. Я теряю реальность. Весь мир сужается до меня и этих проектов. И чем больше мой разум тянется за ними, тем быстрее они бегут от меня.

Айзек любит дразнить кошку его сестры лазерной указкой. Я всегда думал, что это было весело... но когда я лежу здесь и цепляюсь за что-то, что настаивает на том, чтобы оставаться вне пределов моей досягаемости, мне жаль, что немая кошка преследует красную точку и никогда не может поймать.

Ветры крутятся и вертятся, и я чувствую, как мое тело двигается с порывами.

Но что бы я ни делал, они не попадают достаточно глубоко внутрь меня, к той части, которая жаждет их так сильно, что фактически болит.

Потом... что-то сдвигается.

Небольшая прядь ветра позволяет мне вдохнуть себя, и она проскальзывает в мое сознание. Она дротик в моей голове, перемешивающий чувства, которые я не могу понять, потому что у меня нет ничего, чтобы скрепить их. Я напрягаюсь, чтобы сосредоточиться, хватаюсь на каждый кусочек себя,

необходимый ветру, чтобы соединиться. Но я не могу найти то, что он хочет, и чем дальше он находится в моей голове, тем более жестоко бьется.

За моими глазами сверкают вспышки, и мой желудок сжимается. Меня тошнит, но я не могу двигаться, не могу думать. Я могу только лежать, пока миллионы различных осколков разрывают мой череп и лопаются в мозгу.

Я слышу свой стон.

- Что случилось?

Это голос Одри. Я должен ответить, но все мое тело захвачено пульсацией. Я больше не Вейн, я комок боли.

- Вейн? - завет Одри. - Вейн, проснись.

Ее теплые руки сжимают мое лицо, или я предполагаю, что они это делают, основываясь на электрических разрядах, которые меня сотрясают.

Но этого недостаточно, чтобы вытащить меня обратно из мучений.

Мой мозг разлетается как пушинки, и я больше не могу бороться. Тьма проглатывает всего меня.

Глава 38

Одри

Ничего не происходит. Это не возможно, что это снова происходит. Все мое тело дрожит, когда я вожусь, чтобы удержать обмякшее тело Вейна.

Я встряхиваю его за плечи, пытаюсь разбудить.

Бесполезно.

Его грудь поднимается и опускается, но дыхание медленное, неглубокое.

Почему он не просыпается?

Я сжимаю руки. Шепчу молитвы в его ухо. Держу его так сильно, как только могу. Все то, что возвращало его раньше.

Нет ответа.

Поэтому, я бью его по лицу. Трясу его. Кричу его имя... не заботясь о том, услышит ли кто-либо меня. Попробую что угодно... все... что я могу придумать.

Он по-прежнему лежит там. Полностью вне моей досягаемости.

Это не похоже на прорыв, когда я видела как его тело завершает работу, отдавшись ветрам. Это, как будто он покинул свое тело целиком, и все, что я держу - это холодная, пустая оболочка.

Я не знаю, как вернуть его обратно.

Я чувствую желчь, когда образ Вейна, проводящего остаток своих дней в пустой оболочке, проносится перед моими глазами. Никчемный.

Безнадежный.

Моя вина.

Я тяжело ударяю кулаком в его грудь, и его дыхание хрипит в легких. Словно предсмертный шум.

Что-то внутри меня ломается.

Все - и страх, и стресс, и злость, и боль, и сожаления, и горе, сомнения, и тоска, и путаница – все поднялось на поверхность с рыданиями.

Он ушел от меня.

Как он мог оставить меня?

И что мне теперь делать?

Ничего.

Ничего, кроме того, чтобы держать его обмякшее тело и плакать. О Вейне. Обо мне. О каждой ошибке, которую я когда-либо сделала.

И в десятиmillionный раз, мне жаль, что я не умерла вместо моего отца.

Он бы знал, что делать.

Может быть, он все еще знает.

Я поворачиваюсь к одинокому Восточному ветру, кружащему над океаном, и зову его к себе.

- Пожалуйста, - шепчу я, набрасывая на нас кокон. - Пожалуйста, Пап - если хоть какой-то кусочек тебя еще здесь, пожалуйста, скажи мне что делать. Я не могу потерять Вейна. Не сейчас. Не так. Помогите мне разбудить его.

Секунды несутся в тишине, и я сдаюсь. Я отпускаю Восточный ветер, позволяю ему лететь с остатками моей надежды.

Я закрываю глаза, баюкая Вейна в моих руках, и прислоняю его голову к моей груди, поливая его рубашку слезами.

- Прости меня, Вейн. Я не знаю, можешь ли ты меня слышать или даже здесь ли ты еще. Но ты меня прости. Не за то, что случилось сейчас. За все.

Это ближе всего, когда я прихожу к исповеди, и когда слова слетают с губ, я чувствую, как крошечная часть бремени покидает меня.

Моя голова немного очищается, и когда это происходит, я улавливаю слабый шепот среди Восточных ветров... один, который я не заметила раньше. Его песня напоминает типичные Восточные мелодии, которые я слышала всю мою жизнь, звучащие, как постоянная борьба за свободу. Но четыре слова выделяются от остальных.

«В клетке, в прошлом»

Ветра можно вызвать, приручить и контролировать. Но они никогда не могут быть в клетке.

Это должно быть сообщение.

Но как Вейн попал в клетку прошлого? Он даже не помнит своего прошлого. Кроме этой проблемы.

Мое сердце колотится так быстро, как и мысли роятся в моей голове.

Что, если его сознание загнали Западные ветры глубокую пропасть разума, которую создала моя мать, чтобы сохранить его воспоминания? Он может быть там пойман в ловушку?

Я поднимаю руки, нащупывая медленный порыв Южного ветра. На мгновение я не нахожу ничего. Потом мягкий зуд жалит мой большой палец на самом дальнем краю моего восприятия.

Мой голос дрожит, когда я призываю их к нам.

Теплый, сонный бриз извивается вокруг меня, и я разлепляю губы, чтобы отправить его в сознание Вейна. Но голос меня предает.

Команда выпустит скрытые воспоминания Вейна.

Все их.

Я обнимаю свои дрожащие плечи и делаю глубокий вдох.

Это больше, чем мой тайный позор, все так изменится, когда Вейн все узнает. Но это ради спасения его жизни.

Если это сработает, напоминает мне моя эгоистичная сторона.

Я не могу поверить, что я сижу здесь, спорю с самой собой, когда Вейн может проскользнуть дальше.

Я хватаю руки Вейна и шепчу команду, игнорируя страх, который наносит удар мне с каждым словом.

«С дыханием скользите, свободно падите. Спрятанное освободите и ко мне верните»

Южные ветры обладают притягивающими свойствами. Некоторая часть нас, которая прикасается к ним, хочет следовать за ними. Потому, когда моя мама уничтожила память Вейна, она послала Южные ветры в его сознание и велела глубоко похоронить воспоминания. Согласно ее плану, все они ушли внутрь, погружаясь так глубоко в его сознание, чтобы никогда не вернуться самостоятельно.

Теперь я выпускаю их снова, надеясь, что они принесут с собой Вейна.

Его шея дергается, когда порыв проникает в его разум, и я сжимаю его руки сильнее, надеясь, что энергия между нами воспрепятствует тому, чтобы его поймал Южный ветер. Это только один слабый ветер, не десятки, которые я раньше вызывала для его прорыва. Но в его измененном состоянии никто не знает, как ветер будет влиять на его сознание.

Его руки дергаются, и дыхание перехватывает.

- Вейн, - я шепчу, наклоняясь ближе. - Пожалуйста, вернись.

Его плечи вздрагивают.

- Вейн, - зову я громче. - Ты должен вернуться. Мы нуждаемся в тебе.

У меня на языке так много слов, слов, которые я не должна произносить.

Прежде, чем я позволяю ему ускользнуть, его глаза открываются, и он делает глубокий, судорожный вдох.

Слезы потоком текут по моему лицу, и я посылаю молчаливые благодарности каждой частичке ветра, которая помогла мне понять что нужно делать. Я не могу поверить, что мой отец заговорил из потустороннего мира. Но я знаю, что меня спасло мое наследие.

Спасло нас.

Вейн ворочается в моих руках, и я прижимаю его к себе, утыкаюсь лицом в его шею.

- Что произошло... - начинает он спрашивать скрипучим, разбитым голосом.

- Шшш. - Я вдыхаю теплый, сладкий запах его кожи. - Все будет хорошо.

Просто отдыхай.

Он не спорит. Просто обвивает меня своими руками и притягивает еще ближе.

Я зову одинокий Восточный ветер и обвиваю его вокруг нас, добавляя свой шепот к его песне. Скамья холодная и твердая, и моему сердцу тяжело от всех эмоций, которые я испытала. Но там, в руках Вейна, я, наконец, расслабляюсь.

Глава 39

Вейн

Я цепляюсь за Одри, боясь потерять свою руку на ней. Боясь потерять контроль над реальностью.

Но ее ритмичные дыхания на моей коже успокаивают меня, и шепот Восточного ветра наполняет мой разум, принуждая меня спать.

На секунду я теряю сознание, внезапная волна воспоминаний охватывает мой разум. Полное детство, нарезанное кубиками. Улыбки, объятия, смех, слезы. Лица, которые знаю. И которых не знаю. Места, которые я не могу опознать. Места, которые ощущаются как дом. Все связано с различными эмоциями: любовь, радость, страх, злость, боль, и сожаление. И ветер. Много и много ветра.

Я хочу разобраться во всем, частички моего прошлого соединяются, и я, наконец, чувствую все. Но это слишком, чтобы принять все за один раз. Мой мозг так сильно пульсирует, что я хочу вырвать его из черепа.

Затем шепот Одри прогоняет прочь хаос, и ее лицо заполняет мои сны впервые за эти дни. Ее темные волосы щекочут мое лицо, и ее печальные глаза смотрят на меня, пока губы произносят слова, вообще-то я их на этот раз понимаю. Приглушенные сожаления.

О чем она сожалеет?

Она не говорит. Просто повторяет “прости” снова, снова и снова. Так тихо, что чувствуется, что она не хочет, чтобы я это слышал. Но я слышу.

Я выдергиваю себя из сна.

- Попробуй расслабиться, - бубнит она. - Возвращение твоих воспоминаний может быть ошеломляющим.

Я резко отодвигаюсь от нее.

- Ты знаешь об этом?

Она хмурится, и садится рядом со мной.

- Твои воспоминания раньше возвращались?

Дерьмо.

- У меня было несколько воспоминаний с момента прорыва, - бормочу я.

Она шипит что-то, звучит это как ругательство.

- Я должна была понимать, что такое может случиться. Южные ветры во время прорыва, возможно, протянули несколько путей через твоё сознание. Понятия не имею, что это значит. Хотя это может сказать мне кое о чем.

- Итак... ты знала, что воспоминания могут вернуться. Забавно, учитывая, что ты мне говорила, что это невозможно.

Она отворачивается, как будто нуждается в пространстве от моего обвинения.

Как я понимаю, да.

- Почему ты лжешь мне?

Ее пальцы трогают косу, скручивая выбившиеся пряди.

- Я думала, что я оберегаю тебя. У тебя было много тяжелых воспоминаний о прошлом. Я честно не понимала, зачем тебе они нужны снова.

Мой мозг прокручивает несколько фрагментов из моих снов. Я все еще не могу в них разобраться. Но есть одно, которое выделяется.

Моя мама... моя настоящая мама.

Я наконец-то могу вспомнить ее лицо.

Мне шесть, и мы в открытом поле, наши руки плотно сжаты, когда она вращает меня так быстро, что ноги открываются от земли, ввинчивая меня в ветер. Это ощущается как полет.

Кружимся и кружимся, пока нас обоих не начинает так тошнить, что мы падаем на траву в приступе хихиканья. Она обхватывает меня руками, и я утыкаюсь лицом в ее спутанные красновато-каштановые волосы, пока он целует мою щеку. Затем она приподнимает мой подбородок, и заставляет меня посмотреть в ее чистые голубые глаза. И говорит, что любит меня. Что она всегда будет со мной. Вне зависимости ни от чего.

Я никогда не чувствовал себя так безопасно и счастливо.

- Потому что есть и хорошие тоже, - напоминаю я Одри. - Доказательство, что мои родители меня любили, и что я любил их. Ты знаешь, как сильно я волновался о том, что потерял семью, потому что я не любил их достаточно, чтобы запомнить? Каким виноватым себя чувствовал.

Моя злость выходит наружу, когда я ловлю то, как она вздрагивает при слове "виноватым".

Бинго.

- Так, мои воспоминания буду продолжать возвращаться? - давлю я на нее.

- Я сняла барьер, фиксирующий их. Я точно не знаю, когда и как они вернутся, но они все вернуться.

- О некоторых из них я должен волноваться?

Она колеблется, прежде чем ответить.

- В твоём... прошлом было много боли.

- Я могу справиться с болью.

- Я надеюсь на это, - ее руки тянутся к пуговицам пальто, она несколько раз сглатывает. - Есть кое-что, что ты должен знать. О том дне, когда умерли твои родители. О том, что случилось с ними.

Мой желудок сжимается, и в моем мозгу вспыхивает дерево, которые мне снилось несколько ночей назад. Покрытое кровью.

Одри имеет какое-то отношение к смерти моих родителей?

Будет иметь значение, если она имеет отношение?

Мое сердце стучит сверхурочно, когда ее губы раскрываются, готовые пролить свет на секрет, который она скрывала так долго.

Если это что-то, что я не могу простить?

Она закрывает глаза, и я задерживаю дыхание.

Все зависит от ее следующих слов... и я не уверен, что готов их услышать.

Глава 40

Одри

Это оно. Время, чтобы убрать слои лжи, которые я накидала на мой тайный стыд, и показать Вейну темную, голую правду.

Если только я смогу найти слова.

Я чувствую себя так, словно мой голос падает, проваливается в яму желудка и путается с горечью, заполняющей меня. Если я попытаюсь вытащить его снова, это превратит меня в раскрошенный, разбросанный хаос.

Я сосредотачиваюсь на утреннем солнце на моей коже. Бризы в воздухе.

Спокойно. Мне нужно сохранять спокойствие.

Все, что я должна сделать, это сказать: Это была моя вина.

Четыре простых слова, которые были итогом моей жизни за последние десять лет. Они мелькают перед глазами, делая мир пятнами. Или, может быть, это мои слезы.

Просто скажи это.

Может быть, он возненавидит меня.

Я заслуживаю этого. Но не знаю, смогу ли я это пережить.

Я могу быть храброй в обучении или в бою... но я трусиха. Я не могу сказать правду Вейну Вестону. Особенно Вейну Вестону.

Это абсурд. Я уже сделала свое признание, когда мне было семь лет.

Тогда он просто прижимал меня сильнее и пропитывал мое плечо слезами.

Сегодня он тоже так прореагирует?

Или он сделает то, что я заслуживаю? Пошлет меня подальше, за то, что предаю его? Уничтожаю его?

Имеет ли это значение?

У Вейна не было четвертого прорыва... и я отказываюсь пробовать еще раз.

Его ум слишком хрупок, слишком перегружен всем, что я протащила через него. Ветры могут затолкнуть его слишком глубоко снова. Или отвлечь его. В любом случае, я не могу рисковать. Не буду рисковать. Вейн слишком важен. Для Бурь.

Для нашего мира.

Для меня... хотя мне не и не следовало позволять ему.

Если у меня есть всего несколько дней, прежде чем я пожертвую собой, слишком ли бессовестно надеяться, что память о содеянном мной не разочарует его, пока я не уйду? Что я покину этот мир, пока еще Вейна Вестона я беспокою.

Это - самое отвратительное, эгоистичное желание, которому я когда-либо поддавалась. Но приближающаяся моя смерть заставляет меня, разрешить это.

Я заставляю себя встретиться с ним глазами.

- Тебе... необходимо знать, что ты смотрел, как умирает твоя мать.

Его рот формирует несколько различных слов, прежде чем он говорит.

- Почему ты говоришь мне это?

- Потому что я не хочу, чтобы ты не наткнулся на это слепо во сне.

- Это было дерево, да? - шепчет он.

Я дрожу, вспоминая, как дерево пронеслось в небе, нацеливаясь прямо на ее сердце. Треск костей и ветвей смешались с криками и стенающим ветром.

- Ты...?

- Еще нет. Но мне снилось, как кровавое дерево летит через бурю. Я помню...

Тишина, которая следует, чувствуется похожей на вакуум, расширяется, закрывает мир, когда Вейн смотрит на горизонт, наблюдая, как белые линии волн бегут у берега. Непреодолимая сила. Как шторм, возглавляющий наш путь. Набрасывается. Готовый рухнуть в любой день.

- Это действительно то, что ты хотела мне сказать? - спрашивает он.

Мое сердце падает, но я выпрямляюсь, чтобы солгать.

- Конечно. А что?

- Не важно. - Он включает свой телефон. - Мы, наверное, должны отправляться. Сейчас десять утра. Я уверен, что моя мама волнуется. - Его телефон подает звуковой сигнал. - Да. Три сообщения голосовой почты.

- Ух, ты, она очень беспокоилась о тебе.

- Я уверен, что она планирует убить меня различными способами. Как только она узнает, что я в порядке, конечно.

- Это потому что она любит тебя. - Я не хочу, чтобы это звучало горькое, но это так.

Вейн резко двигается ко мне, кладя руку мне на колено.

- Твоя мать любит тебя.

Она должна была любить... я думаю. Но не больше.

Я прогоняю печали прочь.

Это не важно.

Ничто больше не имеет значения.

Так что я не стесняюсь взять его за руку, когда он предлагает ее в этот раз... и я не пытаюсь вырваться, пока мы идем к его машине.

Может быть, это все, что я пережила. Может быть, это знание, что мои дни сочтены. Или может быть, я, наконец, сдалась.

Что бы ни случилось, я просто плыву по течению. Так долго, как мне отпущено.

Глава 41

Вейн

Ветры поют сквозь открытые окна, когда мы едем по полосе автострады, и я наблюдаю за Одри уголком глаз. Движение убаюкало ее, она спит, и странно видеть ее настолько умиротворенно. Жесткая линия ее челюсти смягчилась, превращая ее губы в прекрасное сердечко.

Фантазии о поцелуях с ней вспыхивают в моей голове, но я отпихиваю их прочь. Потому что я вижу тоже что-то более глубокое. Что-то, что образует ком в моем горле.

Она сдается.

Мы не говорим о том, что у меня не случилось четвертого прорыва, но оба знаем, что это значит. Я буду недостаточно силен.

Не уверен, что буду делать со своей силой, если ее найду, если смогу бороться. Разрушать. Убивать.

Но я в некотором роде надеялся на то, что если нашел способ понимать Западных ветров, то они должны ответить.

Я наклоняю голову к открытому окну и концентрируюсь на порывах ветра, которые все еще не могу перевести.

- Если я, правда, часть тебя, - шепчу я. - Расскажи мне, как ее спасти. Как спасти нас.

Нет ответа.

Я определенно проиграл. Чего я жду? Какого-то магического голоса, шепчущего мне лучшее решение?

Мне нужен план.

Белые линии на автостраде пятнают полосы, когда я думаю сильнее, чем я когда-либо думал прежде. Мозг - мышца, правильно? Возможно, я просто должен сжать ее.

Пятнадцать минут спустя все, что я получил - огромную головную боль.

Я невероятно благодарен, что она проспала мой эксперимент. Наверное, я выгляжу так, будто у меня запор.

Но там должно быть решение.

Должно. Быть.

Я мог бы ее нокаутировать в любой момент.

Нет способа, которым бы я смог заставить себя причинить вред Одри, но очень плохо, что нет другого способа заставить это случиться. Ведь она не сможет пожертвовать собой, если будет без сознания.

- Ты выглядишь так, словно собираешься порвать вены на лбу, - говорит Одри, заставляя меня подпрыгнуть. - О чем думаешь?

Для нее это странный вопрос. Она редко любопытствует обо мне. Поэтому я решаю быть честным.

- Не хочу, чтобы ты жертвовала собой ради меня.

Она вздыхает.

- Мы это уже проходили.

- Да, и я все еще надеюсь, что ты прекратишь безумные действия. Посмотри в лицо фактам, Одри. У меня может никогда не случиться четвертого прорыва. Потому все должны отбросить свои надежды, навешанные на меня, словно я чудо, на которое каждый молится.

- Ты последний Западный ветер, Вейн. Прорыв или его отсутствие ничего не изменит.

- Вполне уверен, что изменит.

- Нет, не изменит. Прямо сейчас ты неизвестная переменная. Райден не знает, насколько ты силен на самом деле. И пока не знает, ты можем это использовать. Подогревать его беспокойство и отвлекать, пусть ждет, пока не увидит, на что ты способен.

- Прекрасно, итак ты собираешься отдать жизнь, чтобы сохранить тайну.

- Не тайну. Оружие.

От этого слова по моим жилам проскальзывает лед.

- Я не хочу быть оружием.

- Я знаю. - Я почти не слышу ее тихий шепот сквозь ветер. Я не знаю, что с этим делать.

Мы едем в тишине, когда мой автомобиль поднимается на гребни горы, и становится видна Ветровая электростанция Сан Горгонио. Блестящие

ветряные мельницы стоят в линию на холмах, совершенно белые под яркосиним небом, в их лопастях циркулируют ветра.

Через несколько миль мы будем дома.

Я не готов вернуться к реальности. Не с несколькими днями до прихода Буреносцев. Не с родителями, которые будут требовать ответов, которых у меня нет. Не с отсутствием идей как спасти Одри.

Золотые арки появляются на горизонте в тот же момент, когда ее живот урчит.

Вдохновение.

Я меняю полосу, направляясь к обочине.

Если я могу заставить ее жить своей жизнью немного для себя и увидеть, насколько это удивительно, возможно это убедит ее не жертвовать собой.

- Куда мы едем? - спрашивает Одри.

- Мы останавливаемся, чтобы съесть ланч.

Глава 42

Одри

Тяжелый запах масла и соли цепляется за салон машины Вейна, и практически душит меня. Последние лучи утреннего солнца светят сквозь стекло, но Вейн держит окна плотно закрытыми, удерживая запах внутри. Резкие спазмы сжимают мой желудок, но я игнорирую их. Во многом, я не обращаю внимания на влажный пакет с нетронутой пищей, стоящий на приборной панели передо мной.

- Ты даже не попробовала? - спрашивает он снова. Он протягивает картошку фри, пытаясь соблазнить меня.

Мой рот наполняется слюной, но я отрицательно качаю головой и сглатываю со стуком, я чувствую нутром, как я это делаю.

Честно говоря, я не знаю, почему он так удивлен. Это точно не открытие.

- Ты хочешь, есть, - говорит он, когда мой живот урчит. - Ты просто слишком упряма, чтобы признать это.

Я не могу не согласиться с этим. Таким образом, я вырываю страницу из книги утверждений Вейна и просто пожимаю плечами.

Ему, кажется, это не нравится, и он с силой забирает картошку фри обратно.

- Ты так голодаешь, чтобы смогла быть сильной через несколько месяцев, когда, вероятно, даже и нужно-то не будет. Ты не видишь тут несправедливости?

Мой живот урчит, и я снова прижимаю руки к талии, пытаюсь удержать звук.

Пустота в животе чувствуется, как будто она поглощает меня целиком.

Вейн фыркает.

- Так для чего ты это делаешь?

- Что?

- Ты живешь в дерьмовом сожженном доме в середине гребаной пустыни. Ты только спишь. Тебе не разрешают, есть или пить. Это похоже на чью-то попытку тебя наказать.

- Никто не наказывает меня. Я выбрала эту жизнь для себя, потому что это то, чего я захотела.

Это так, напоминаю я себе. И это то, что мой отец попросил меня сделать.

- Тогда почему ты хочешь наказывать себя?

Тишина между нами нарастает. Некрасиво, неудобно, что я могу почувствовать, глядя на себя. Но я никак не могу ее сломать.

Вейн хватает меня за руку снова. Его прикосновение мягкое, нежное, но одновременно жесткое. Он не позволяет мне вырвать руку.

- Почему ты живешь так, словно не важна? Ты важна. Ты важна мне - и не, потому что ты свирепый воин, который собирается пожертвовать собой, с целью спасти меня. Ты важна, потому что ты - это ты.

Он бормочет последние слова, как будто он стеснялся сказать их.

Я стараюсь не смотреть на него, пытаюсь сохранить это мгновение под контролем. Но моя голова, кажется, поворачивается самостоятельно, и мои глаза тянутся к нему.

- Ты единственная постоянная, которая была у меня в жизни. Я потерял все свое прошлое, кроме тебя. Ты оставалась со мной. И возвращалась каждая раз, как я закрывал глаза, - его щеки горят, и он ерзает на сидении. - Я оборачивался, чтобы увидеть ту девушку с длинными темными волосами, обрамляющими лицо. Я оборачивался, чтобы увидеть тебя. Настоящую тебя. Не застегнутого на все пуговицы солдата, которым ты притворяешься.

- Я не притворяюсь.

- Возможно, нет. Но это не то, кто ты.

Я вздрагиваю, когда он тянется к моей косе, водит пальцами по запутанному переплетению.

- У тебя от этого голова не болит? - спрашивает он.

Да.

- Нет.

Он не выглядит убежденным, отпуская мою косу и проводя рукой по рукаву моего жакета.

- Неужели он не душит тебя на жаре пустыни?

Да.

- Нет.

Мы смотрим в окна, когда группа прогуливающихся подростков, смеясь и шутя, прыгают в машину рядом с нами. Они увеличивают звук какой-то пульсирующей песни, как и положено для нормального дня с друзьями.

Я ненавижу себя за то, что завидую им.

- Почему это так важно для тебя, ношу я форму или заплетаю волосы?

- Я просто пытаюсь понять тебя.

- Это легко. Я - защитник. Все, что я делаю - это выполняю клятву, которую я дала. Это жизнь, которую я выбрала. Жизнь, которую я выбрала бы снова.

Мой голос звучит громче, чем я хочу. Оборонительно.

Вейн остается спокойным и тихим, отвечая.

- Так ли это? Или это то, что ты сама себе сказала, потому что в другом случае вынуждена была бы признать, что вся твоя жизнь отстой? И что ты

покаялась уже давно, потому что веришь, что заслужила наказание за что-то содеянное, и с тех пор должна себя мучить?

Даже если он прав, даже если я наказываю себя, я заслуживаю наказания. И он скоро узнает почему. Я должна просто сказать ему. Покончить с этим.

- Ты достойна, быть счастливой, - шепчет он. - Неважно, что ты думаешь или что ты сделала. Ты достойна счастья.

- Я...

- Ты достойна. И разве есть лучшее, чем сейчас, время - когда мы смотрим на бой и даже не можем поучаствовать - чтобы начать? Давай ты распустишь волосы. Выбрось этот ужасный жакет с мусор. Сделай перерыв.

- Я не могу, Вейн.

- Нет. Можешь. Тебе просто нужно отпустить это.

Мой живот снова урчит, и он ругается.

- Ну же, это безумие.

Он выглядит таким убедительным. Таким честным. И он заботится обо мне.

Никто не заботится обо мне... даже я сама.

Он тянется к своему пакету и вытаскивает другую картошку, протягивая ее.

- Ты можешь начать с малого.

Целый мир исчезает, оставляя просто меня, Вейна и ту французскую картошку фри. Ого, выглядит почти столь же заманчиво, как и мальчик, держащий ее.

- Твое тело голодно, Одри. Дай ему одну вещь, которую оно хочет.

Все мои годы обучения кричат, чтобы я сопротивлялась. Отпихнуть его руку прочь и отказаться продлевать дни слабости.

Но глубоко, в глубине душе, крошечный голос шепчет что-то еще. Те же самые слова, которые потом говорит Вейн.

- Чему это может навредить?

Только мне, когда мне придется вынести дополнительные месяцы лишения пищи.

Но я, наверное, погибну через неделю. Почему бы не дать себе маленькую вещь, которую я хочу?

Прежде, чем я могу передумать, я хватаю жареную картошку и пихаю ее в рот. Мой первый кусок реальной еды через десять лет.

И это лучшее, что я когда-либо пробовала.

Глава 43

Вейн

Я не могу поверить, она сделала это.

Я внимательно наблюдаю за ее глазами и ртом, наполовину ожидая, что она все выплюнет в любую секунду. Но она глотает. Затем ее голодные глаза встречаются с моими. Я никогда не видел ее такой застенчивой. Такой робкой. Такой... счастливой.

- Можно мне еще? - шепчет она.

Я тянусь к сумке и беру еще картошку. Она сухая... больше выглядит как черви... и даже не горячая.

- Знаешь что? Если мы собираемся сделать это, то мы сделаем это правильно, - говорю я, беря пакет с колёней и бросая его на заднее сидение. Я не могу поверить, что не подумал об этом в первую очередь.

- Куда мы едем? - спрашивает она, потянувшись к сумке. Я убираю пакет дальше.

- Ни за что. Я не позволю твой первое еде быть холодной картошкой из Макдональдса. Я везу тебя в In-N-Out.

Я нажимаю на педаль газа, надеясь, что она не передумает через пятнадцать минут, которые займет то, чтобы добраться туда. Но она этого не делает. Она даже не стесняйтесь взять меня за руку, когда она вылезает из машины на переполненной стоянке.

Жара ударяет нас как стена, и Одри закатывает рукава ее куртки.

Я останавливаюсь.

- Просто сними ее.

Сопrotивление вспыхивает в ее глазах, но я сжимаю ее руку.

- Давай. Кому это может навредить?

Она вздыхает. Потом отводит руку и начинает расстегивать пуговицы.

Мое сердце отбивает ускоренный марш. Я знаю, что у нее одета откровенная черная майка под курткой... но это не то, что делает действие настолько сексуальным. Ну, хорошо, это помогает. Но горячее всего наблюдать, как для разнообразия она делает что-то, что она хочет сделать.

Мне хочется заставить ее расплести косу, но я не хочу давить на мою удачу.

Итак, я бросаю ее куртку в машину и снова беру ее за руку, и веду в In-N-Out.

- Что хорошего в этом месте? - спрашивает Одри, выглядя немного напуганной толпой.

Ее темные одежды выделяются на фоне ярко белого, красного и желтого цветов ресторана, и я замечаю, как несколько человек таращатся на нее.

Половина из них парни, оценивающие ее.

Я сжимаю ее руку крепче.

- Увидишь.

Я заказываю два комбо №2.

- В зверином стиле, - указываю я.

Брови Одри поднимаются вверх.

- Просто доверься мне, - говорю я ей, беря наши стаканы и наполняя их содовой.

Чудом мы забиваем маленький столик в углу, и я сажаю туда Одри, а сам хватаю кетчуп и салфетки. Пять минут спустя называют наш номер, и я ставлю два идеальных чизбургера с картошкой фри на стол и сажусь, напортив нее.

Одри следит за едой со смесью голода и страха.

- Можешь, есть мало, как хочешь. - Я протягиваю ей чизбургер и посыпаю солью фри. - Но ты не сможешь остановиться, как только ты попробуешь это.

Она держит чизбургер, как инородный предмет, как будто она боится прикоснуться к булочке без бумаги.

Я не могу удержаться от смеха.

- Ты много думаешь. Просто пробуй.

Она смотрит, как я беру огромный кусок... что удивительно, кстати. In-N-Out довел до совершенства чизбургер... но она все еще колеблется.

- Я не могу поверить, что я делаю это.

- Ты уже ела фри, помнишь? Можешь также пойти на это сейчас.

Она, похоже, могла бросить все это и уйти. Затем ее глаза сужаются, спина выпрямляется, и она ныряет в еду, растягивая губы, чтобы больше укусить.

- О. Боже. Мой, - бормочет она с набитым ртом.

Соус стекает с одной стороны ее подбородка, и крошечный кусочек жареного лука прилипает к ее губам, но она никогда не выглядела сексуальнее. Я хочу перепрыгнуть через стол и поцелуем убрать грязь с ее лица.

- Жизнь меняется, верно?

Она только может кивнуть... ее рот уже полный от следующего куска.

В течение десяти минут она съела весь гамбургер и большую часть ее картошки. Она откидывается назад на стул, сжимая живот.

- Ты в порядке. - я надеюсь, что только что не обеспечил ей Мать Всех Болезней Живота.

Одри кивает.

- Я забыла, каково это... быть сытой. - Она переносит свой вес, вытягивая ноги. - Мне так тепло.

- До сих пор не могу поверить, как долго ты лишала себя всего.

- Десять лет. - Ее улыбка исчезает. - Я, вероятно, буду сожалеть об этом позже.

- Только если позволишь себе.

Она устала на стол, играя с частью оставленной картошки.

- Мой отец умер, потому что он поел... я когда-либо рассказывала тебе об этом?

- Нет. - Она никогда не говорила мне ничего о том, что произошло с ее отцом. Кроме того, что он принес себя в жертву, чтобы спасти меня.

Ее пальцы разрывают картошку на крошечные кусочки.

- Мои родители перестали, есть, когда они начали охранять твою семью, они должны были быть максимально сильными. Они все еще кормили меня... я была слишком молода, чтобы лишиться меня пищи... но они никогда не касались еды сами. Моя мать постоянно жаловалась на голодные боли. Бури никогда не требовали такой жертвы от нее раньше. Они никогда ничего не требовали от нее. Она была золотым подарком, и они были так благодарны, что она была на их стороне, они относились к ней как к королеве.

Ее глаза стекленеют, теряясь в воспоминаниях.

- Тогда в один прекрасный день, мой папа и я шли домой с тренировки на лугу, а моя мать ела темно-фиолетовые сливы, она сорвала их с дерева в нашем новом дворе... наш третий дом за много месяцев. Мой отец стал паниковать, но она просто ела, позволяя соку стекать по ее подбородку.

Потом она предложила ему. Он покачал головой, но она сказала ему, что Буреносцы никогда не найдут нас. Что ее дар будет всегда позволять ей чувствовать их, когда они придут, мы убежим.

Потом она сказала ему, - Мы должны жить также и для себя. Он посмотрел на меня... как будто хотел что-то сказать, но я до сих пор не знаю что... затем он сделал гигантский, сочный укус. Мы потратили остальную часть ночи, пируя сливами.

Слеза скатывается по ее щеке, и она вытирает ее. Когда она снова говорит, ее голос едва слышен.

- Пару недель спустя Буреносцы нашли нас. Я не знаю, мог ли мой папа разбить Буреносцев, перейдя в форму ветра во время борьбы. Но у него не было выбора. Он был привязан к земле. Все, что он мог сделать - это пожертвовать собой. Таким образом, так он и сделал.

Я беру ее за руки, и с минуту мы просто держимся друг за друга в переполненном ресторане.

Но мне надо кое-что сказать. Я прочищаю горло.

- Я тот, кто дал тебе воду и ослабил. И я не собираюсь давать Райдену то, чего он хочет... я не могу, даже если захочу. У меня не было прорыва. Так просто... пусть Буреносцы возьмут меня, если уж на то пошло, и пусть остатки Сил Бури придут и спасут меня.

На ее щеках появляется румянец, с тех пор как исчез бургер.

- Ты хоть представляешь, что он с тобой сделает, если поймает?

- Нет, и я стараюсь об этом не думать.

- Он будет мучить тебя, Вейн. - Ее голос слишком громкий, и пара голов, поворачиваются в нашу сторону.

Я охватываю наш мусор и направляюсь к двери. Ни один из нас не говорит, пока мы благополучно не садимся в мой автомобиль. Я завожу мотор и включаю кондиционер. Но мы никуда не едем.

- Он будет мучить тебя, - она повторяется.

- Я уверен, что будет.

- Не думаю, что ты хоть представляешь, что это значит. - Она вздрагивает. - Вещи, которые он сделал - были ужасными. Боль и мучения, ты даже не можешь себе представить.

Я напоминаю себе дышать.

- Я все равно скорее переживу это, чем буду смотреть, как ты умрешь. Я... я не могу себе представить жизнь без тебя, Одри.

Ох, Боже... ну вот. Карты вскрыты.

Я обещал себе, что пойду медленно, постараюсь не напугать ее. Но она зашла так далеко в последний час, и я не могу отделаться от ощущения, будто я, возможно, никогда не смогу сказать это снова. Я просто... должен это сделать.

Я беру ее за руки и, смотрю в лицо единственной девочки, которую я когда-либо действительно хотел.

- Я люблю тебя. - Мой голос дрожит от нервов, и я проклинаяю себя за то, что он звучит как у двенадцатилетнего. Я прочищаю горло, пытаюсь прийти в себя. - Я знаю, что это для тебя неудобно. Но это правда.

- Я не могу, Вейн...

- Нет, ты можешь. Если ты можешь съесть чизбургер... и получить от этого удовольствие... ты можешь позволить себе любить меня. Ты можешь делать все, что угодно. Ты просто должна захотеть.

Я задерживаю дыхание, ожидая ее ответа.

Она не смотрит на меня. Не очень хороший признак.

- Я забочусь о тебе, Вейн, - шепчет она. - Но ты не чизбургер... единственная еда, которая будет вне моей системы через несколько месяцев, как будто ее никогда и не было. Ты - постоянная ошибка.

Постоянная. Ошибка.

Звучит плохо.

Она убирает руки, забирая с ними искру.

- Прости.

Пара слезинок пробежала по ее щекам.

Видеть их делает боль сильнее. Заставляет почувствовать, что все кончено.

Я сделал все, что мог... сказал все, что можно было сказать. И этого не достаточно.

Я включаю заднюю передачу, не глядя на нее. Она застегивает ремень безопасности - правильно, с первой попытки - и отворачивается.

Она не говорит, пока ты не оказываемся на моей подъездной дороге в парке.

- У меня для тебя кое-что есть, - она достается из кармана и потягивает что-то типа медного кабеля, в центре круглое и серебряное нечто. - Носи на правой руке.

Мне не хватает энергии, чтобы спорить, поэтому я поступаю так, как она просит, и она оборачивает плетеный ремешок вокруг запястья и защелкивает медную застежку.

Я поворачиваю запястье, с удивлением обнаруживаю, что кусочек серебра в центр на самом деле маленький компас. Стрелка вращается секунду, а затем останавливается, указывая на Запад.

Одри втягивает воздух.

- Это никогда не срабатывает у меня. Но я не Западная, - она вздыхает. - Это принадлежало твоему отцу, я знаю, хотя у обоих твоих родителей они были. Я нашла его в щебне после бури и сохранила для тебя. Я подумала, ты бы хотел иметь что-то от них.

Медная полоса выглядит изношенной и обветренной, и стекло на компасе поцарапанное и тусклое. Но это идеально.

Одри застегивает жакет, становясь вновь стражем Одри.

- Мы должны придумать план сражения сегодня вечером. Чем лучше подготовимся, чем больше у нас шансов.

Так много вещей, которые я могу... я должен... сказать.

Но я не знаю, какое верное направление.

Одри решает за меня. Она выходит из машины.

Когда она выходит наружу, поворачивает лицо к ветру, закрывая глаза. Это должно быть миролюбивым жестом, но между ее бровей появляется морщинка, а губы плотно сжимаются.

- Что не так? - спрашиваю я, когда она поворачивается кругом, а ее дикие глаза сканируют небо.

Она не отвечает, просто идет к роще, трогая стволы пальм. Ее глаза устремляются к верхушкам деревьев, в поисках чего-то.

- Ты хоть представляешь, сколько у тебя проблем? - кричит моя мама от входной двери.

Дерьмо.

- Знаю, мам. Прости.

- Если тебе жаль, ты сейчас расскажешь мне, что происходит, - она проходит внутрь, качая головой, пока идет впереди меня. - Ты где был?

- В Санта-Монике, - говорю я, только наполовину обращая внимание, когда я поднимаюсь из автомобиля и направляюсь к Одри.

Одри хватает маленького белого голубя, изучает перья на его крыльях. Она мрачнеет с каждым проверенным пером.

- Ты меня слушаешь? - спрашивает мама.

Я поворачиваюсь к ней снова.

Мама вздыхает.

- Я хочу тебе доверять, дорогой, но иногда ты очень усложняешь мне задачу. С тех пор, как она появилась, ты уже не тот. Что это она там делает?

Одри вертит в руках перья голубя, переставляя их, то так, то так. Ее руки дрожат.

- Я не знаю. - Но что-то явно не в порядке.

Я бегу к ней, досадуя на мою маму зато, что она следует за мной, но зная, что я не могу остановить ее.

- Что случилось? - спрашиваю я Одри.

Ее лицо выглядит бледным, когда она смотрит в пространство, не обращая на меня внимания. Она бросает голубя в небо, хлопая крыльями по моему лицу, он улетает.

Долбаные птицы.

- Скажи мне, что случилось, - прошу я.

- Нам просто не хватило времени, - говорит она, наконец, встречая мои глаза.

- Буреносцы будут здесь завтра.

Глава 44

Одри

Я едва могу поверить в слова, когда произношу их. Это не ее обычная птица, но голубь прилетел от моей матери. И я проверила ее сообщение три раза, посчитала и пересчитала каждый знак, которые она сделала в перьях, чтобы убедиться, что я не пропустила ни одного.

Ошибок быть не может.

Но... прошло только четыре дня, с тех пор как я выдала наше местоположение.

Четыре.

Как мы могли потерять столько времени?

Моя мать сказала, что Буреносцы лучшие из шпионов, которых она когда-либо видела. Они видели ее скрытые тропы гораздо быстрее, чем должны были, и теперь они захватили наши.

Они должны быть более мощными, чем я боялась.

Но почему бы им не быть? Райден искал Вейна в течение многих лет. Он послал своих лучших шпионов.

Мой плотный ланч перемешивается в желудке, когда там усаживается страх, и я думаю, что меня стошнит.

- Что ты имеешь в виду, что они будут здесь завтра? - спрашивает Вейн, его лицо пепельного цвета. - Откуда ты это знаешь?

- Погоди... кто придет? Что происходит?

У моего мозга занимает секунду, чтобы понять, что мать Вейна стоит с нами. Но у меня нет времени, чтобы беспокоиться о ней.

- Моя мама отправила мне сообщение, - говорю я с трудом. - Они нашли наш след, и они придут за нами.

Слова заставляют Вейна сделать шаг назад. Я точно знаю, как он себя чувствует.

По крайней мере, у нас есть время подготовиться... хотя у нас его очень мало. Все равно это лучше, чем ничего. У меня есть время, чтобы выработать стратегию. Предвидеть. Направить все по-своему.

Мы не должны пытаться скрыться... риск слишком велик, что они, застигнут нас врасплох. Умнее будет двигаться к месту, где у нас есть преимущество, и призвать их к нам.

Ветровая электростанция.

Порывы сильны там, они дадут нам много боеприпасов. И мы можем скрыться, послать наш след в каждом направлении, таким образом, они не будут знать с какого угла подходить. Острые лезвия ветряных мельниц делают борьбу ветра более опасной... но это тоже будет работать в наших интересах. Я уверена, что Буреносцам приказали быть осторожными после того, что произошло с родителями Вейна. Вейн нужен Райдену живым.

- Переоденься во что-то теплое, - приказываю я Вейну. - Они - Северные, так что это будет ледяной шторм. И поспеши, мы должны двигаться быстро.

- Конечно, нет, - его мать прерывает, преграждает ему путь. - Ты никуда не пойдешь, Вейн. Не до тех пор, пока ты не объяснишь, что, черт возьми, происходит... и даже тогда. Ты действительно думаешь, что я просто проигнорирую то, что ты убежал посреди ночи?

Вейн запускает руку в волосы.

- Мама, ты не понимаешь.

- Так просвети меня.

Он вздыхает.

- Даже если я попытаюсь тебе объяснить, ты не поверишь. Просто доверяй мне.

- Я доверяю тебе. Но я не доверяю ей, - она поворачивается ко мне, ее взгляд более жесткий, чем тот, который я видела у нее в прошлый раз.

Я делаю шаг назад.

- С тех пор как она появилась, ты не можешь быть собой, - говорит она Вейну. - Ты врешь, таишься, игнорируешь друзей. Я знаю, что она тебе нравится, но она недостаточно хороша для тебя, дорогой. Я больше не хочу, чтобы ты бывал в ее обществе.

Слова жалят меня больше, чем должны бы, и я опускаю глаза в пол. Я не хочу, чтобы мама Вейна меня ненавидела. И я ненавижу себя за то, что меня жалит такой мелкий упрек.

- Ты не остановишь меня, мам, - голос Вейна нежный, но твердый. - Я уйду с ней, я должен. И мне нужно, чтобы ты мне сделала одолжение, - он хватается ее за плечи. - Иди за папой, и уходите отсюда так далеко, как сможете. И если какое-то грозное облако будет следовать за вами - все равно продолжайте ехать.

- Грозное облако? - она наклоняется, глядя в его глаза. - Ты на наркотиках? Скажи мне, если да. Я просто хочу тебе помочь.

Вейн смеется, но вообще-то ничего смешного нет.

- Я бы хотел, чтобы все это было большим кислотным путешествием, это было бы намного лучше, чем в действительность. Но нет. Я не могу объяснить, но ты должна послушать меня. Пожалуйста. Я тебе когда-нибудь врал? Ну, по крайней мере, в чем-то важном.

Она долго смотрит на него.

- Ты пугаешь меня, Вейн. Пожалуйста, просто скажите мне, что происходит. Вейн смотрит на меня, и я вижу, какой у него вопрос возникает.

Я отрицательно качаю головой так твердо, как я могу.

Не. Говори. Ей.

Я жалею, что не могу послать эту мысль Вейну в мозг.

Вейн сжимает челюсти, и я знаю, о чем он думает. Жесткая линия его плеч говорит мне, что он собирается игнорировать мой жест.

- Вейн, - я предупреждаю, когда он открывает рот. - Не надо.

- Она имеет право знать.

- Она тебе не поверит.

- Нет, поверю, - вмешивается его мама. - Как ты смеешь говорить ему, что я буду или не буду делать! Скажите мне, Вейн. Пожалуйста.

Время идет, и мягкий Восточный ветер пролетает мимо нас, пение зыбкое, зыбкий мир. Плечи Вейна падают.

- Мне очень жаль, Мама. Я не могу тебе рассказать.

Я с облегчением выдыхаю.

- Но я могу показать тебе, - добавляет он.

Прежде, чем я могу отреагировать, он протягивается руки и шепчет Восточному ветру, просит его обернуться перед ним в мини-торнадо у ног. Его мама задыхается и отскакивает назад, ее глаза блуждают повсюду, так как она не знает, куда смотреть.

- Как? - бормочет она.

- Не говори этого, - приказываю я.

Вейн смотрит на меня, а не на нее, когда он отвечает.

- Я не человек, мама. Я - Странник Ветра.

Глава 45

Вейн

Я не знаю, чего я ожидал. Неверия? Страх? Отвращения?

Все кажется логичной реакцией.

Вместо этого, моя мама говорит, - Ты управляешь ветром. - Как будто все так умеют. Как будто я только что показал ей, что я могу гладить голову и тереть живот одновременно.

- Вроде того, - говорю я, а мой разум крутится так быстро, как циклон, который я создал.

То, что она не психует, заставляет меня заволноваться. Я имею в виду, не кажется ли это вообще странным, что ее сын вообще другого вида?

- Итак, что же такое Странник Ветра? - спрашивает она, по-прежнему очарованная закрученным ветром.

Серьезно... как она это так хорошо воспринимает?

- Вейн, - предупреждает Одри.

- Я - Сильфида, - кричу я, потому что я зашел слишком далеко, чтобы сейчас остановиться. - Я думаю, что я воздушный Элементаль или что в этом роде.

Я могу говорить с ветром, говорить ему, что я хочу, чтобы он сделал.

Я шепчу другую команду, и ветровая воронка затягивается, растягивается где-то высоко над нашими головами, распыляя на нас песок.

Моя мама задыхается, широко распахнув глаза... чудо? Испуг? Я не могу сказать.

- Так вот как ты выжил в торнадо, - шепчет она.

Кто эта женщина, и что она сделала с моей вечно беспокойной матерью?

- Хм... да. Вроде бы. Но ты мне веришь? Именно так?

- Ну, это не совсем просто, - говорит она, поворачиваясь ко мне лицом, - но трудно игнорировать факты.

Она указывает на циклон, который набирает скорость, становясь шире с каждой секундой. Я шепчу команду, чтобы распутать его, и полосы ветров уходят, забрасывая нас галькой и взбивая волосы.

Мама колеблется.

- Хорошо, думаю мне нужно присесть.

Я хватаю ее за плечи, чтобы поддержать ее.

- Наконец... нормальная реакция.

- У нас нет на это времени, - практически рычит Одри.

- Я знаю. Но это важно. - Я поворачиваюсь назад к маме. - Мне жаль, я знаю, что это много, чтобы принять. Я рассказал бы тебе раньше... но я считал, что ты сочла бы странным, все эти "нечеловеческие" вещи. Я, конечно, тоже не поверил, когда Одри рассказала мне.

- Одри, - говорит моя мама, нахмурившись, когда она смотрит на Одри. - Так... она тоже Сильфида?

- Достаточно. - Голос Одри звучит более усталым, чем сердитым. - Ты хоть представляешь, сколько правил ты только что нарушил, Вейн? Ей не разрешено знать все эти вещи.

- Почему нет? Он мой сын.

- Не биологически.

Глаза моей мамы вспыхивают.

- Он мой сын! Как ты смеешь заставлять его хранить секреты от меня?

Одри сжимает челюсти.

Ой-ёй.

Я встаю между ними.

- Ну, мы разберемся со всем этим попозже, ладно? - Я поворачиваюсь к маме, которая по-прежнему выглядит готовой задушить Одри. Я беру ее за плечи, и, заставляя посмотреть на меня.

- Мне нужно, чтобы ты забрала папу с работы, и вы оба должны уехать подальше от этой долины, настолько, насколько сможете.

- Почему?

- Я не могу объяснить все это, мама... но человек, который убил моих родителей, знает, что я здесь. Он послал воинов, чтобы прийти и забрать меня, и они будут здесь завтра. Таким образом, ты должна убраться отсюда, потому что я не знаю, насколько большой будет шторм, и я не смогу спокойно жить, если тебе или папе причинят боль встречные ветры. Ее глаза стекленеют, когда она это обдумывает. Вероятно, скоро последует шок.

- А как насчет тебя? - спрашивает она.

- Одри тренировала меня драться, так мы можем защитить долину.

- Тренировка? Та тренировка, с которой тебя притащили полуживого?

Я морщусь.

- Да. Она была тяжелой. Но это будет тяжелая борьба. Вот почему ты должна убраться отсюда.

- Без тебя ни за что.

Я почти хочу улыбнуться. Она заботиться обо мне, даже зная, что я на самом деле такое.

Но это сейчас не важно.

- Они знают, как меня найти... это означает, что находиться рядом со мной не безопасно.

- Почему?

- Это заняло бы слишком много времени, чтобы объяснять, - отвечает Одри за меня, и я чувствую, что моя мама напрягается. - У нас заканчивается время, как таковое. Просто поверьте мне, когда я говорю, если был бы какой-то другой выход, я бы приняла его.

- И почему я должна верить тебе? - отвечает моя мама. - Ты даже не знаешь эту девочку, Вейн? Откуда ты знаешь, что ей можно доверять? Откуда ты знаешь, что она не связана с ними... этими войнами или еще с чем-нибудь?

Я хочу рассказать маме, но это звучит параноидально. Но мой разум показывает мне Одри, на пристани, рассказывает мне, что у нее есть какой-то секрет о смерти моих родителей... если это даже в чем ее секрет.

Она может быть предателем?

Я гляжу на браслет, который Одри дала мне... браслет, который она скрывала и хранила в течение многих лет после спасения его из шторма для меня.

- Я доверяю Одри свою жизнь, мама.

- Но...

- Что бы вы не чувствовали по отношению ко мне, - вмешивается Одри. - Я поклялась защищать вашего сына любой ценой. Я защищу его ценой своей жизни.

Ее глупое обещание, заставляет мое сердце пропустить удар.

Слова имеют другой эффект на мою маму. Она делает шаги назад от меня, уставившись на ее руки, когда она сжимает их вместе.

- Я собираюсь взять с тебя это обещание, юная леди.

Одри кивает.

Я хочу что-нибудь ударить.

- Пора идти, мама. Мы с Одри много чего должны сделать, и ты должна уехать из этого места так далеко, как сможешь. Не думай, не упаковывай вещи, просто спрячься где-нибудь в безопасном месте.

Слезы появляются на маминых глазах, и она шатается, как будто она не уверенная, в какую сторону идти.

- Тебе лучше быть здесь, когда я вернусь, - говорит она мне.

- Буду. - Я стараюсь быть уверенным в себе, когда она нуждается во мне, но я слышу страх в своем голосе.

Она крепко обнимает меня, интересно, вылезут ли мои глаза от этого из орбит. И я чувствую, что слезы моей мамы впитываются в мою рубашку, это делает все очень и очень реальным.

Мои глаза горят, но я пресекаю ту эмоцию на корню перед любой формой слез.

- Иди, найди папу, и отправляйтесь на восток. Я позвоню тебе, когда на побережье будет ясно.

Она идет к дому, как в тумане, чтобы взять ее кошелек и ключи. Перед тем, как она закрывает дверь автомобиля, она оборачивается и глядит на меня.

- Я люблю тебя, Вейн.

- Я тоже люблю тебя. Скоро увидимся.

- Было бы здорово, - она свирепо смотрит на Одри, когда это говорит.

Потом она заводит машину и задом выезжает с подъездной дорожки, не отрывая взгляд от меня, когда она уезжает.

Это чувствуется, как будто частица меня уходит вместе с ней.

Мне нужно позвонить своим друзьям... предупредить их, чтобы выбрались из города. Но что я им скажу?

Я не могу рассказать им правду.

Мне просто придется бороться изо всех сил, убедиться в том, что бури не проникнут в центр долины.

Одри берет меня за руку.

Это так неожиданно, я не могу сдержаться и поворачиваюсь к ней. Она ничего не говорит, но ее глаза просят меня довериться ей.

Я крепко сжимаю ее руку. Потому что я доверяю ей.

Потом я, отпуская ее, и мчусь внутрь, чтобы переодеться в мою единственную пару джинсов. Мне трудно поверить, что действительно будет достаточно холодно и мне понадобился свитер, но я все равно хватаю его. Я озираюсь, задаваясь вопросом, есть ли что-либо еще, что я должен взять. У нас есть ножи в кухне, но я сомневаюсь, что они мне помогут. У нас нет оружия или меча. Что еще солдаты берут на битву? Аптечку с первой помощью?

Я достаю комплект из-под раковины в ванной и проверяю то, что внутри. Я вполне уверен, что любые раны, которые мы получим, нельзя заживить антисептиком и заклеить пластырем, таким образом, это бессмысленно. Но есть много болеутоляющих, но мы не можем принимать их. Если мы не хотим, чтобы мы ослабли.

Мое сердце останавливается.

Если мне нужно будет вывести Одри из строя, чтобы не дать ей принести себя в жертву, человеческая медицина сделает это. Я не уверен, как я заставлю ее принять таблетки... но я запикиваю пакет в карман, так что он у меня будет, если понадобится. Потом я бегу назад, чтобы найти Одри. Она выглядит готовой к бою, она меряет шагами рошу. Ее куртка плотно застегнута, волосы приглажены, Ветрорез прижат к талии. Я обычно не фанат режима "солдат" Одри, но сейчас он вроде грозный. Она выглядит свирепой. Жестокой. И чертовски сексуальной.

- Готов? - спрашивает она, предлагая свою руку.

Нет. Но я беру ее за руку, во всяком случае, крепко держу, когда она закручивает порывы вокруг нас.

Стоя под голубым небом, трудно поверить, что буря надвигается на нас. Но я ощущаю изменения в ветрах. Они летят быстрее, их песни взбираются и бросаются.

Они знают.

Буреносцы идут.

Глава 46

Одри

Я никогда не чувствовала себя такой разбитой за всю жизнь. Ни одна из моих тренировок не учила меня, как выжить в подобном. Но я делаю все, что могу. Я нашла идеальную оборонительную позицию среди ветряных мельниц, на втором по высоте пике, возле коротких, двулопастных турбин. Они не привлекают к себе внимания, и все они выходят на Восток, от чего для Вейна легче найти Восточный ветер и использовать его. Его навыки являются сильнейшими в моем родном языке. Вероятно, по тому, что я вызывала его лично.

На рассвете я запущу ветер Буреносцов прямо к ветряной электростанции. Надеюсь, что это удержит их бури от распространения по долине, прежде чем мы победим их.

Если мы победим их.

Я отбрасываю сомнения прочь. Я буду уничтожать их. Моими умениями, или моей жертвой.

Я готова.

Я рассмотрела все, чему учила Вейна, удостоверюсь, что он знает свои команды. Он не может сделать многого, но он может позвать ветер, сформировать смерч, помешать себе, упасть и сделать шипы ветра. Ничего не

остаётся делать, кроме как смотреть на закат и прислушиваться к некоторым знакам, когда Буреносцы окажутся рядом.

Я слушаю ветер, но не слышу никаких следов. Если бы моя мама не послала предостережение, я бы была застигнута врасплох.

Я понятия не имею, что она чувствовала, когда знала, что они идут... или как она останавливала их, то немногое, что она делала. Но ясно, что она права. Она намного важнее для Бурь, чем я. Независимо от того, насколько усердно я тренируюсь, насколько я отталкиваю себя, я никогда не смогу конкурировать с ее естественными талантами.

Так оно и должно быть.

Ее дар имеет значение.

Вейн имеет значение.

Я - нет.

Сумерки оседают в долине, рисуя тонкие синие и лиловые облака.

Некоторые, вероятно, назовут это красивым, но для меня это что-то зловещее. Я закрываю глаза и сосредотачиваюсь на Восточном ветре, слушая какие-то решения или рекомендации. Наследие мое, приходи ко мне один раз.

Может быть, опять получится.

Все, что я слышу - это их традиционная песня перемен.

Мы сами по себе.

Вейн вопит. Я открываю глаза, чтобы взглянуть, кто на него напал, когда еще один голубь нарезает круги вокруг его головы.

Я не могу помочь, не ухмыляясь, когда я спасаю беднягу.

Странник ветра боится птиц. Он должно быть первый такой.

- Что это за глупость? - ворчит Вейн.

- Моя мать послала ее.

Я поглаживаю шею голубя, успокаивая его, таким образом, он позволит мне осмотреть крылья, чтобы проверить сообщение. Странно, что голубь отвечает на мое прикосновение... все еще странно для моей матери, послать голубя вместо ее горькой вороны.

Я поняла, что первое сообщение было важным и было отправлено с ближайшей птицей. Но на этот раз она могла воспользоваться любой из ее птиц, но она снова послала голубя. Любимейшую из птиц, потому что они безоговорочно преданные.

Должна быть причина изменения. И я не уверена, что у меня хватит энергии, чтобы справиться с чем бы то ни было.

- Видишь метки в оперении? - объясняю я Вейну, указывая на крылья голубя.

- Это код моей матери, созданный, таким образом, что она может посылать сообщения, которые никто не сможет расшифровать. Она использует птиц, с которыми она связана, приказывая, чтобы они не отдыхали, пока они не передадут сообщение. Она спасает Бури от необходимости посылать важные тайны по ветру, где Райден может услышать их.

Вейн фыркает.

- Вы, ребята, вообще видели сотовый телефон?

- Да, набор химически-заполненного излучения, который ты носишь в кармане весь день. Я понимаю, почему ты так привязан к этой вещи.

Он качает головой.

Я считаю метки на перьях, тройная проверка каждого, чтобы удостовериться, что я правильно понимаю сообщение.

- Что теперь? - спрашивает Вейн.

- Она хочет знать, готовы ли мы.

Он закатывает глаза.

- Скажи ей, что резерв не помешает.

Я игнорирую его, когда повторно маркирую перья своим ответом, наконец, давая моей матери честную оценку нашего затруднительного положения.

Она может также знать, чего ожидать.

У Вейна еще не было четвертого прорыва. Когда я принесу себя в жертву, ты должна будешь прийти и забрать его.

Слезы подступают к моим глазам, когда я выпускаю голубя, и смотрю, как он исчезает в сумерках.

Это последний раз, когда я говорю с моей матерью.

Я не говорю, что люблю ее. Я не говорю, прощай.

Я начала маркировать слова, но я не смогла заставить себя сказать их. Не тогда, когда я не знаю, верны ли они. Или хотела ли она услышать их.

Я не знаю то, что делает меня более грустной... незнание, люблю ли я свою собственную мать или знание, что ей будет все равно, если я не скажу их.

Но слишком поздно для того, чтобы изменить свое мнение. Слишком поздно что-либо изменить.

Я вытираю слезы и опускаюсь на землю, подтягивая колени к груди. Вейн сидит рядом со мной, он обнимает меня за плечи. Я должна отодвинуться, но мне не хватает энергии. И больше нет смысла. Через несколько часов все закончится.

- Мы собираемся пройти через это, - шепчет он.

Я не могу смотреть на него... я слишком близко к разрушению, чтобы позволить ему увидеть мое лицо. Таким образом, я чувствую, а не вижу, что он поворачивает свою голову и прижимается губами к моему виску.

Мягкими как перо. Нежными как бриз. Жар взрывается под моей кожей, будоражащий меня как шквал.

Я задерживаю дыхание. Интересно, если он сделает больше. Интересно, что я буду делать, если он попытается.

Но он вздыхает и отворачивается. Он, наконец, научился уважать мои границы.

Очень плохо. Я не уверена, что они все еще есть.

Силы Бури прогнали бы меня от такой ужасной предательской мысли... но это не сильно волнует. Я не буду рядом так долго, чтобы они могли усомниться в моей лояльности.

Почему бы не наслаждаться тем, не многим временем, что у меня осталось?

Я дышу полной грудью, впитывая аромат кожи Вейна. Чистой и нежной, прямо как Западный ветер.

- Как это началось? - шепчет он. - Шторм, который убил моих родителей. Я только помню все урывками. Я должен иметь представление, во что мы влезаем, - добавляет он, когда видит мое замешательство.

Я отделяюсь от него, нуждаясь в пространстве, если я собираюсь вновь пережить это воспоминание.

- Это началось со спокойствия. Когда вся жизнь и энергия были высосаны из мира. Я помню, как стояла на нашем крыльце, уставившись в небо, задаваясь вопросом, куда ушли ветры. Потом мой отец схватил меня за плечи и сказал бежать... максимально далеко и быстро. Прежде, чем я смогла, было это... рев.

Вейн сжимает мою руку.

- Я никогда не слышала, чтобы ветер были такими яростными раньше. Это был зверь, пришедший, чтобы сожрать нас. Я начала кричать, но мой папа пообещал, что все будет хорошо. Затем он свернул Восточный ветер вокруг меня и отправил меня из бури.

- Но ты побежала обратно? - спрашивает Вейн.

Я сопротивляюсь рыданиям.

- Я до сих пор удивляюсь, стало ли бы все по-другому, если бы я осталась там, куда он послал меня. Если бы ему не надо было помогать мне в буре во второй раз. Может быть, он...

Я не могу этого произнести.

Нежные пальцы Вейна поворачивают мое лицо к нему.

- Вот именно, не так ли? Это то, за что ты наказываешь себя. Ты думаешь, что это была твоя вина?

- Это была моя вина.

Внутри меня все разрывается, когда слова покидают мои губы.

Наконец-то. Наконец-то они произнесены.

Слезы текут по моему лицу, но я не пытаюсь их остановить.

Вейн вытирает их, его прикосновение теплее, чем у Южных ветров.

- Ты не могла предотвратить того, что случилось.

Я не позволю ему разрешить мне сорваться с крючка. Я не заслуживаю этого.

- Это была моя ошибка, Вейн. Все это. Твои родители. Мой отец. Все. Ты не помнишь. Но вспомнишь.

Я встаю и прокладываю между нами пространство, держась спиной к нему.

- Я говорила тебе. Когда ты спас меня из бури, когда мой отец умер, и твои родители тоже, и мир рухнул. Мы прильнули друг к другу и плакали, и я рассказала тебе. Я рассказала тебе, что я сделала.

Я останавливаюсь, мне нужно перевести дух прежде, чем я смогу закончить.

- Что ты сделала? - шепчет Вейн.

Я закрываю глаза, когда то небольшое, что осталось от моего сердца рассыпается в пыль, оставляя меня холодной и пустой.

Еще один глубокий вздох. Тогда я произношу слова.

- Я убила их, Вейн.

Глава 47

Вейн

Ее слова повисли в воздухе: эти смешные, невозможные слова, которые не имеют смысла.

- Ты не убивала их, - говорю я ей.

Она не могла. И не делала этого.

Или сделала?

Нет... она не могла.

- Да, я убила их.

- Так ты начала шторм, который засосал их и поймал в ловушку ветров? Ты направила корягу на мою маму? Это была ты?

- Может быть. - Ее губы двигаются несколько раз, когда она пытается заставить их двигаться. - Я выдала наше местонахождение.

Она плачет настолько сильно, что я хочу помчаться к ней. Обвить ее руками. Но мне нужно знать всю историю сначала.

Она, задыхаясь, всхлипывает.

- Я должна была спасти Гэвина. Он падал, и я не хотела, чтобы он умер, так что я позвала ветер. И потом я солгала родителям. Я могла бы их предупредить, но я боялась попасть в беду. Поэтому я притворилась, будто ничего не произошло. И потом показались Буреносцы, и было уже слишком поздно. Я пыталась помочь, а сделала только еще хуже, и теперь все они мертвы, и это моя вина.

Я провожу руками по лицу, мне нужно мгновение, чтобы переварить полученную информацию.

Ее так много, что она не уложится в двадцать секунд.

Мои ноги трясутся, когда я стою, пытаюсь осмыслить хаос в голове. Каждая деталь проплывает через мой мозг, присоединяясь к сломанным воспоминаниям и связывая их вместе.

Теперь я вспоминаю ее. Стоящую среди хлещущих ветров. Ее лицо залито слезами, грязью и кровью. Рассказывая мне, то же самое, она просто повторяет. Трясется. Всхлипывает.

Я делаю то же, что и тогда.

Я подхожу к ней, притягиваю к себе и держу так крепко, как только могу.

Тогда я это сделал, потому что она была всем, что у меня было. Десять лет спустя я делаю это по той же причине.

Я провожу руками вниз по ее спине, пытаюсь успокоить ее рыдания совершая вертикальные движения.

- Ты не можешь обвинять себя, Одри. Ты была просто ребенком.

- Это моя вина. - Ее голос хриплый и грубый. - Прости.

Моя грудь болит за нее. За испуганную маленькую девочку, которой она была. За твердую, сломленную девушку, которой она стала. Я не могу представить, каково это расти с такой виной на плечах. Неудивительно, что она отталкивает всех.

Больше нет.

- Послушай, - говорю я, ожидая, когда она посмотрит на меня. - Я не виню тебя в том, что произошло. Я никогда не буду винить тебя в том, что произошло. Единственный человек, которого стоит винить - это Райден... нет, не качай головой. Я имею в виду его, Одри. Это. Была. Не. Твоя. Вина. Никто не винит тебя.

- Моя мать. - Она говорит это так тихо, что я не уверен, что я это слышу.

Я сжимаю ее сильнее.

- Тогда твоя мать - дура.

Я уже ненавижу ее за то, что она не выслала подкрепление для Одри, и независимо от того, что она сказала или сделала, чтобы разрушить ее сильную, храбрую, красивую дочь. Я надеюсь, что мы никогда не встретимся, потому что у меня есть чувство, что у меня внезапно не окажется проблем с насилием.

Я беру лицо Одри в ладони, укачивая ее, как будто она хрупкая... потому что она такая и есть.

- Одри, я имею в виду, что снимаю с тебя вину в эту минуту.

- Ты не можешь сделать это.

- Уф... нет, могу. Они были моими родителями. Я должен кого-то винить за их смерть... но это никогда не будешь ты. Никогда.

Ее остекленевшие глаза смотрят в мои, и я хочу наклониться и поцеловать всю ее боль и страх. Хорошо, прекрасно... я также просто хочу поцеловать ее. Но я не буду пользоваться преимуществом как это.

Она должна излечиться сначала.

Я тянусь к ней, перебираю пряди волос, которые выбились и упали на ее лицо.

- Ты сделаешь мне одолжение? Пожалуйста, расплети волосы из этой нелепой косы?

Я знаю, что это просто прическа. Но это также та, сдерживающая вещь, которую она делает, чтобы наказать себя. И я не позволю ей больше этого делать.

Ее руки тянутся к узелку на конце, и я останавливаю их.

- Нет. Давай я.

Она не сопротивляется.

Я помогаю ей сесть на землю, затем сажусь позади нее. В моей голове я представляю этот классный, романтичный момент, как что-то из кино, где скрипки играют на заднем плане и освещение капризное и обольстительное. В действительности, я как-то теряюсь, расплетая ее волосы, запутанные около миллиона различных вариантов и вожусь в три раза дольше, чем это необходимо. Но ведь я - парень. У меня нет большого опыта в заплетании волос.

Одри поворачивается ко мне лицом, когда последние пряди остаются свободными.

Дыхание перехватывает.

Это Одри. Не лютый защитник, всегда готовый к бою. Просто девушка из моих снов. Только теперь она прямо передо мной, и я могу протянуть руку и коснуться ее. Схватить ее. Поцеловать ее.

Я опираюсь на руки и откидываюсь назад.

Я не собираюсь принуждать ее... даже если все во мне кричит, чтобы послать предостережение и провести то, что вполне может быть нашей последней ночью на земле, в путанице тепла губ и конечностей.

Это должен быть ее выбор.

Она тянется за мной, ее нежные пальцы скользят по моим щекам, оставляя следы искр.

Мои глаза фокусируются на ее губах, когда она облизывает их, и наклоняется ближе.

Она собирается сделать это. Она собирается поцеловать меня.

Я борюсь с желанием победно вскинуть кулак в небо.

- Ты красивая, - выдыхаю я вместо этого.

Она наклоняется ближе. Наши носы соприкасаются. Я удерживаюсь от того, чтобы сократить расстояние.

Это должна сделать она.

Она вздыхает и закрывает глаза.

- О чем ты думаешь? - спрашивает женский голос. В. Последний. Момент.

- Ну же! - кричу я, когда Одри отскакивает назад, как будто у меня чума.

Я поворачиваюсь и впиваюсь взглядом в женщину.

Ее длинные темные волосы заплетены в тугую косу, и она одета в такую же форму, как и Одри, но без куртки. Только футболка. Гэвин сидит у нее на плече... и, клянусь, он смеется надо мной своими крошечными красно-оранжевыми глазами.

Она медленно выпускает драматический вздох, позволяя ему прокатиться по ее телу, когда она качает головой и фокусируется на Одри, которая занята, пытаясь убрать ее волосы в какую-то неряшливую косу.

- Не нужно важничать, Одри. Я уже видела более чем достаточно. Но с этим мы разберемся позже. На данный момент, почему бы тебе не познакомить нас?

Одри закрывает глаза и сглатывает, - Вейн, это моя...

- Да, я знаю, - я прерываю... потому что, даже если я не видел ее в своих снах, фамильное сходство на лицо.

Мать Одри наконец прибыла.

Глава 48

Одри

Я хочу вырыть яму в земле и исчезнуть в ней на всю оставшуюся вечность.

Но я не доставлю моей матери удовольствие наблюдать за моим падением.

Я отряхиваю пыль со штанов, когда встаю. Я встряхиваю ноги, и мои волосы летят мне в лицо, заставляя меня чувствовать себя неаккуратной и слабой. Но мой голос силен, когда я спрашиваю, - Что ты здесь делаешь?

Прохладный ночной ветер хлещет вокруг нас, и моя мать вздрагивает, прижимая ее руки к груди, сжимаясь и закрывая глаза, когда порыв жалит ее кожу. Ее голос напрягается, когда она, наконец, открывает глаза и спрашивает, - Ты действительно думаешь, что я хотела, чтобы ты встречала Буреносцев одна?

Да.

- Ты действительно думаешь, что я хотела, чтобы моей единственной дочери... моему единственному ребенку... пришлось принести себя в жертву, если бы был способ избежать этого?

Да.

- Да. - Ответ приходит от Вейна, а не от меня.

Моя мать выпрямляется, разглаживая ткань своей футболки, когда она поворачивается к нему лицом.

- Кажется, что моя дочь не дала тебе точное представление обо мне.

- На самом деле, тот факт, что вы не вызвали подмогу, говорит о многом. - Его голос звучит холоднее и жестче, чем я когда-либо слышала.

Ее глаза сужаются.

- Это потому, что я рассчитываю на тебя, что ты, наконец-то, станешь настоящим Западным ветром. И я надеялась, что ты окажешься менее бесполезным, чем другие.

- Эй, - говорит Вейн, в ту же секунду как Гэвин визжит.

- Достаточно. - Я тру, виски и поднимаю руки, чтобы все замолчали. - Тогда почему ты говорила мне, что ты не будешь сражаться со мной? - спрашиваю я у мамы.

Она вздыхает.

- Я подумала, что если я дам тебе дополнительную мотивацию, ты, наконец, подтолкнуло бы к прорыву, который вы и должны были сделать вместе. Но я всегда планировала драться на твоей стороне, если это не сработает. Поэтому я здесь. И, похоже, я прибыла вовремя, чтобы избавить тебя от ошибки. Мои щеки горят. Мое тело горит. Но есть немного разочарования... больше, чем я хочу признавать.

Моя мать прочищает горло, вырывая меня из воспоминания о губах Вейна.

- Я только сразу хочу сказать, - говорит она, положив свою руку на бедро, как будто она выговаривает это нескольким малышам. - Я готова сделать вид, что я не нашла вас обоих в таком неудобном положении, когда прилетела, но только потому, что это никогда не случится снова?

Я говорю "да" в то же самое время, как Вейн говорит "нет".

- Что? - вскрикивает он, заставляя Гэвина снова взвизгнуть.

Моя мать поглаживает, перья Гэвина и бормочет мягкие слова, чтобы успокоить его. В течение секунды я безмолвна. Гэвин единственная птица, которую моя мать никогда не касалась, обвиняя его так же, как она винила меня в том, что произошло. Я не знаю, что и чувствовать, когда он нюхает ее пальцы, находясь полностью в ее руках.

- Мне жаль, Вейн, - говорит моя мама ему. - К сожалению, ты не волен принимать это решение.

Она пользуется тем же мягким тоном, которым она разговаривала с Гэвином, но Вейна не так-то просто успокоить.

- Мы еще посмотрим, - говорит он.

Он смотрит на меня, умоляя меня сказать что-нибудь. Но я могу только отвернуться.

С моей матерью здесь, у меня может быть шанс пережить эту борьбу. Что означает, что я буду жить, чтобы стоять перед последствиями моих действий, если я свяжусь с Вейном Вестоном. Позор. Позор. Удаленная от Бурь, единственная вещь, которая дает мою жизненную цель. И вот если они не отвергнут меня за измену.

- Так вот оно что, потом? Мама показывается, и я ничего не значу?

Я не могу ничего сказать, тогда я поднимаю руку, и Гэвин летит на мое запястье. Я глажу мягкие, пятнистые перья на груди, радуясь отвлечению.

- Я никогда не знал, что ты такая трусиха, - говорит Вейн, раня меня каждым словом, как острым камнем.

Слова жалят... больше, чем он думает. Главным образом потому, что они правдивы. Я не храбрая, чтобы бороться с Бурями за то, чтобы быть с ним.

Я заталкиваю мои слезы назад.

Мама испускает еще один эпический вздох.

- Когда я сказала тебе показывать, что ты любишь его, Одри, я не имела в виду, что ты должна полюбить его.

- Что? - кричит Вейн, и я не могу удержаться от взгляда на него. - Твоя мать надоумила тебя?

- Нет. Это не... Я не... - Я отправляю Гэвина на насест, так я могу убрать мои глупые волосы с лица. Ветер продолжает кидать их в мои глаза. - Я не готова для этого разговора.

Он фыркает.

- Верно. Сказано достаточно. В самом деле, я сделаю это очень легким для тебя.

Он уходит прочь, и когда он исчезает в темноте, моя мама подходит ко мне. Ее лицо окрашено сочувствием, но я знаю, что она думает на самом деле, *"Посмотрите, как Одри вывернула все снова"*.

- Он зализет раны и справится с этим. Это не постоянный вред, - говорит она мне, кладя руку на плечо.

Я скидываю ее руку. Даже если она ведет себя искренне, она не заслужила право неожиданно действовать, как любящая мать.

И возможно она права... возможно, это хорошо. Но мысль о Вейне, идущем вперед, делает мне физически плохо. Знать, что он находится где-то в тени, думая, что я только симулировала заботу.

- Было несколько бурных дней? - спрашивает мама, когда я оказываюсь на земле, упираясь спиной в холодное основание ветряной мельницы.

- Ты можешь так сказать.

- Ну, к сожалению, все станет только сложнее. - Ее рука движется по ее золотым манжетам, потирая замысловатых черных птиц. - Есть еще одна причина, по которой я нахожусь здесь... просто я не хочу говорить это перед Вейном. Не хочу беспокоить его.

Верно. Только я получаю беспокойство.

Я смотрю вниз, отказываясь задавать следующий вопрос. Я устала от ее контроля наших бесед.

Она закрывает глаза и тянется вверх, размахивая руками в воздухе.

- Есть что-то другое в этих Буреносцах. Что-то неестественное в том, как они приближаются. Столько волнений в ветрах.

Боль просачивается в ее черты, и она складывается пополам, обнимая ноги, когда все ее тело дрожит, и слабый стон ускользает сквозь ее губы.

Я никогда не видела, чтобы ветра влияли на нее так сильно, и к тому

времени, я понимаю, что мне, вероятно, следует попытаться стабилизировать

ее, защитить ее... как всегда делал мой отец... она уже выпрямилась. Но ее руки сцеплены на животе, как будто она, возможно, больна.

- Я не знаю, что все, что я чувствую, означает, - она задыхается, делая рваные вдохи. - Но я думаю, что можно с уверенностью сказать, что мы находимся все цело в бою.

- Тогда, возможно, мне нужно воспользоваться экстренным вызовом.

- Нет! - Ее резкий тон отражается от ветряных мельниц, и ее пальцы снова начинают потирать черных птиц на ее манжетах, когда она пытается успокоиться, прежде чем продолжить. - Бури не могут спасти несколько защитников... сколько раз я должна говорить тебе? Они слишком слабы для этого. Ты понятия не имеешь.

Она начинает шагать, приближаясь к теням.

- Я не могу понять, почему у Вейна не было последнего прорыва. Ты должна была подтолкнуть его сильнее.

- Еще сильнее, и он был бы мертв. Я сделала три прорыва за двадцать четыре часа... и ветер почти утащил его. Я привезла его на Запад, и окружили его Западными ветрами. Он даже дышал частью одного, но он затянул его так глубоко в его сознание, что он почти исчез. Мне пришлось выпустить его воспоминания, чтобы вернуть его обратно.

Гэвин визжит, когда она подбегает ко мне и хватает меня за плечи.

- Ты выпустила его воспоминания?

Я гляжу на ее тонкие пальцы, врезающиеся в мою кожу. Точно как тогда, когда я сказала ей, что мой отец прислал мне свой дар много лет назад.

- Почему?

Ее губы расходятся, а затем замирают. Он отпускает меня и отворачивается.

- Я просто... всегда думала, что это был наш последний шанс. Что возможно, его родители научили его чему-то, что поможет ему найти свое наследие. Но если ты выпустила его воспоминания, и у него до сих пор не было прорыва... Ее голос угасает.

Я опускаю плечи, стараясь не отставать от хаотичных сдвигов настроения моей матери. Я никогда не видела ее такой нестабильной. Она, кажется, почти... потерянная. Хрупкая.

Гэвин ярко смотрит на меня сквозь тьму.

- Зачем ты привела его сюда?

Она поворачивается ко мне лицом, но не поднимает глаз.

- Когда я получила твое сообщение, я последовала за твоим следом, но он привела меня в твой дом. Я не понимаю, как ты жила в такой...

- Лачуге? - закончила я, когда она не смогла.

Она кивает. Она смотрит на меня, и что-то возникает в выражении ее лица, чего я не видела ни разу. У меня уходит секунда, чтобы осознать, что это жалость.

Или может быть сожаление.

- Ты не смогла найти нигде лучшего жилья? - спрашивает она через несколько секунд.

Я пожимаю плечами. Честно говоря, я не искала. Мне не нужен был комфорт. Мне нужно выполнять свою работу.

Она заламывает руки.

- Хорошо, я увидела там Гэвин, и... Я подумала, что настало время помириться.

Мне пришлось сжать челюсть, чтобы удержать ее от падения.

Я знаю, что означает каждое слово, которое произнесла она, но звуча из маминых губ, они казались иностранными.

- Ты действительно была готова пожертвовать собой? - прошептала она.

- Я поклялась. Я намерена сдержать клятву.

Она молчит достаточно долго, чтобы заставить меня волноваться, и ее пальцы сжимают настолько сильно ее манжет, что я удивлена, что частички черного не отслаиваются.

- Что? - наконец спрашиваю я.

- Ничего. Просто... ты действительно дочь своего отца.

Слова греют.

Это все, чего я когда-либо хотела.

- Вы двое были всегда, как облака и небо... идеальная пара. Иногда я не знала, принадлежала я этому соединению.

Я не могу прочитать ее тон. Слова грустные, но звучат... как рана.

Я прочищаю горло.

- Небо будет пустым без птиц.

Она приближается ко мне, когда пытается почувствовать меня таким же способом, как она делает это с ветрами. Но она не подходит ближе.

Я закрываю глаза, концентрируюсь на ветрах, бушующих по коже, бросающих распущенные волосы. Они поют о крошечных шагах, которые вызывают изменение. Рябь на воде.

Я не уверена, готова ли все сломать.

- Мы должны отправить Гэвина домой, - говорю я. - Он может мешать.

Моя мать опускает руку и кивает.

- Я позабочусь об этом.

Она зовет Гэвина, и когда он садится ей на плечо, я с удивлением понимаю, что я ей доверяю.

Я поворачиваюсь, чтобы уйти... а затем поворачиваюсь назад и прочищаю горло.

- Спасибо, что ты пришла, помочь.

Проходит несколько бесконечных секунд. Потом моя мать шепчет, - Всегда, пожалуйста.

Это маленький, неохотный шаг. Но, может быть, со временем это приведет нас у чему-то лучшему.

Глава 49

Вейн

Мы были так. Чертовски. Близко.

Еще секунда и я бы наконец-то узнал, что чувствуешь, когда целуешь девушку, которую любишь.

Красные огни на ветряных мельницах подмигивают мне сквозь тьму. Почти, так как будто они издеваются надо мной. Я хочу кричать, или бросать вещи или... Я не знаю, просто что-то делать.

Я пинаю ближайшую мельницу.

Боль стреляет по моей ноге, и я заставляю себя сесть, прежде чем я выставлю себя действительно глупо и пойду противостоять Одри снова.

Я наклоняюсь к мельнице и потираю дрожащие ноги. Мои глаза замечают браслет с компасом, вспоминаю что Одри застегнула его на моем запястье - после того как хранила его для меня на протяжении десяти лет.

Она не могла притворяться. Наша связь слишком глубока. И я не могу поверить, что она уже подошла так близко к тому, чтобы поцеловать меня, если все это было спектаклем.

Но если это, правда, почему она не пошлет ее глупые правила и не впустит меня? Почему она выбирает Бури, а не меня?

Раз за разом мое сознание пытается понять чувства Одри, на борту лодки, которой я был затянут. Я не уверен как долго еще смогу выдержать удары ее кнута эмоций.

Проходят часы, и я борюсь, чтобы не заснуть в темной тишине. Но после стольких бессонных ночей и бесконечных дней, я не могу удержаться от погружения в сон.

Я спотыкаюсь в буре. Ледяные порывы заставляют меня дрожать.

Извивающиеся плети ветра тянут и толкают, пытаюсь сбить с ног или разорвать. Каким-то чудом я знаю куда идти, как двигаться и как удержаться на ногах на неровной поверхности.

- Мама? - кричу я в миллионный раз, мое горло хрипит и сохнет. - Папа?

Ветер уносит мои бессмысленные крики. Я опираюсь на порывы и устремляюсь вперед, игнорируя панику, которая растет в моем горле и заставляя меня хотеть метаться.

Я найду их. Все будет хорошо.

Две смутные фигуры проступают сквозь шторм, и я бегу за ними так быстро, как только двигаются мои ноги.

- Мама? Папа?

Я пробивать себе дорогу ближе, но я все еще не могу их разглядеть. Стена ветра отделяет нас... буря в буре.

Я не знаю насколько безопасно пробираться сквозь бурю, но я должен добраться к родителям. Я погружаюсь в ветры и падаю в ледяной воздушный водопад внутреннего вихря, кувыркаюсь по земле.

Я протираю глаза от мусора и грязи. Мое сердце сжимается.

Это не мои родители.

Я узнаю маму Одри. Но мужчина мне не знаком. Я собираюсь позвать на помощь, когда замечаю темное облако, пришитое к рукаву серой униформы.

Штормовое облако.

Я прикрываю рот, чтобы сдержать крик в ту же секунду, когда он выкрикивает что-то, что я не могу понять, и темная ветряная нить закручивается вокруг матери Одри, отрывая ее от земли.

- Ты не можешь меня убить, - кричит она, высовывая одну руку на свободу. - Разве ты не знаешь, кто я?

Он смеется.

- Ты не так сильна, как думаешь.

Она начинает что-то кричать, но он закрывает ее рот толстым порывом.

- Давай посмотрим, насколько ты сильна сейчас. - Он подтягивает прорывы и поднимает ее выше от земли.

Я неуверенно продвигаюсь вперед, планируя толкнуть его, чтобы он отвлекся, и она смогла сбежать. Прежде чем я это делаю, она поднимает свободную руку, сгибает пальцы в костистой хватке и делает резкое движение запястьем.

Порыв ветра поднимает Буреносца и вдавливая его в землю, разбивая его власть над ветрами и выпуская мать Одри. Она падает со стуком на землю, и я не в силах остановить ее падение во время.

Они оба лежат на земле.

Затем Буреносец вскарабкивается на ноги, вытирая кровь с подбородка.

- Ловкий трюк, но у меня есть получше, - он оборачивает ветрами тело, формируя толстый панцирь, покрывающий все, кроме лица. - Теперь я так же несокрушим как мои бури.

Она смеется, темный гортанный звук переворачивает все внутри меня, когда она тянется вверх.

- Тебя можно поразить другими способами.

Она касается своей руки и снова делает резкий поворот запястьем.

Секунду ничего не происходит. Затем где-то в шторме я слышу слабый вопль боли.

Другой Буреносец?

- Что ты сделала? - кричит Буреносец, падая на колени.

Ее черты окрашены яростью.

- Райден понятия не имеет, против кого пошел.

Она поднимает руку снова. Но вот тогда она замечает меня.

Ее глаза встречаются с моими, и в момент отвлечения Буреносец опутывает ее порывом ветра и швыряет ее в каскад воронки. Ветры утягивают ее в темноту.

Буреносец кричит что-то ветрам, обвивающим его, и направляет их туда, откуда слышен другой крик.

Я бегу в противоположную сторону.

Ветры вокруг меня режут, заставляя кожу пульсировать. Я прорываю путь к правому краю вихря, когда другой крик достигает моих ушей через бурю.

Громкий крик.

Одри.

Я пытаюсь увернуться от летящих на меня деревьев, частей домов и камней, пока бегу, но они все равно находят меня. Кровь сочится по ногам и рукам, а она снова кричит, и я следую на голос. Я, наконец, нахожу ее, привязанную стеной торнадо, швыряемую ветром. Обломки летят в ее голову - ветки, краски, и куски бог знает чего. Ей нужна помощь.

Но она от меня слишком далеко. Она даже не знает, что я здесь. Ветер сносит мои крики, прежде чем они достигают ее. Я не знаю, как ей помочь. Я бы хотел, чтобы мои родители научили меня чему-то, что могло бы ее спасти. Простой команде. Хоть какой-нибудь.

Ветры перемещаются. Я спотыкаюсь и падаю на колени, а ветры поднимают Одри все выше, пока она не становится темным пятном в небе. Ее крик обрывается воем ветра, заставляя мой желудок скрутиться и сжаться. Прорыв швыряет ее, как камень.

- Лети, - кричу я.

Она падает быстрее.

Какой-то инстинкт в глубине меня берет верх. Мои руки сжимаются - но я не помню, чтобы заставлял их это делать - и я слышу свой шепот, словно безумное шипение.

Я не знаю, что я сказал. Но ветер понимает меня.

Порыв обертывается вокруг Одри и хватает ее. Недостаточно сильно, чтобы поймать ее, но это замедляет падение. Она упадет на землю достаточно сильно и больно. Но не достаточно сильно, чтобы умереть.

Человек проходит сквозь стену ветра, и я начинаю бежать. Затем я понимаю, что это отец Одри. Он приседает над ней, проверяя ее, перед тем как закинуть ее через плечо.

Я иду к нему, и он прогоняет от меня ледяной ветер.

- Спасибо, - говорит он. - Ты спас моей дочери жизнь.

Я вздрагиваю и просыпаюсь.

Небо темное... но не от ночи.

Это тьма бури.

Облачка пара от моего дыхания повисают в воздухе, я смотрю на них, пытаюсь вспомнить, когда в прошлый раз в пустыне было достаточно холодно, чтобы увидеть мое дыхание. Я тянусь к куртке, борясь с собственными дрожащими руками в попытке накинуть ее на голову. Долина устрашающе безмолвна. Каждая мельница неподвижна.

Затишье перед бурей.

- Они могут быть здесь в любую минуту, - объявляет Арелла.

Я подпрыгиваю, когда она выходит из тени мельницы.

- Эй, ты не думаешь что подглядывать за спящим не правильно. - Бормочу я.

Легкая ухмылка появляется на ее губах.

- Я пришла, чтобы разбудить тебя, но тебе, кажется, снится кошмар.

Скорее воспоминание.

- Где Одри?

- Зачем? Что тебе нужно?

Она сверкает улыбкой, что возможно предполагает, что я могу ей доверять, но я все еще слишком хочу врезать ей за прошлую ночь.

- Мне нужно поговорить с Одри.

Она вздыхает и указывает на противоположную сторону холма, где я замечаю Одри, мечущуюся среди ветряных мельниц. Я направляюсь к ней.

Арелла следует за мной.

- Я могу сам ее найти, - говорю я ей.

- Я иду в качестве сопровождающего.

- Хм, у меня сейчас есть более важные дела, чем пытаться продвинуться в отношениях с вашей дочерью.

- Это не то, что я вижу.

У меня нет времени на эту чушь. Я сделаю все возможное, чтобы игнорировать ее шаги прямо позади меня.

Волосы Одри опять заплетены в косу - и тяжело не смотреть на ее губы, вспоминая как близко они были от того, чтобы прижаться к моим.

Я отгоняю воспоминание.

- Мне нужно поговорить с тобой.

- У нас не так много времени. Я запустила сигнальный порыв около часа назад. Они будут здесь очень скоро.

Я дышу на сложенные ладони, пытаюсь остановить дрожь.

- Хорошо. Я просто подумал, что ты хотела бы знать, я кое-что вспомнил из своего сна. Я говорил с Западным ветром.

Арелла вздыхает, и я смотрю на нее.

- Я не с вами разговариваю.

- Что ты имеешь в виду "говорил с Западным ветром"? - спрашивает Одри.

- Да, Вейн... что ты имеешь в виду? - повторяет Арелла.

Я двигаюсь в сторону Одри, держась спиной к ее маме.

- Это был не твой отец, который спас тебе в буре... по крайней мере, не в первый раз. Это был я. Я позвал ветер, который поймал тебя.

- Но... Я отчетливо помню, мой отец вывел меня из бури, - спорит Одри.

- Да, он это сделал. После того, как я позвал Западный ветер и замедлит твоё падение. Ты не помнишь, перед этим быстро падала?

Она хмурится.

- Я думала, что мой отец послал этот прорыв.

- Нет, это был я.

- Но...

- Если твой отец прислал прорыв, тебе не кажется, что это бы лучше смягчило твоё падение? Ты сильно ударила об землю, верно? Потому что мне не хватило контроля.

Арелла хватается за плечи и разворачивает меня лицом к себе.

- Означает ли это, что у тебя был прорыв?

Ее глаза светятся. Очень ярко. Отчаянно.

Я отдергиваюсь.

- Я не могу вспомнить, что я сказал ветру. И не уверен, что даже тогда знал. Это был больше инстинкт, чем что-то еще.

Ее руки сжимаются в кулаки, когда она отворачивается.

- Так близко.

Расскажите мне об этом.

- Что-то должно было вызвать подобный инстинкт, - говорит Одри.

- Да. Я не хотел, чтобы ты умерла.

Ее взгляд смягчается, и я должен остановить себя, не взять ее руку вновь. Но я подхожу ближе, понижаю голос так, чтобы только она меня слышала.

- Я хотел тебя спасти. И все еще хочу.

Розовый оттенок появляется на ее щеках, когда она смотрит мне в глаза.

Она все еще волнуется.

Арелла прочищает горло, разрушая момент.

Она пытается удержаться.

- Я не пытался...

- Так если я буду угрожать жизни Одри прямо сейчас, - спрашивает она, перебивая меня, - захотят ли твои инстинкты пробудиться снова?

- Э.. наверное, нет... потому что мне хочется верить, что вы не будете убивать собственную дочь, просто чтобы вызвать мой прорыв.

- Тогда ты не понимаешь, насколько важен твой прорыв.

Эта женщина психопатка? Или все Странники Ветра так погрязли в борьбе за власть, что больше ничего не имеет значения?

Я не знаю. Что хуже.

- Надо попробовать, - продолжает Арелла. - Нам нужно нечто, что заставит сработать инстинкты для защиты Одри.

- Даже не думай об этом, - предупреждаю я, когда она движется в направлении Одри. Я прижму ее руки по сторонам, если мне придется. Я помню, что она сделала с Буреносцем во сне.

- Слишком поздно, - прерывает Одри. Она указывает на небо, которое теперь выглядит как гигантский синяк. Громовой рев отражается от гор, заглушая все остальные ее слова.

Буреносцы прибыли.

Глава 50

Одри

В прошлый раз, когда я слышала этот звук, мой отец умер.

Рев проникает в мои уши, расплываясь по венам, прорастая в моих ногах, приковывая меня к земле.

На секунду я не могу дышать, думать, двигаться. Затем появляются воспоминания тренировок.

Я хватаю Вейна за руку.

- Идем со мной. Живо.

- Вейну следует остаться со мной, - говорит моя мать, хватая его за другую руку.

- Он не покинет моего поля зрения.

- Кто из нас более сильный боец? - спрашивает она.

- Кто из нас его защитник? - хватаю я.

- Я остаюсь с Одри, - говорит Вейн, пытаясь вырваться из рук моей матери.

Ее хватка усиливается.

Несколько секунд проходит, когда мы смотрим друг на друга. Затем она отпускает его руку.

- Если его заберут, ты будешь отвечать за это.

- Этого не произойдет.

Она внимательно следит за мной, когда мы двигаемся к нашему местоположению. Потом первые ветры покидают нас, массово бегут Северные. Отвечая на зов Буреносцев.

Моя мать неохотно бежит, занимая свое место на холме прямо под нами. Вейн бежит со мной к группе двухлопастных турбин. Я указываю на ветряную мельницу в центре.

- Сядь там.

- А что насчет тебя?

- Я могу о себе позаботиться. Пожалуйста, - добавляю я, когда он начинает спорить. - Ты должен позволить мне быть в ответе за тебя. Это то, чему меня учили.

Его руки сжимаются в кулаки, говоря мне, что он не хочет с этим соглашаться, но он садится на корточки в тени.

- Не делай глупостей, - приказывает он.

Я знаю, что он имеет в виду, но я не могу этого пообещать.

- Держи руки к ближайшим порывам, так, чтобы ты смог захватить их, если они тебе понадобятся.

Он кивает.

Ветры хлещут ветряные мельницы, превращая их в белое пятно, и я позволяю себе считать, что Вейн, окруженный гигантскими, острыми лезвиями, удержит Буреносцев от использования атаки вихрем. Но я могу чувствовать, как ветры проносятся по краям холмов. Формируют стены. Запирая нас внутри.

Для чего они это делают?

Я взбираюсь на высочайшую мельницу, вытирая взмокшие руки о штаны. Было бы быстрее взлететь, но Буреносцы не знают точно, где мы. Если я призову поток, я могу засветиться как маяк. Я должна карабкаться с помощью рук.

Мои ноги горят, и мои пальцы чувствуются грубыми, но я достигаю вершины и приседаю за лезвия. Я должна быть в состоянии видеть всю долину со своего места, но ветры туманят все вне предгорий. Я все еще могу разобрать две темные воронки, несущиеся через пустыню. Нападение с севера.

Я надеюсь, что моя мать готова. Они первым делом ударят по ее позиции. Пот стрекает по моей спине, когда воронки на внешней стороны ветровой начинают разрушаться, исчезая в облаках песка и пыли. Первая команда Бурносцев окутывает нас арктическим холодом, отражаясь эхом об бьющийся поток. Я никогда не слышала ничего настолько громкого. Это звучит словно три языка ветра вместе. Словно тарабарщина.

Но ветры понимают.

Все вокруг меня меняет направление, устремляется вниз, ныряет, пикирует в противоестественной системе, ищет нас.

Зондирует.

Не похоже на любые поиски из тех, что я видела. Они окунаются и бросаются по воле другого, словно ищут движение или тепло.

Это возможно?

Я ныряю, когда зонд проходит рядом со мной. Он промахивается мимо моей головы на дюймы. Другой несется к моим ногам, и я отпрыгиваю, чтобы его избежать, едва восстанавливая баланс, когда приземляюсь. Я смотрю на Вейна и вижу, что у него дела не лучше. Ветра пикируют и изгибаются вокруг него, заставляя наклоняться, прыгать, и танцевать, чтобы избежать их. Каким хитростям Райден научил своих воинов?

Я избегаю другого зонда и теряю опору, едва поймав один конец платформы, я падаю. Мои мышцы болят, и я сдавливаю свой крик, когда мое плечо смещается. Но я поднимаюсь и встаю в положение, которому Бури научили меня, обхватывая рукой грудь, так я могу вправить кость в сустав. Мои руки трясутся, зная, что это больно, но мышцы не будут разорваны.

Три глубоких вдоха и...

Вой ветра охватывает мой стон, когда раскаленная добела боль наносит удар по моему плечу как горящий ветрорез. Когда я вытираю слезы с глаз, я могу чувствовать, что моя рука снова работает должным образом.

Прежде чем я могу праздновать маленькую победу, звучит еще одно искаженное шипение.

Ветры исчезают. Мгновенно. Как будто кто-то щелкает пальцами и разгоняет сто ветров. Если бы я не видела это сама, я бы не поверила.

Я снова приседаю, шурясь сквозь взбудораженный песок, ожидая их следующий шаг.

Одна минута. Две минуты. Три минуты.

Нет атаки.

Ветры просачиваются обратно, и мой пульс начинает стабилизироваться.

Пока я не слышу их песню.

Я не могу понять ни слова.

Что-то очень неправильно.

Гэвин вопит.

Мое сердце останавливается, когда я вижу точку, прочерчивающую небо.

Направляющуюся прямо ко мне.

Нет. Нет! Моя мать отправила его домой. Зачем он вернулся?

Он кружит над моей мельницей, и я стараюсь передать отчаянное предупреждение: Уходи. Сейчас.

Вместо этого, он визжит снова и ныряет, садясь на мое плечо.

Моя ветряная мельница взрывается.

Турбина раскалывается пополам, металл рассыпается, как будто он сделан из бумаги. Гэвин летит подальше, когда я оказываюсь под ливнем щепок, закрывая глаза одной рукой и хватая ветер другой. Большинство ветров кажутся неправильными... сломанными... и отказываются признавать мой зов. Но мои кончики пальцев достигают Южного ветра, который можно использовать, и я приказываю, чтобы он поймал меня.

Разрушенные потоки ветра скребут по моей коже, словно тупые ножи, пока я плыву в нескольких футах над землей. Я погружаюсь глубже в Южный ветер, чтобы уберечь лицо.

Что они делают с ветрами?

Сквозь поднятый в воздух песок, тяжело что-то разглядеть, но я ловлю быстрое мелькание голубой куртки Вейна, мечущегося передо мной и даже не пытающегося скрыть из виду.

- Прячься! - кричу я, когда еще один всплеск ветра взрывает мельницу прямо перед ним, осыпая его металлическими осколками.

Тяжелая опора разрушается и раскачивается, клонясь прямо перед ним.

Я кричу, когда он карабкается за секунду до того, как стальной столб врезается в землю. Другая мельница взрывается рядом с ним, и он погружается в песок и пропускает большинство осколков.

Я приказываю моему Южному ветру поднести меня к Вейну, но другой шип ветра пронесется мимо меня и мне с трудом удастся увернуться. С силой меня швыряет в мельницу, и звезды вспыхивают в моих глазах, когда моя голова ударяется о металл. Боль разрывает мою концентрацию, и держащий меня ветер относит меня вдаль.

Здесь нет лечебного ветра, чтобы призвать его. Когда я ударяюсь о песок, из меня выбивает дыхание.

- Одри! - кричит Вейн.

Его голос кажется таким далеким, и я не могу сказать потому ли это, что ветер слишком громкий, или потому что его отбросило. Или потому что меня отбросило. Трудно думать сквозь боль.

Я встаю на ноги, вытирая влагу, стекающую вниз по щеке. Моя рука окрашивается красным, но я вытираю ее о штаны и проталкиваюсь вперед. Я чувствую потоки - разные потоки - их можно призвать, но они сломанные, бесполезные ветры.

Буреносцы покалечили воздух.

Покалечили меня.

Я расчехляю свой ветрорез, кромсая жуткие ветры. Но каждый проект, который я разрушаю, делает воздух более густым, как туман. Они цепляются за меня, жалят как иглы, пригибают меня вниз и закрывают мой путь. Но я, так или иначе, устремляюсь вперед. Я должна помочь Вейну.

Дюжины ветров пронзают меня, вкапывают в щебень. Я стряхиваю с себя грязь, камни, метал и бог знает, что еще как раз вовремя, чтобы услышать крик Вейна.

Я мчусь на звук, вытирая кровь и грязь с глаз и рубя туман ветрорезом. В течение одной секунды стена ветренных гадостей раскрывается, и я вижу как две фигуры одетые в серое, стекают с неба. По одному с каждой стороны Вейна.

- Нет! - кричу я, несясь вперед, когда они связывают его массивным серым переплетением ветров.

Стена арктического ветра обрушивается на меня.

Я разрезаю ветер, но он похож на колючий водопад. Сила одолевает меня. Я падаю вдоль скалистой земли, и мне едва удастся удержать мое оружие, когда я тону в порочном, разбитом потоке.

Вейн кричит мое имя.

Я вскакиваю на ноги только чтобы быть отброшенной другим ледяным порывом. Он прищипливает меня к мельнице, разрывая лицо с такой силой, словно в порыве ветра выросли острые шипы.

Я держу ветрорез против потока воздуха, и часть ветра расступается настолько, чтобы показать мне Вейна. Наши глаза встречаются, и он что-то кричит, но я не слышу, это выглядит как *"Не делай этого"*.

Буреносцы выстраивают воздушный смерч и выстреливают им сквозь бурю. Ушли.

Примитивные рыдания разрывают меня, в то время как порывы ветра ударяют в грудь мерзлыми кнутами. Я едва замечаю боль.

Я не позволю им забрать его.

Все над, чем я работала... клялась... сводится к одному.

Моей жертве.

Это мысль должна вызывать во мне дрожь, но наполняет спокойствием.

Интересно, а мой отец чувствовал себя так же?

Я готова.

Я кричу ветрам, умоляя, чтобы они все обвилились вокруг меня, так что я могу отдаться им.

Разрушенные, разоренные порывы не отвечают на мой зов.

Я ничего не могу сделать. Я не могу отдать себя, если ветры меня не берут.

Слезы бегут по моему лицу. Я хочу кричать. Крушить. Разрушать.

Но из-за рева бури я слышу еще один голос.

Смех.

Я открываю глаза и обнаруживаю Буреносца в нескольких футах передо мной. Он приглаживает свои темные волосы и улыбается так же, как лев своей жертве.

- Так-так, мы не позволим тебе принести жертву. Это может разрушить все.

Он хлещет по мне холодным, разрушительным Северным ветром. Другой замораживающий хлыст, на этот раз ударяет меня по лицу.

Он смеется, а я вытираю кровь со щеки.

- Мы преследовали ваши песни ветра по всей пустыне, беспокоясь, что нам противостоит призрак всемогущей Силы Бури. Но мы просто тощая маленькая девчонка с такими же скучными трюками в рукаве, как и у твоего отца. Так плохо для тебя, что на этот раз мы были к ним готовы.

Он хлещет меня снова, ударяя в грудь, отбивая ветры от меня. Он смеется, пока я сухо кашляю и хриплю.

- Не переживай. Если хочешь умереть, это легко устроить.

Я кричу, когда прилив сил, наполняет меня.

Я никогда не хотела умирать.

Я хотела спасти Вейна.

Я спасу Вейна.

Моя хватка усиливается на ветрорезе.

Они могут разорвать ветры. Но они не хотят сломать меня.

Время показать этим Буреносцам, с каким защитником им предстоит иметь дело.

Глава 51

Вейн

Я думал, что закричу, заплачу - возможно, даже опозорю себя - если меня схватят Буреносцы. Храбрость - не мое.

Но когда Буреносцы тащат меня прочь от моей земли, прочь от Одри, от моей жизни, моего мира, я не чувствую страха.

Я чувствую ярость.

Это то, что они сделали с моими родителями. Бесчисленными Западными ветрами.

Они не сделаю это со мной.

Я последний долбаный Западный - и могу сломать дурацкие ветряные путы. Потоки холода, полутвердого воздушного порыва оплетают мои запястья и лодыжки, связывая меня и поднимая в серо-синее небо. Я напрягаюсь, и они напрягаются. Я напрягаюсь сильнее, и они напрягаются еще больше. Не мой самый блестящий момент, но я в отчаянном положении.

Мысли становятся нечеткими, мышцы - мягкими. Это чувствуется, как будто путы ветра тянут меня вниз, истощают мои силы. Я не знаю, возможно, ли это, но я не собираюсь сидеть, сложа руки, и смотреть.

Мелькает Восточный ветер, и я приказываю, чтобы он врезался в мои путы. Он отскакивает, как резина. По крайней мере, это ответ. Я должен быть достаточно высоким, выше жутких разоренных ветров в шторме. Моя кожа все еще помнит, как они прошлись по ней, какими они были грубыми.

Сильными.

Я полагаю, что должен схватиться за нож, прежде чем я уйду. Я могу немного двигать руками... я мог бы ударить Буреносца, когда он приблизится.

Металл рассекает плоть. Кровь брызжет на мою кожу.

Я втягиваю огромными глотками воздух, пытаюсь побороть внезапную тошноту и головокружение.

Я не собираюсь выходить оттуда с радугой и солнцем. Если потребуется насилие, я соберу все мужество, чтобы его использовать.

Не то, чтобы это имеет значение. Я не был достаточно умен, чтобы захватить нож. Все, что я захватил, было, глупым пакетом с обезболивающими таблетками.

Таблетки.

Я изгибаюсь и извиваюсь, напрягая каждый мускул в моем теле, пытаюсь дотянуться до кармана.

Черт возьми... почему я не могу быть более гибким?

Я выбиваю весь воздух из легких и складываюсь в возможно самое неестественное положение, чем когда-либо... ноги выгнуты назад, руки тянутся вниз. Мои глаза слезятся от боли, но пальцы двигаются в карман и нащупывают край пакета с таблетками.

Я зажимаю угол между пальцами, и тяну, моя жизнь зависит от этого... потому что это так. Но пакет не двигается. Я шевелю бедрами, чтобы ослабить его, и он выходит на долю дюйма, но этого недостаточно.

О Боже... это будет больно.

И я так устал. Все, что я хочу сделать, это закрыть глаза, и дать телу расслабиться...

Я встряхиваюсь, просыпаясь. Затем я задерживаю дыхание и напрягаю спину, сгибаюсь. Еще. Чуть-чуть. Я чувствую слезы... и крик вырывается изо рта. Но пакет высвобождается.

Это занимает больше гибкости и напряжения... я клянусь, сейчас я имею право называться мастером йоги... я беру пакет в зубы. Я разрываю его, открываю и выкидываю две гладкие таблетки в мою потную ладонь. Мои пальцы смыкаются вокруг них, прежде чем ветер может забрать их.

Сейчас мне просто нужен способ заставить Буреносцев проглотить их.

Я выплевываю пакет и стараюсь не смотреть, как ветры бросают его обратно и тянут его к земле.

- Я не упаду, - говорю я себе.

- О, мы никогда этого не допустим, - глубокий, жесткий голос говорит позади меня.

Я ненавижу себя за вопль.

Холодные руки обвивают меня, и я лицом к лицу с Буреносцем. Его светлые волнистые волосы и голубые глаза могли бы принадлежать серфингисту, а не бессердечному воину в лоснящейся серой униформе. Я никогда не думал, что Буреносцы выглядят так... по-человечески.

- Если ты замышляешь побег, ты можешь остановиться сейчас, - он дразнит меня. - Ты ничего не можешь предпринять против меня чего бы я, не предвидел.

- Поспорим?

- Громкие слова для кого-то, пойманного в нерушимые узы.

Он выкрикивает что-то непонятное мне, и пути расширяются, а затем сжимаются, но теперь вокруг груди. В кулаке я сжимаю таблетки, но кашляю и борюсь за воздух.

- Отпусти. Меня. - Я знаю, что это глупость, но я уверен, что каждый заложник должен кричать об этом в какой-то момент.

- Нет, не думаю, что будет так.

Его накачанные мышцы и то, что он парит в воздухе, легко доказывает, что он сильнее меня. Но я слишком зол, чтобы бояться.

- Я не могу ждать, чтобы увидеть, что с тобой сделает Одри, когда доберется сюда.

- Это ее имя? Худой девчушки? Такая жестко орудующая ветрорезом? - он наклоняется достаточно близко, чтобы его холодное дыхание накрыло мое лицо. - Ты о ней не волнуйся. Она связана в осушителе.

Все внутри меня падает, словно каменное.

- Осушитель?

Он усмехается.

- Специальная воронка, разработанная нами. Заложник не может двигаться.

Он не может сбежать. Наши голодные ветра выпивают жизнь прямо из жертв. Вроде того, что делают ваши узы, но только по всему телу. Ее последний путь не будет длиться долго.

- Ты лжешь!

- Я пошлю ее эхо, когда это закончится. Пусть ты почувствуешь потерю для себя. И не рассчитывай на другую, что она спасет тебя, - добавляет он, когда я впитываю воздух, чтобы успокоить мой гнев. - Она взлетела как напуганная птица, когда мы нашли, где вы, ребята, скрывались. Мы разыщем ее позже. Затем он толкает меня, посылая кувыркаться прямо по небу, как бесполезный кусок мусора. Я едва замечаю тошноту. Моя голова уже возвращается быстрее. Одри поймана в осушитель?

Арелла бросила нас?

Мое тело, наконец, прекращает вращаться, и я дышу через нос, отказываясь позволять головокружению накрыть меня. Это конец для меня.

Я сжимаю таблетки так сильно, что они трещат.

Черт!

Если только...

Я распыляю то, что остается от таблеток одной рукой, в то время как моя другая, нащупывает Восточный ветер. У меня лишь один выстрел, таким образом, я должен сделать все верно.

Я борюсь с истощением, когда жду, что ветры нахлынут и позволят звуку заглушить мой шепчущий зов. Ветер наматывается вокруг моего запястья, и я молюсь, чтобы Буреносец не заметил, пока не стало слишком поздно.

Я не знаю точную команду для: *"Засунуть это в его долбаное горло"*, так что мне придется импровизировать.

Я изучаю его дыхание, ищу шаблон.

Три.

Два.

Один.

Я кричу, *"Мчись"*, и бросаю измельченные таблетки в порыв.

Белый порошок хлопает его по лицу на середине вдоха, и он втягивает его.

Не совсем так, как я надеялся, но достаточно, чтобы заставить его подавиться.

Он атакует меня, хватая за горло. Его толстые, мясистые пальцы вцепляются в мою кожу, душа меня. Потом его руки начинают дрожать, и я выскользываю из его хватки.

- Что ты со мной сделал? - Гнев в его голосе исчезает, сменяясь страхом, когда он задыхается. Сильно.

Ладно, удушье – это тоже хорошо. И он царапает свою кожу, как будто он заболел крапивницей. Но он определенно не падает в обморок как, рассчитывал я.

Время для плана Б.

Я не знаю, откуда берутся силы, но я толкаю тело, наполовину кувыркаясь, ставя ноги выше головы. Я зову другой Восточный ветер и наматываю его вокруг своих ног.

«Мчись!» - кричу я.

Порыв бросается вперед меня, и я поднимаю ногу выше, прицеливаясь.

Буреносец замечает меня на долю секунды раньше, и пытается увернуться. Но моя нога достаточно длинная, чтобы ударить его в голову так сильно, как только могу.

Я пытаюсь игнорировать трещаще-хрустящий звук от соприкосновения моей обуви с его черепом, но тошнота все равно поражает меня.

Только шок спасает меня от броска через себя, когда голова Буреносца откидывается назад, тонкие линии красного перемещаются вниз по одной стороне его лица. Потом проекты, держащие его, отлетают далеко, и он падает как мертвый груз.

Мертвый.

Не думай об этом. Не думай об этом. Не думай об этом.

Возможно, он проснется прежде, чем он удариться о землю, и остановит свое падение. Или возможно он приземлится в дюне, и она смягчит воздействие.

Или возможно...

Я начинаю давиться.

Я думаю об этом.

Я втягиваю так много воздуха, как только могу, фокусируюсь только на одной мысли, не дающей мне развалиться на части.

У меня не было выбора.

Хорошо, таким образом, мой охранник исчез... но кто знает, когда его злой собрат доберется сюда, и я все еще связан с этими сосущими жизнь узлами в середине долбаного шторма. Все могло быть лучше.

Глубокие вдохи. Думай.

Мне нужен Западный ветер. Это единственное, о чем я могу думать, что может сломать эти глупые нерушимые узлы. Я должен найти способ вызова.

Давай, я знаю это. Я делал это раньше.

Я закрываю глаза и вынуждаю себя вообразить Одри, связанную в осушителя. Я чувствую истощение, но в тысячу раз хуже. Каждая секунда ведет ее ближе к смерти.

Я иду мимо своей боли и гнева. Мимо моих сломанных, рассеянных воспоминаний. Глубоко в мое сознание. Мой разум гудит теплой энергией, и я погружаюсь еще глубже. Помимо страха. Помимо всего.

Все, кроме мягкого, нежного натиска.

Вздох.

Ни единого слова.

Мир.

Как только мой разум касается слова, появляется тепло, толкая меня вперед и наружу. Назад, к свету.

Я открываю глаза и вдыхаю, когда новый голос наполняет мой разум. Тихий, нежный шепот.

Западный.

Зовет меня. Поет для меня.

Это не похоже на другие прорывы, где ветры искушают и дразнят, и обманывают меня. Западный ветер - это я.

И я знаю, как его контролировать.

«Приди ко мне. Раздели свой мир. Вздыхайся и окружай меня. Обезопась мой выход».

Теплый, мягкий поток распутывает мои связи, и ледяные ветры в свою очередь становятся теплыми и расплетенными.

Празднование длится около секунды. Затем я мчусь к земле.

Западные успокаивают мою панику, нашептывают песню мира и защищенности, пока я их призываю и оборачиваю вокруг моего измученного тела. Я умоляю их остаться, и они подчиняются, плотно заворачивая меня в теплый круг воздуха.

Ветряной пузырь. Точно такой же, как мои родители делали раньше.

Слезы выступают на моих глазах, когда я лечу над землей.

Моя семья никогда не чувствовалась настолько близко. Никогда не чувствовалась настолько далеко.

Я стараюсь поглотить настолько можно больше сил и энергии от ветра, насколько я могу.

Затем мои ноги касаются земли, и пузырь лопается.

Я возвращаюсь в эпицентр бури.

Глава 52

Одри

Буреносец бросил меня как песчинку.

Я не могла защититься.

Их сломанные, бесполезные ветры не отвечают на мой зов. Я перерезала так много прорывов, как только могла. Но они заманили меня в ловушку.

Они также заманили в ловушку мою мать? Или она с Вейном?

Внутри вихря холодно. Я не могу видеть. Не могу двигаться. Не слышу ничего, кроме бушующего ветра. Порывы двигаются в унисон, не сотканые или связанные каким-либо образом, но по-прежнему синхронные. Как будто они - один ум.

Воронка глотает каждый порыв, который пересекает ее путь, не оставляя ветров, чтобы призвать на помощь. Нет выхода, кроме смерти. И я чувствую приближение смерти. Ветры, ледяными осколками разрывают меня. Глодают мелкие кусочки меня с каждым взмахом сквозь мою кожу.

Минуты идут. Я теряю им счет.

Моя голова становится нечеткой. Я пытаюсь сосредоточиться на песнях ветра, но их мелодии плоские. Безжизненные. Это разбивает мое сердце, слышать их. Сама их сущность была обнажена, оставляя лишь осколки великолепных проектов, которыми они однажды были.

Также как и я.

В моей жизни никогда не было много радости, тепла или богатства... не без моего отца. Но Вейн наполнил мой пустотой мир трепетом своего прикосновения. Успокаивающий мир в его прощении.

Я должна была поцеловать его, когда у меня был шанс.

Надо было взять один момент чистого, искреннего счастья для себя.

Прижаться губами к его, и пусть пьянящее тепло вспыхнет между нами.

Вкусить его сладость. Затем притянуть его ближе, пока не было бы ничего отделяющего нас, кроме огня и кожи.

Одри.

Фантазия чувствуется настолько реальной, что я почти слышу его голос.

Почти вижу прохладную синеву его глаз. Теплый коричневый цвет его волос.

Небо и земля слились в одно прекрасное лицо.

Одри

Его голос звучит громче. Ближе. Реальнее.

Я провалилась так глубоко в мечту, я потеряла чувство реальности?

Одри.

Я хочу открыть глаза, но у меня нет сил. Я проскользнула слишком далеко.

Одри, держись.

Я хочу делать то, что он говорит. Но я не знаю как. Я проиграла этим скверным ветрам.

Серый силуэт у края темноты и движется в центр, минуя черные повороты.

Моя песня ветра звучит в ушах, готовая застыть.

Ветры сжимаются и напрягаются.

Белый свет взрывается вокруг меня, когда я чувствую, что ускользаю далеко-далеко.

К концу.

Глава 53

Вейн

Я новичок в управлении ветрами, но я никогда не видел ничего подобного той ловушки, в которую поймана Одри.

Серые, меловые ветры вращаются горизонтально между лезвиями двух самых высоких ветряных мельниц, как будто заключенные в собственный гамак/кокон. Одри парит в центре. Бледная. Слабая

Я кричу ее имя. Она не двигается. Не моргает.

- Держись. Я здесь.

Нет никаких признаков другого Буреносца, но это не значит, что его нет рядом. Мне надо торопиться.

Разрушенные ветры проносятся в воздухе, царапая лицо, как наждачная бумага. Но их бредовые песни смешиваются с некоторыми здоровыми порывами, которые прорвались сквозь шторм. Я зову Западный ветер ко мне и оборачиваю его вокруг моей ноги.

Одну секунду я гляжу на острые, вращающиеся лопасти ветряной мельницы, словно схожу с ума. Потом я кричу. - Подними! - и ветры отрывают меня от земли.

Он дергает, переворачивает, и ударяет мне так сильно в столб ветряной мельницы, что я теряю хватку и подаю на землю. Я отряхиваю пыль и зову другой.

То же самое.

Одри не шутила, когда говорила, что Странникам ветра нужна практика. Я пытаюсь снова, и он на этот раз становится выше. Достаточно высоко, чтобы быть почти нарезанным кубиками гигантской лопастью. Я едва выпускаю порыв во время и падаю на землю с глухим стуком, чувствуя синяки на каждой части моего тела.

Ладно... новый план!

Я хватаю каждый здоровый ветер, я могу чувствовать и швырять их в вихрь. Они отскакивают без больших вмятин.

Давай, Западный ветер, скажи мне, что здесь делать.

Я позволяю пройти минуте тишины прежде, чем бросаю эту затею.

Похоже, я сам по себе.

Я вплетаю ветряной шип и направляю его на цель. Но я знаю, что этого не будет достаточно. Ветры, связывающие ее... так или иначе, видоизменены. Мне нужна сила четырех. Ее, как предполагается, не остановить, верно?

Если бы я только понимал, как это совершить.

Я зову к себе Западный ветер и наматываю порыв вокруг шипа. Вселенная не взрывается, так что это хороший знак. Но я все еще должен объединить порыв с другими, и я не знаю какую команду использовать.

Слейся? Объединись? Смешайся?

Я могу почувствовать разницу от того, что я угадаю верную команду, это будет или успех, или катастрофа.

Поглоти? Объединись? Слейся? Сочетайся?

Мне нужен большой словарный запас.

И затем это поражает меня.

Сойдись.

Слово пощипывает мой разум. Что должно означать, что я нахожусь на верном пути.

Я приглаживаю Западный вдоль шипа ветра, останавливаясь.

Поверить своим инстинктам.

Я напрягаю губы, чтобы прошептать команду.

Западный ветер погружается в шип, и порывы сливаются в одно пятно. Я подскакиваю, когда шип выстреливает в воздух, и едва избегают удара по голове. Трещина раскалывает центр шипа, и я ныряю в укрытие, ожидая взрыв. Но не происходит никакого хлопка.

Он колеблется в воздушном пространстве, искривленном и синем, с острым резким концом. Сила и энергия текут сквозь него, и когда я захватываю его, он мягкий как перышко. И холодный. Он соответствует моей хватки, как будто он сделан для меня, и потрескивает как молния.

Мне нравится, как это ощущается, как я держу силу ветра в моей ладони. Хорошо... время для безумной части плана.

Я направляю оружие на один конец вихря, где привязана Одри, и выбираю цель.

Не промахнись.

Черт, хотел бы я больше практиковаться с Одри. Если я промахнусь даже на чуть-чуть...

И даже если он срывается, никто не знает, как ветер может развязаться. Они могли бы легко бросить ее на вращающиеся лопасти.
Мой разум вспыхивает и представляя мне Одри, летящую в ветряную мельницу, измельчаясь и разлетаясь на куски.
Мир вращается, и я хватаюсь за колени, чтобы послать немного крови в мозг.
Когда моя голова прочищается, я гляжу на ее бледное тело, теряющее жизнь, с каждой секундой, что я бездействую.
Я должен это сделать.
Я проверяю бросок три, четыре, пять раз.
На шестой я пускаю ветер.
И.
Он.
Идет мимо.
Возможно, ветры сбились. Возможно, я - лох. Но порыв собирается поразить ее.
Он собирается поразить ее!
Я вскидываю руки в воздухе, пытаюсь схватить его, останавливаю его, изменяя его курс.
Он должен отклониться.
«Отклонись», - кричу я на Западном языке.
И он делает это.
Он образует дугу и ударяет вихрь, где тот соединяется с ветряной мельницей.
Порывы ветра кричат, как бешеные звери, и белая горячка взрывает меня, когда злой серый ветер расплетается. Одри падает, и я приказываю Западному ветру поймать ее, так же, как когда мы были детьми. И на этот раз у меня в руках достаточно силы, чтобы мягко направить ее вниз.
Я подбегаю к ней и падаю на колени, беру ее лицо в ладони. Она не двигается. Еле дышит.
Кожа у нее холодная, так что я сжимаю ее в своих объятиях, и пусть искры бегут между нами.
- Пожалуйста, Одри. Вернись ко мне.
Я прижимаю ее к своей груди. Целую раны на лбу. Порезы и ссадины на щеках. Провожу губами вдоль сильных, красных царапин на ее челюсти. Я восполню каждую боль, каждую рану, которую она получила, защищая меня.
Мои руки, гладят ее руки, стараясь вызвать трение.
Она все еще так холодна.
Настоящий поцелуй может расшевелить ее.
Черт... это заманчиво. Ее губы так рядом. Меня тянет к ним.
Но... называйте меня старомодным, но я вроде хочу, чтобы она была в сознании для нашего первого поцелуя.
Я целую ее снова в лоб.
- Пожалуйста, вернись ко мне, - шепчу я. - Я люблю тебя.
Ничего не происходит в течение нескольких секунд, и я начинаю всхлипывать. Затем ее глаза вздрагивают.
Она стонет.
- Где болит? Что тебе нужно?

Она крутится на моих коленях, выгибает спину, как будто ей больно, и снова стонет. Скорее даже охает.

- Что я могу сделать? - спрашиваю я.

Она возвращается ко мне, и ее глаза фокусируются на моих.

Она морщится.

- Я думала, что никогда не увижу тебя снова.

Я прижимаю ее к себе.

- Мы в безопасности.

Я качаю ее на руках, чувствуя, что моя надежда растет, когда тепло возвращается к ее коже.

- Что с Буреносцами? - спрашивает она.

Я глотаю желчь, когда мой разум воспроизводит воспоминание о изувеченном, безжизненном теле Буреносца-блондина.

- Я позаботился об одном.

Она резко отодвигается от меня, вздрагивая, как будто она только что стала матерью всех главных порывов.

- Где другой?

- Я не знаю. Я не видел его с тех пор, как я освободился. Я думаю, что он давно уже ушел.

- Подумай еще раз, - низкий, злобный голос рычит позади нас.

Мое сердце чуть ли не взрывается, когда я поворачиваюсь к одетой в серую униформу фигуре. У него темные волосы, светлые глаза и квадратная челюсть, его подбородок можно было бы использовать в качестве линейки.

Он ухмыляется.

- Думал, что я буду сидеть, сложа руки и смотреть, что может сделать последний Западный ветер, в случае, если ты будешь молчать как другие, когда мы будем допрашивать тебя. И я должен сказать, что твоя маленькая игрушка впечатляет.

Он указывает на шип ветра, который упал на расстоянии в несколько футов от меня. Он не взорвался как другие. Он должно быть слишком сильный.

- Давай, - я приказываю Западному ветру, и он мчится к моей руке.

Прохладное... управляемое голосом оружие. Неудивительно, что Райден хочет получить силу четырех.

Но он этого не получит.

Я направляю шип в голову Буреносца.

- Отпусти его, сынок, и я сделаю это намного легче для тебя, - говорит он мне.

- Или... - говорю я, когда встаю. Одри пытается встать, но ее ноги разъезжаются. Я встаю перед ней, защищая ее. - А как насчет того, ты сейчас уйдешь, и я не сделаю тебе больно этим?

Я держу край шипа, поэтому он может видеть, как он блестит вдоль края, как настоящий меч.

- Это забавно - наблюдать, как ты играешь в солдата. Но ты забываешь, что я знаю твой вид. Я был с Райденом на всех допросах Западных ветров. Насилие не в твоей крови, мальчик.

- Твой напарник мог бы не согласиться. И он бы не согласился, если бы ни был мертв. - Мой голос вздрагивает на слове, и в глазах тускнеет, но я борюсь за контроль.

Буреносец колеблется. Потом он качает головой.

- Если это правда, должно быть, это был несчастный случай. Ты думаешь, что у тебя есть силы, чтобы нанести мне удар? Разлив мою кровь по всей земле?

Мои руки дрожат.

Он усмехается. - Типичный Западный ветер. Так что давай, переставай делать вид, что есть хоть малейший шанс, что ты не станешь играть с этой игрушкой.

- Это не игрушка, - кричу я, и мой разум мутнеет. Черт, то, как он говорит о допросах, свидетелем которых он стал, отбирает мои слова.

- Вейн, дай мне оружие, - требует Одри. Она может лишь держать его за рукоятку, но я знаю, что он значит для нее...

- Как мило, твоя маленькая подружка тоже хочет поиграть. И я уверен, что она могла бы гораздо лучше угрожать, не будучи наполовину мертвой, прямо сейчас. - Он подмигивает Одри. - Не волнуйся, мы разберемся с тобой до конца дня.

Приглушенный вой вырывается из меня.

- О, он не любит, когда я трогаю его подругу. - Буревестник перемещается на шаг ближе, и я вижу свою цель. Прямо в сердце. Надеюсь, что оно у него есть. Он закатывает глаза.

Затем он бормочет слова, которые я не могу разобрать, и выхватывает оружие. Пойманные мной Северные ветры, сворачиваются вокруг меня как лассо. Я разрезаю их лезвием, и оно распутывается.

Он мрачнеет.

- Как я сказал, твоя игрушка достаточно впечатляющая. Отдай его, подойди спокойно и позволь своей подружке жить.

- Даже не думай об этом, Вейн! - кричит Одри.

Я не обращаю на нее внимание.

- Как я узнаю, что ты не убьешь ее после того, как я сдамся?

- Я думаю, что ты просто должен мне поверить.

- Тогда я думаю, что ты идиот.

Он рычит. Затем молниеносно он выхватывает ветрорез из-за пояса и запускает его в Одри. Я хлестаю его потоком. Его меч взрывается и рассыпается на множество осколков.

- Я могу сделать это весь день, - предупреждаю я его, меняя положение шипа в руках.

Его глаза сужаются.

- Отлично. Я даю тебе свое слово.

- Не достаточно. Если ты хочешь сделку, ты позволишь мне увести ее отсюда с помощью ветра, а потом я вернусь.

- Нет, - кричит Одри. Она неловко шатается, пытаясь встать. Пытаясь остановить меня.

Я отстраняюсь от нее. Ближе к Буреносцу, осторожно держу шип, целясь в него.

- Неужели ты думаешь меня запугать? - спрашивает он. - Ты забываешь, я наблюдал, как твой вид позволял нам мучить ваших жен... детей... и не делал абсолютно ничего, чтобы остановить нас. Ты робкий слабак по своей природе. Ничего не меняется.

Он поддевает меня. Чтобы я доказал, что он не прав... зная, что я не буду этого делать. Для него все это игра. И мне надоело играть.

Я поднимаю шип, целясь ему между глаз.

- Пусть. Одри. Уйдет.

Мои руки трясутся. Мой голос дрожит. Но я имею это в виду.

- Я покончу с этим! - вопит он.

Его тело размывает, его следующие слова - загадка для меня, но я знаю, то чтобы он ни делал, он собирается убить Одри. Сломать меня, чтобы мне не за что было бороться.

Я слежу за своим размахом руки назад, почти как будто она прикреплена к чему-то другому. Легче думать об этом в таком ключе.

Это кто-то другой направляет оружие ему в сердце. Кто-то другой позволяет ему лететь точно в нужный момент. Кто-то другой делает из него отвратительное повидло из плоти и крови.

Кто-то другой.

Но я тот, кто кричит. Я тот, кто падает дрожа. Я тот, кто не может найти вопрос... тот, на который я не хочу знать ответ, но все равно спрошу.

Что я наделал?

Глава 54

Одри

Я кричу, продираясь к Вейну. Так быстро все случилось, я не могу сказать, кто первый упал, или почему.

Он не мертв. Он не может быть мертв. Пожалуйста. Будь. Жив.

Затем мои руки сжимают его, и он все еще теплый. Он свернулся калачиком на боку, дрожа. Но он все еще жив.

Слезы заполняют мои глаза, когда я осматриваю его лицо, его грудь - везде - на предмет крови, раны. Он цел. Никаких повреждений.

Затем я вижу Буреносца.

Шип ветра торчит из его груди зазубренным углом. Толстый, густой поток крови течет рекой, пока части раны разрушаются и утекают на ветру. Его глаза стекленеют. Его губы искривило рычание. Жестокий даже при смерти. Мой желудок тяжелеет.

Вейн стонет.

Затем меня осеняет. Вейн сделал это.

Западный ветер сделал это.

Я притягиваю его ближе, шепча - Шшшшшш, - пытаюсь его успокоить.

Он дрожит, его зубы стучал. Я обнимаю его руками и прижимаю к себе так сильно, так только могу, чтобы передать ему свое тепло. Огонь пробегает между нами, и его глаза достаточно чисты, чтобы встретить мои.

Он рассыпается от рыданий. Низких, глубоких воплей боли и ужаса.

Я притягиваю его голову к своему плечу. Глажу его волосы. Прижимаюсь так плотно, как только могу, боясь, что если отпущу, он рассыплется на миллион кусочков, и я уже никогда не соберу их назад.

Буря успокаивается, и облака рассеиваются, возвращая солнце. Нормальные ветры окружают нас, воспевая надежду и свободу. Но Вейн все еще как лед. Как долго он будет находиться в таком состоянии?

- Все в порядке, - шепчу я. - Все в порядке. Ты не сделал неправильно ни единой вещи.

Он стонет в мою грудь.

- Я действительно это имею в виду, Вейн. Ты не сделал неправильно ни единой вещи.

Он качает головой, и это движение сотрясает все его тело. Я прижимаю его плотнее.

Я не могу представить какво ему сейчас. Я никогда никого не убивала - и я не Западная.

Я должна сказать что-то. То, что ему поможет. Но что за магическая комбинация слов приведет его снова в порядок? Вернет забавного, несносного мальчишку, которого я полюбила.

Полюбила.

Я не позволяла себе кого-либо любить, не с того момента, как умер папа. Но я люблю Вейна Вестона. И я не могу его потерять. Не могу. Я не смогу это пережить.

Я пытаюсь заставить его посмотреть на меня, но его глаза далекие.

Потерянные.

- Ты спас нас, Вейн. Ты принес величайшую, самую замечательную жертву из всех, которые были когда-либо сделаны. Ты меня спас.

Голос меня оставляет. Я потрясена тем, что он для меня сделал. Его близостью. Всем.

Он не двигается. Его глаза остаются остекленевшими.

Мой желудок сжимается, когда я пытаюсь представить что ему нужно. Я боюсь это сказать, но беру его дрожащую руку и переплетаю наши пальцы.

Он обязан снова быть Вейном.

- Я люблю тебя, - шепчу я.

В груди что-то тянет, когда слова срываются с губ, но они сладки на вкус.

Правда.

- Я так усиленно пыталась не любить тебя, что довела нас обоих до безумия. Но я люблю тебя. И не хочу потерять. Поэтому, пожалуйста, вернись ко мне.

Пожалуйста, не оставляй меня.

Мой голос запинается, и я задыхаюсь рыданиями.

- Ты мне нужен. Мне никогда, никто не был нужен, а ты нужен.

Я глажу его лицо, пока мои слова растворяются в тишине.

Тишина.

Его рыдания прекратились. Словно его встряхнули.

Я задерживаю дыхание, встречая его глаза, боясь того, что там могу увидеть.

Вейн смотрит на меня. Неуверенно. Изнуренно.

Но это снова он.

На глаза наворачиваются слезы.

Он тянется, гладит мои волосы. Вытирает слезы.

- Я действительно потеряла тебя на этот раз, - шепчу я. - Я потеряла тебя так много раз, столькими способами. Я не могу потерять снова.

- Ты и не потеряешь, - обещает он.

Да, потеряю.

Не прижимает палец к моим губам прежде, чем я это озвучу.

- Что бы ты ни собиралась сказать, позволь мне первому.

Он делает прерывистый вдох и самостоятельно садится, втирая песок с лица.

Он берет мои руки.

- Я едва ли сейчас владею собой, и лишь одна вещь не дает мне полностью разрушиться и это ты. Так что меня не волнуют законы, клятвы, или помолвки. Я забочусь о тебе. Я нуждаюсь в тебе.

Мы смотрим, друг на друга, никто не осмеливается начать говорить.

Задерживаем дыхание.

- Я не хочу тебя принуждать, - говорит он мне.

Я знаю, о чем он меня хочет попросить, и я хочу это сделать. О, как я этого хочу.

Но могу ли я? Должна ли?

Я изучаю его руки. Его глаза. Его губы.

Есть в нем, сколько вещей, которые я хочу. Вот именно. Я хочу его. Всего его.

Кто имеет право держать нас вдалеке друг от друга? Кто сказал, что это неправильно? Что мы не принадлежим друг другу, когда все вокруг доказывает, обратное. Есть что-то между нами, что-то более глубокое, чем Силы Бури. Наши законы. Наши клятвы.

Я пыталась это отрицать.

Потому я наклоняюсь вперед. Его руки обхватывают мое лицо, достаточно мягко, чтобы я могла отдернуться, если захочу.

Я не хочу.

Я закрываю глаза и делаю еще один вдох. А затем прижимаюсь к его губам.

Глава 55

Вейн

Все время я представлял этот момент, и я никогда не представлял его правильно.

Ее губы слаще и мягче, и они идеально подходили моим. Все в нас совпадало. Наше дыхание. Наши движения. И жар. Восхитительный огонь, который слегка прошел сквозь мое тело прежде, чем вернуться в нее.

Она цепляется за меня также сильно, как я цепляюсь за нее, ее руки скользят вниз по моей спине, когда я хватаю ее талию и прижимаю ее к себе, так что

между нами нет никакого пространства. Я никогда не позволю ничему разделить нас снова.

Сейчас я знаю, почему они называют это "связь".

Когда мы горим, соединяясь, часть ее сливается со мной. Ее сила. Ее решимость. Ее честь. Они протекают сквозь трещины в моем сердце и заполняют их. Излечивают места, раздавленные и разрушенные насилием. Делают меня целым. Я знаю, что делаю то же самое с ней.

Мы оба были сломанными, неполноценными людьми.

Теперь мы едины.

Никто никогда не поймет меня, как она.

Никто никогда не поймет ее так, как я.

И никто не сможет этого изменить. Мы сплелись воедино и сделались чем-то сильным. Чем-то лучшим.

Мои руки скользят назад к ее лицу, поглаживают ее щеки прежде, чем окунаются в ее волосы. Я хочу распутать ее нелепую косу, позволить шелковистым локонам освободиться, таким образом, они смогут ласкать мою кожу. Но на это не стоит отрываться. Я хочу остаться прямо здесь прямо сейчас. Прижимать ее к себе. Наши губы двигаются вместе в прекрасном ритме. Никогда не отпускать ее.

Одри та, кто, наконец, принимает нас... как будто я знал, что так будет.

Ее грудь поднимается, как будто ей не хватает воздуха, и я усмехаюсь, когда я вижу ее покрасневшие щеки. Свет в ее глазах. Ее пухлые губы.

Я сделал это.

И Боже... я хочу сделать это еще раз.

Я качаю ее лицо в моих ладонях, целую ее снова, на сей раз медленнее. Как будто у нас есть все время в мире. Потому что у нас оно есть. Мы в безопасности. Буреносцев нет и ...

Воспоминания, я пытаюсь не думать о вспышке перед глазами, и все во мне закручивается вверх тормашками и наизнанку. Я отдаляюсь, держа голову, как будто этот уберет мои мысли от шоу ужасов, все еще проигрывающегося в моей голове.

- Что случилось? - спрашивает Одри, поглаживая меня по щеке.

Ее прикосновение немного успокаивает панику.

- Я не могу. Не с...

Она хмурится в течение секунды, и затем я вижу, что она начинает понимать.

Она смотрит на то место, где все произошло.

Даже с добавленной силой из моей связи с Одри, я не уверен, что смогу посмотреть на это... на него. На его безжизненную, сломанную оболочку. Не без возвращения к тому месту, в котором я тону.

- Закрой глаза, - шепчет она, когда меня снова начинает трясти.

Я не спорю. Я зажмуриваюсь и прижимаю руки к ушам. Но я все еще чувствую ветры, которые Одри зовет, чтобы обернуть вокруг тела и убрать его далеко, далеко.

Где-то там другой Буреносец, которого я запустил в небо. Я дрожу, даже притом, что небо очистилось, и жар палит в полную силу.

Я надеюсь, что мы никогда не найдем его.

Я могу согласиться, что я сделал что-то такое. Но я знаю, что это будет преследовать меня вечно. И я не хочу, чтобы это случилось снова.

Это остается большим вопросом.

Я силюсь открыть глаза и взять Одри за руки.

- Что теперь?

- Понятия не имею. Мне нужно поговорить с моей мамой. Я надеюсь, она не... - Она смотрит вдаль.

Я рад. Она пропустила тот момент, где мое лицо окрасилось гневом.

Я не забыл то, что Буреносец сказал мне об Арелле, что она бросила нас во время борьбы. Она сделала целое шоу, утверждая, что она планировала поддерживать нас все время. А затем она сбежала. Она должно быть самый эгоистичный, жалкий трус, которого я...

- Я должна использовать экстренный вызов, - говорит Одри, прерывая мои ядовитые мысли. - Это должно сказать ей, где мы. Также это приведет в готовность Бури.

- Стоп... подожди. Есть экстренный вызов?

Она не смотрит на меня, и ее щеки вспыхивают.

Я сжимаю переносицу.

- Так все это время ты могла просто позвонить Бурям и попросить помощи?

- Это не так просто. Экстренный вызов передает наше точное местоположение всем. Пока Райден точно не знал, где мы были, было слишком опасно использовать его. Но он знает, что мы здесь теперь после всей бури, которую мы вызвали.

Она встает и шепчет призыв Восточному, Северному, и Южному и скручивает их в узор, который кажется знакомым... даже притом, что я никогда не видел, как она делает это прежде. Возможно, это имеет некоторое отношение к нашей связи.

Она складывает чашечкой руки вокруг рта и выдувает мини-циклон, затем шепчет, - *Запустить*.

Воронка сужается до тех пор, пока она не становится похожа на часть веревки. Она проносится в небо настолько высоко, я не вижу, где она заканчивается.

Она садится рядом со мной, и я беру ее за руку.

- Теперь мы ждем.

Я могу придумать несколько способов, как мы можем провести время. Но я знаю, Одри обеспокоена, что ее мать не вернется.

И я пытаюсь решить, что я скажу, когда она придет.

Моя кровь застывает, когда я слышу порыв ветра позади нас.

- Мама, - говорит Одри, вскакивая на ноги.

Я тоже встаю, хватая руку Одри, чтобы удержать ее рядом.

Арелла устремляется к нам.

- Я так волновалась.

- Правда? - Я протягиваю свободную руку, чтобы не дать ей подойти слишком близко.

- Тогда, где ты была все это время?

Арелла останавливается, выглядя в равной степени раздраженной и смущенной.

- Я возвращалась назад. Буреносцы связали меня ветрами и запустили в небо. Мне только удалось остановить мое падение, которое является единственной причиной, почему я жива. И они отправили меня так далеко в пустыню, что это заняло время, чтобы вернуться.

- Заняло время, - повторяю я. - Ты не могла прилететь обратно?

- Вейн, что с тобой? - спрашивает Одри.

- Один из Буреносцев сказал мне, что твоя мать свалила во время борьбы. Удрала, поджав хвост, и бросила нас, чтобы мы справлялись сами.

- Ну, очевидно, что он солгал, - настаивает Арелла, не моргая.

Я скажу о ней одно... она лучше лжет, чем ее дочь. Но она все еще полное дерьмо.

- Правда? Потому что, ты не похожа на кого-то, кто был связан и брошен в середину пустыни. На тебе нет ни царапинки.

Арелла пытается удержать мой пристальный взгляд, но первая отводит глаза. Виновна.

- Я приземлилась в мягкой дюне, - объясняет, наконец она.

- Я фыркаю.

- Серьезно? Это лучшее, что ты смогла придумать?

На ней нет ни песчинки.

- Ты бросила нас? - спрашивает Одри свою мать, ее голос звучит больше грустным, чем сердитым. - Когда ты ушла?

- Я не...

Я перебиваю Ареллу прежде, чем она сможет сказать другую ложь.

- Буреносец сказал, что она убежала, как только они нашли, где мы скрывались... что было благодаря твоей глупой птице, между прочим. Я говорил тебе, что он - злой.

- Гэвин не злой, - говорит тихо Одри, уставившись в даль. Ветры поднимаются вокруг нее, и она закрывает глаза.

Это Восточный ветер поет о нежелательных изменениях.

Одри распахивает глаза.

- Почему Гэвин был там?

Когда никто не отвечает, она поворачивается к ней матери.

- Ты же сказала мне, что пошлешь его домой... и Гэвин никогда не ослушается прямого указания. Так почему он все еще на ветровой электростанции?

- Откуда я знаю?

Край голоса Ареллы не соответствует прохладному, безразличному пристальному взгляду, который она посылает нам. Не так, как она протирает нервно золотой браслет на ее запястье.

Она что-то скрывает.

Одри тоже должно быть это поняла, потому что она убирает руку от меня, делая несколько шагов.

- Гэвин никогда не остался бы, если бы ты отослала его домой. И он никогда не полетел бы ко мне при подобных опасных условиях, если бы не...

Весь цвет уходит с ее лица. Когда она говорит снова, ее голос едва громче, чем бросающиеся ветры.

- Ты послала его ко мне?

- Честно говоря, Одри... я не знаю, что ты...

- Пожалуйста, мама! - Одри делает несколько глубоких вдохов прежде, чем она заговорит снова. - Ты никогда не простишь меня за то, что произошло с папой. Признай это!

Гнев вспыхивает в глазах Ареллы, но безумна ли она или разъярена, Одри поняла это, но мне остается только догадываться.

- Одри...

- Все "примирение", о котором ты говорила вчера вечером, было просто оправдание, не так ли? - прерывается Одри. - Ты спланировала это. Ты хотела использовать Гэвина, чтобы предать меня сегодня... так же, как я предала тебя. Ты хотела, чтобы я умерла, не так ли? Признайся!

Прежде, чем я могу решить что сказать, Арелла начинает смеяться. Это холодный, дразнящий звук, и я не могу решить, хочу ли я заняться ею или удержать Одри подальше от сумасшедшей женщины.

- Это твоя теория? - кричит Арелла. - Тогда ты официально потерялась, Одри. Ты хочешь знать правду? Прекрасно... я расскажу тебе правду. Я сделала то, что ты была слишком слаба, чтобы сделать. Я вызвала прорыв Вейна. Я знала, что это никогда не произойдет, если ты не будешь в смертельной опасности. Таким образом, я сделала то, что должна была сделать. И это сработало... не так ли? Ты говоришь на Западном языке теперь, не так ли?

- Так ты выдала наше местоположение Буреносцам... даже не предупреждая нас? - Мне требуется вся сила воли, чтобы не убрать самодовольную улыбку с ее лица. - Мы почти погибли. И ты сделала это для моего прорыва?

- Для ключа к нанесению поражения самому великому врагу, которого наш мир еще никогда не видел? Я сделала это. Я - защитник, Вейн. Я делала свою работу... так как у моей дочери не было храбрости или умения, чтобы выполнить ее.

- Защитник? - я выплевываю слово. - Тебе чертовски повезло, что у меня был прорыв, потому что, если бы у меня его не было, Одри была бы мертва, а я был бы заключенным у Райдена. Настоящий защитник защитил бы нас. Ты сбежала, потому что ты слаба!

- Ты думаешь, что я слаба?

Она машет руками, и ветры двигаются вокруг нас без произнесения каких-то команд.

Одри пытается отступить, но я стою на своем. Я зову один из каждого из этих четырех ветров и запутываю их вокруг моей руки.

Арелла вздыхает.

- Да... верно. Давай не будем забывать, кто здесь последний чертов Западный ветер.

- Ты можешь знать несколько уловок, но я - самый сильный хранитель у Бурь, - шипит она, как змея, готовая ударить.

- Если ты такая сильная, почему ты не могла спасти нас во время борьбы сегодня? И почему ты не могла спасти мою семью десять лет назад?

Арелла снова смеется, звук, настолько резкий, что он заставляет Одри и меня отпрыгнуть.

- Ты хочешь обвинить кого-то в смерти своих родителей? Тогда ты должен винить мою дочь. Спроси ее, что произошло в тот день.

Одри сдавленно выдыхает, как будто кто-то пнул ее в живот.

Я притягиваю ее к себе, поддерживая ее.

- Она уже рассказала мне, что случилось.

Арелла делает шаг вперед, вспышка просится в ее глазах.

- Действительно? Так она сказала тебе, что вызвала ветер, чтобы спасти Гэвина после того, как Южный ветер сбил его с неба? То, что она заклемила проект своим следом и даже имела наглость не рассказать нам об этом, чтобы мы могли подготовиться? То, что она убила своего отца и твоих родителей? Ты знаешь все это?

Одри начинает трястись.

- Это не твоя вина, - напоминаю я. - Не твоя.

- Я знаю, - говорит она, к моему удивлению, с убежденностью в голосе.

Она отделяется от меня, обходя Ареллу по кругу.

- Я никогда никому не говорила, что это был порыв ветра, который сбил Гэвина с неба. И я никогда не знала, какой порыв это был. Единственным путем, откуда ты могла узнать, что это был Южный ветер, лишь, если ты была там. И если ты была там, тогда ты знали, что Буреносцы идут... и ты не предупредила папу. Почти как...

Она смотрит в небо, когда наблюдает, что ее слова повисают над нами, не уверенная, что с ними сделать.

Нас таких двое.

- Ты хотела, чтобы Буреносцы нашли нас, да? - наконец шепчет она.

Арелла медлит прежде, чем ответить.

Но она знает, что ее загнали в ловушку. Поэтому она вызывающе поднимает брови и отвечает Одри.

- Да.

Глава 56

Одри

Это была не моя вина.

Слова такие чуждые, такие невозможны, я не знаю, как объять их. Чем больше они крутятся вокруг моей головы, тем больше ярости нагнетают.

Вейн жестко пытается удержать меня, но я отдергиваюсь.

- Почему? - кричу я на маму. - Ты убила папу. Убила родителей Вейна.

Позволила мне взять вину на себя, разрушила мою жизнь! Как ты могла это сделать?! Почему ты вообще это сделала?!

- Ты думаешь, что я убила твоего отца? - Она тянется под свою униформу и вытаскивает кулон моего отца, держа его за черный шнур. - Ты думаешь, что я хотела этого? Я любила его. Я выбрала его... из всех мужчин, которые хотели меня. Я связалась с ним.

Она машет своей связью у моего лица, указывая на потертую запятнанную монету, как будто я не знаю то, что она означает.

Ветры раздуваются от ее злости, и она обнимает свою грудь. Дрожа от боли. Я чувствую так много отвращения, что не могу ей посочувствовать.

- Ты позволила Буреносцу найти нас. Ты послала и Южные ветры тоже? Сбила Гэвина в небе, зная, что я спасла бы его?

Мысль заставляет мои глаза вспыхнуть, а мой желудок - отяжелеть. Птицы были наши - единственное, что мы разделяли.

- Ты знала, как сильна наша связь с птицами, ты знала, что я не смогу сопротивляться. Ты спланировала каждую мелочь, по которой я хотела бы взять вину на себя, не так ли?

Некоторая небольшая часть меня хочет, чтобы она это отрицала... она хочет считать, что она не могла быть в ответе за всю боль и потери, за которые я страдала все эти прошлые десять лет.

Вместо этого она отводит взгляд.

- Все, чего я хотела, было, чтобы моя жизнь стала прежней. Наши жизни стали прежними. Наш красивый дом на холмах, обернутый Восточными ветрами, которые успокаивали вместо того, чтобы вызывать стресс. - Она сильно ударяет себя по руке. - Ты понятия не имеешь, что я терплю каждую секунду, и тебе все равно. Никому нет дела. Все только заботятся о том, что мой дар может сделать для них. Только твой отец понимал... и когда мы сблизилась, он обещал, что защитит меня, ослабит бремя настолько, насколько сможет. И он сделал это. Пока его семья не пришла.

Она поворачивается к Вейну.

- Они отказались разделить свой язык, даже после того как мы сделали все, чтобы им помочь. И они оба даже не стали бороться. Заявили, что тренировки причиняют им боль, - ее глаза темнеют, когда она обнимает себя, борясь с дрожью. - Они ничего не знали о боли.

- Вполне уверен, что они чувствовали боль, когда их убивали, - кричит Вейн, удерживая вызванные ветры, готовый ударить ими ее.

Я хватаю его руки, чтобы его остановить. Он мгновение смотрит на меня, а затем отпускает ветры.

Я делаю вдох, пытаюсь разобраться, что мне думать, что чувствовать.

На нас давит летнее солнце, но моя мать дрожит под другими потоками, погружающимися в ее кожу.

- Я не могла так больше жить, - шепчет она. - Следя за ветрами день и ночь. Я умоляла твоего отца бросить назначение. Но он был похож на тебя.

Лояльный к Бурям сверх всякой меры. Ставил его клятву превыше всего. Превыше меня. Таким образом, я нашла другое решение.

Мои пальцы сгибаются в когти, и я хочу наброситься на нее.

- Твое решение убило любимого!

- Нет, дорогая, это была ты.

Слова бьют меня, и я шагаю назад, Вейн придерживает меня.

- Я все тщательно спланировала, - настаивает она. - Я предложила Райдену соглашение - Вестоны в обмен на свободу для моей семьи. Послала сообщение, скрытое в ветре и ждала. Я почувствовала момент, когда он получил его, и ветры сказали мне, что он его принял. Таким образом, я начала выдавать наше местоположение... потом я предупредила всех прямо

перед тем, как они догоняли нас, и мы бежали. Я хотела убедить твоего отца, что мы всегда будем слышать их прибытие, таким образом, он подвел свою охрану. И я была осторожна. Я нашла способы намекать Райдену, и чтобы он не мог проследить их до меня. Я знала, что твой отец не поймет.

- Потому что ты предательница!

Она меня словно даже и не слышит. Ее мысли где-то в другом месте, пока она трет птицу на манжете, глядя в пустоту между нами.

- Я сделала все, что могла, чтобы спасти мою семью. Я убедила твоего отца начать есть, потому он был слишком слаб для борьбы. Я использовала тебя, чтобы выдать нас, так как знала, что он сможет тебя простить. И я думала, что ощущение собственной вины сделает тебя более послушной.

- Послушной?! - кричит Вейн. - Ты подставила свою дочь... позволила ей взять на себя вину...

- Она виновата, - глаза моей матери фокусируются на мне. - Когда пришел Буреносец, я почти убедила твоего отца бежать - почти убедила оставить Вестонов, так как мы бы не были достаточно сильны, чтобы их спасти. Но затем ты побежала прямо в бурю. Вот тогда все посыпалось. Твой отец пошел спасать тебя, но буря поймала в сети и его. Потому я пробила себе путь к Буреносцу, чтобы вытребовать ваше освобождение, а он сказал, что ему велено меня убить.

- Ты это заслужила, - выплевывает Вейн. - Вообще-то, я думаю, что все было так, когда это случилось. Я видел, как ты боролась. Прямо перед тем, как он ударил тебя и вышвырнул из бури как мусор.

- Он не ударял меня.

- Правда? По крайней мере все выглядело так с того места где я стоял. Ты сделала причудливое движение запястьем несколько раз, и разозлила его – Но он все еще был в состоянии отшвырнуть тебя со своего пути.

- Потому что ты меня отвлек. И я сделала ему больно такими способами, каких ты даже, и представить себе не можешь.

Холод в голосе матери замораживает мою кровь.

Она царапает кожу снова, и впервые я вижу боль, какая она на самом деле. Яд утопил ее.

Я боюсь знать, как далеко это распространилось.

- Вейн? - спрашиваю я, едва способная произносить слова. - Скажи мне, что ты видел.

Он хмурится, когда вновь вспоминает.

- Я видел, как Буреносец напал на твою мать. Сначала она проигрывала, но потом она щелкнула запястьем и свалила его ветром. Затем он сделал себе неразрушимое торнадо ветров, так что она щелкнула рукой и напала на другого Буреносца. Именно тогда он разозлился и откинул ее далеко, таким образом, он мог помочь своему другу.

Пятна танцуют перед моими глазами, и я не хочу ничего больше слышать. Но я должна знать.

- Почему ты думаешь, что это был другой Буреносец?

- Я слышал как закричал мужчина где-то в отдалении, после того как она дернула рукой. Кто еще это мог быть?

Я качаюсь на ногах, жалея, что я не могу упасть на землю и никогда не встать снова. Чтобы не говорить Вейну правду.

- Был только один Буреносец, - говорю я, вынуждая себя смотреть на мою мать. Она смущает меня, как будто она знает то, что я думаю и приказывает, чтобы я ничего не говорила. Но она больше не может скрывать свою тайну. Я всегда задавалась вопросом, почему все шло так неправильно в тот день... как два дерева могли случайно пронзить родителей Вейна после того, как они были схвачены. Буреносец никогда не позволил бы ничему подобному произойти с драгоценным грузом Райдена.

Но поворотом запястья моя мать могла послать те зубчатые ветви куда угодно, куда ей захотелось.

- Ты убила Вестонов, не так ли? - шепчу я.

Вейн втягивает воздух.

Моя мать даже не вздрагивает, прежде чем ответить.

- Я предала Райдена так же, как он меня.

Ее слова образуют кашу в моей голове, крутятся и стучат, когда я борюсь с ними, блокируя их - отказываясь их принять. Но правда всегда находит способ укорениться.

Я ищу на лице моей матери признаки вины или сожалений - или даже безумия вызванного ядовитым подарком.

Но она выглядит... пустой.

И ее голос напрочь лишен стыда, когда она добавляет:

- Они бы никак не пережили допроса Райдена. Они были бы точно так же мертвы, но другим путем.

- И только поэтому ты помогла их убить! - кричит Вейн.

- Они не заслуживали моей защиты, - отрезает она. - Они были слабыми... и слабыми по своему выбору. Я заботилась о них. Все, чего я хотела, это забрать мою семью оттуда. И это то, что я попыталась сделать. Но мой муж не оставил бы тебя. Он пожертвовал собой, чтобы спасти ничего не стоящего маленького мальчика. - Она кидается на Вейна.

Я отдергиваю его от нее и толкаю ее назад, царапая ее кожу.

Моя мать смеется, глядя на кровавый след, который я оставила на ее голой руке.

Смеется.

Холодный, пустой звук разрушает последние иллюзии, которые она обернула вокруг себя, показывая мне, кто она на самом деле... или кем стала.

Убийцей.

Должно быть, она увидела эту мысль на моем лице, потому что ее глаза сужаются, и она тянется, развязывая узлы ее косы и позволяя волосам свободно упасть.

- Я предполагаю, что это означает, что мы сделали предположение. И я защищала тебя.

- Защищала меня? Ты ничего не делала, кроме как принижала и игнорировала...

- Не тебя, Одри, ты уже получила больше, чем заслужила - вдохнула дар отца. Но я защищала его.

Вейн заливается лающим смехом, что звучит истерически. Я хватаю его руку, чтобы остановить его, когда он двигается к ней.

- От чего ты защищала его? - спрашиваю я.

- Райден хотел меня убить. Я не могла рисковать терять поддержку Бурь. Кроме того, у Вейна есть то, что хочет Райден. Таким образом, я стерла его воспоминания в том случае, если он видел слишком много, и скрыла его. Позволяя тебе следить за ним, так ты была в моем поле зрения... и я голосовала против тебя, чтобы ты была его защитником, таким образом, тебе было бы сложно доказать, что я неправа. Я ждала его Западного прорыва. И теперь это, наконец, произошло. Я могу, наконец, отомстить Райдену.

- Я никогда не стану тебе помогать! - рычит Вейн и тянется к ветрам.

- О, я думаю, станешь, - говорит она ему. - Я знаю, как до тебя добраться.

Моя мать делает размытое движение, когда зубчатая часть ветряной мельницы двигается ко мне, проносясь в дюйме от моей головы.

Пару секунд занимает осознание факта, что моя мать только что пыталась меня убить. Затем я отталкиваю Вейн с пути и запускаю дробилку.

Толстая труба врезается в нее, сжимая ее в талии так, что ее глаза выпирают.

Но моя мать создает шип ветра и наносит удар ветрам, вырываясь на свободу.

Она выпускает шип в Вейна.

Я толкаю его, и шип проносится над нашими головами, когда мы приземляемся на песок. Обломки и мусор сыплются вокруг нас.

- Ты в порядке? - спрашиваю я, осматривая его на предмет ран.

- Да. А ты?

Я слышу следующий ветряной шип и откатываю нас с пути. Песок взрывается повсюду.

- Ты так же безнадежно любишь, как он, не так ли? - Она вновь начинает смеяться, создавая очередной шип. Вейн едва успевает подняться. - Возможно, тебе придется почувствовать, на что похожа потеря того, кто интересуется тебя больше всего!

Вейн начинает призывать к нам ветры, но я прижимаю руки к его губам, чтобы заставить молчать.

Я не хочу, чтобы он дрался.

Кроме того, это моя битва.

Я вскакиваю на ноги, отправляя другую дробилку в свою мать.

Она уклоняется от воронки с неестественной грацией и скоростью.

- Какой у тебя план, Одри? Ты не можешь равняться мне... даже с даром твоего отца. Я всегда была сильнее. - Она щелкает обеими запястьями, бросая больше развалин ветряной мельницы. Мне едва удается вовремя прятаться. - Ты не можешь остановить меня.

Она права. Ее дар дает ей преимущество в любой битве.

Но она и не права.

Она не знает мой секрет.

Вейн и я связаны. И когда мы соединились, он заполнил мое сознание единственным словом - словом, которого до этого момента я не понимала.

Мир.

Я знаю Западный язык.

Никогда не слышала о связи, позволяющей людям делить языки. Но у нас она есть.

Так я вплетаю самый близкий Западный ветер в мой следующий вихрь и швыряю его в мою мать со всей силой, с которой я могу справиться. Потом еще. И еще.

Один за Вестонов.

Один за отца.

Один за Вейна.

Она падает, закрывая голову, крича от боли, когда бросающиеся ветры рвут ее одежду, ее волосы, ее кожу. Красные реки крови текут по ее лицу и застывают в песке. Тем не менее, я бью ее, развязывая десять лет скрытого гнева. Я срываю кулон отца с ее шеи. Она не имеет право оплакивать его. Все. Закончиться. Сейчас.

Я смотрю на грязное, кровавое, бессознательное лицо матери, когда я сплетаю эти четыре ветра в шип, точно так же, как Вейн делал прежде. Он чувствуется холодным в моей руке.

Мертвым.

Я возвышаюсь над сердцем своей матери.

Глава 57

Вейн

На секунду я слишком ошеломлен, чтобы двигаться.

Одри говорит на Западном языке?

Затем реальность восстанавливается, и я встаю на ноги.

Она оскорблена и возмущена, и имеет полное право злиться на свою мать. Но я бросаюсь на нее, отбивая ветряной шип.

Я сжимаю ее в объятиях, когда она рвется на свободу.

- Эй, - выдыхаю я. - Это я, ладно? Это я.

Она замедляется, достаточно чтобы просто реально посмотреть на меня, и ее ярость исчезает.

- Это моя девочка.

- Отпусти меня, Вейн... я должна...

- Убить свою мать? Я знаю, что она этого заслуживает, но неужели ты думаешь, что смогла бы выжить сама по себе? Ты говоришь на Западном языке, Одри. Ты думаешь, ты смогла бы с этим справиться?

- Я - Восточная.

- Но теперь ты - часть меня. Так что лучше тебе быть очень внимательной, потому что ты находишься в нескольких метрах поворота всей твоей жизни. Чего я предпочел бы, чтобы ты не делала. Я, как бы смотрю вперед, чтобы нам быть вместе. Делаю это весь день. С перерывом на ужин. Затем снова выступаю всю ночь. Но если ты хочешь потратить все на нее... если она стоит этого... Я не буду тебе мешать.

Я отпускаю ее плечи.

Она смотрит в сторону. Слезы плещутся в ее глазах.

- Я знаю. Поверь мне... я знаю. Она убила мою семью. - Я пинаю землю, когда говорю это, стараясь проглотить ярости. - Оно того не стоит. Не стоит. Я гляжу на браслет на моем запястье... все, что мне осталось от моих родителей после того, как Арелла украла их у меня... но и интересно, если это действительно правда. Но стрелка на компасе по-прежнему указывает на Запад, напоминая мне о моем наследии.

Насилие - это не ответ.

Одри опускается на землю и прижимает колени к груди. Я притягиваю ее к себе, когда она рыдает. Я поглаживаю ее лицо, ее руки. Вытираю слезы, пыль, высушенную кровь. Пытаясь сделать ей лучше.

После, черт знает, сколько времени, она, наконец, смотрит на меня. Ее глаза, опухшие и красные... но она все еще великолепна.

- Что теперь, - шепчет она.

У меня есть чувство, что вопрос будет продолжать преследовать нас.

- Силы Бури придут сюда, верно?

Она кивает.

- Тогда, я думаю, ты должна уйти. - Я указываю на скомканное тело ее матери. - Ты действительно хочешь в одиночку рассказать им что сделала твоя мать?

Она смотрит на Ареллу... сразу же, прикрывая рот рукой, как будто она себя плохо чувствует. - Они должны будут расспросить меня в любом случае.

- Зачем? Я могу все объяснить. Пожалуйста, позволь мне позаботиться об этом за тебя. Тебе будет нелегко свидетельствовать против твоей мамы.

Особенно потому, что я предполагаю, что у твоей армии есть довольно серьезные наказания для убийц.

Она съеживается от слов, и голос ее дрожит, когда она говорит, - Они посадят ее в ловушку глубоко в землю, вдали от порывов, пока ее форма ветра не увянет и не разрушиться. Я слышала, что эта боль, гораздо хуже, чем смерть

Я сжимаю ее руки.

- Она этого заслуживает.

Она ничего не говорит.

Я даю ей минуту, чтобы собраться, но я не могу оторвать глаз от неба. Бури могут быть здесь в любую секунду.

- Ты достаточно пережила, Одри. Позволь мне справиться с этим.

- Но я твой защитник. Если они подумают, что я бросила тебя...

- Я скажу им, что ты ищешь других Буреносцев. Убеждаешься, что они...

Я не могу сказать это.

Я сосредотачиваюсь на ветрах, позволяя Западной мирной песни успокоить меня.

- Ты собираешься рассказать им о нас? - шепчет Одри.

- Нет.

Она вздыхает с облегчением, когда я даю правильный ответ. Но потом она напрягается.

- Моя мама знает.

- Как? Она ничего не видела. Кроме того, разве они действительно поверят, что мы преступили закон?

- Нет, - признается через секунду она. Она все еще нервничает.

- Мы что-нибудь придумаем, - я обещаю. - Мне просто необходимо продумать несколько вещей.

Я все еще пытаюсь переварить полученную информацию, но... У меня есть ощущение, что я и Одри уже каким-то образом объединились.

Когда Одри и я были детьми и прильнули, друг к другу после бури, что-то произошло между нами. Прилив тепла. Вроде того, который произошел сегодня, когда мы поцеловались... но совершенно по-другому. Больше, похожее на то, что мы черпаем силы и поддерживаем друг друга.

Может быть, это другой вид связи?

Это могло бы объяснить искры, которые мы чувствуем, когда прикасаемся друг к другу, и то, как я смог увидеть ее во сне.

И это будет означать, что Одри не сделала ничего плохого сегодня, поцеловав меня. Мы были уже связаны, задолго до того, как Бури назначили свою маленькую помолвку.

Только я не верен, что это так. Но это возможно.

- Ты должна уйти, - говорю я ей, помогая ей сесть

- Ты уверен, что с тобой все будет в порядке?

- Со мной все будет хорошо. В самом деле, я с нетерпением жду, наконец, встречу с этими твоими Бурями. У меня есть несколько вопросов к ним.

Она грустно улыбается.

- Не отправляй себя в ссылку.

- Пожалуйста... Я последний Западный. Я - золото.

Ее улыбка исчезает.

- Я буду в порядке. - Я кладу руку на ее щеку, поворачивая ее лицо ко мне.

Готовясь поцеловать ее на прощание.

В последнюю секунду я меняю решение и целую ее в лоб. Это не время, чтобы попрощаться. Я никогда снова не скажу, прощай.

- Увидимся, - шепчу я.

- Как же ты доберешься домой? Ты до сих пор не умеешь летать.

- Бури подвезут меня. Они должны мне. Теперь иди. Вымойся. Без возражений... тебе это нужно.

Она улыбается, на сей раз по-настоящему, и пихает меня.

- Ты очень грязный.

- Ты любишь это во мне.

Ее лицо становится серьезным.

- Люблю.

Мое сердце взрывается, и я готов изменить свое решение и поцеловать ее на прощание, как ни разу не целовал ее на прощание раньше. Но она зовет группу Восточных ветров. Наши глаза встречаются, когда она заворачивает порывы вокруг себя и медленно уплывает прочь.

Мама Одри не шевелится, но я наматываю несколько Западных ветров вокруг ее рук и ног только, чтобы обезопасить. Потом я сажусь на корточки в

тени ветряной мельницы и смотрю в небо. Ветры бросаются вокруг меня, заполняя воздух песнями, задающими тот же самый вопрос в моей голове. Что теперь?

Я не знаю.

Но... может быть, мне и не нужно знать. Я люблю Одри. Она любит меня. Мы пережили шторм. Мы наконец-то знаем правду о нашем прошлом.

Разве этого не достаточно?

- Кто ты? - спрашивает мужской голос, и я чуть ли не мочусь в штаны.

Я поворачиваюсь лицом к высокому человеку, одетому в такую же черную униформу, как и Одри.

Силы Бури.

Его темные волосы до плеч убраны в замысловатую косу, бегущую по одной стороне его узкого лица с широко раскрытыми глазами... но половина его волос остается свободной. Может быть, это значит, что он особенный. Что было бы здорово, потому что у меня есть некоторые требования к ним.

- Вейн Вестон, - говорю я, встаю и предлагаю руку для рукопожатия. - Может быть, вы слышали обо мне?

Его глаза расширяются, и он поворачивается к лежащей без сознания Арелле.

- Что случилось?

- Лучше найти место. Нам нужно о многом поговорить.

Глава 58

Одри

Я не собираюсь возвращаться в дом моей матери. Я никогда не хотела бы увидеть его снова. Но ветра, казалось, направляют меня туда. Будто они что-то просят меня найти.

Я стою в тени дуба, где я поклялась Бурям. Клятва, которую я нарушила.

Как я обойдусь без твердой структуры, проходящий через мою жизнь?

Что мне осталось?

Вейн.

Я чувствую, что должна добавить вопросительный знак в конце его имени.

Каждая мысль вокруг него - вопрос.

Как мы можем быть вместе?

Как мне впустить его?

Как у меня может быть что-нибудь нормальное, когда моя жизни была разорвана на кусочки, вывернута наизнанку, разрисована разными цветами и собрана в порядке, который я не знаю?

Как?

Жара начинает душить меня, так я могу проделать свой путь к темному, скрипучему дому. След моей матери висит так сильно в воздухе, как будто она здесь.

Призрак. Тень. Следует за каждым моим шагом.

Мои руки касаются холодных стен, когда ядвигаюсь к пустому холлу. Ведя меня к одной вещи, которую я должна увидеть.

Перезвоны ветра нависают над столом, все еще тихие. Задушенные.

Я подхожу и сдвигаю их с крючка, мои глаза горят, когда колокольный звон приходит в движение. Я пробегаю пальцами по замысловатым гравюрам моего отца, сделанным изящного черного дрозда.

Это было то, как он видел мою мать.

Красивой.

Дикой.

Совершенной.

Рыдания душат меня, как только я вытаскиваю его кулон из кармана, и мои слезы капаят на черный шнурок. Но мне не повредит выпустить их наружу. Впервые, я рада, что он ушел. Он не должен видеть ее такой, какая она на самом деле.

Или может быть, он знал.

Может быть, он увидел что-то во время шторма. Может быть, поэтому он послал свой дар мне вместо нее. Он знал, что я хотела бы использовать это во благо.

Я никогда не узнаю наверняка.

Но я надеюсь, что нет.

Я надеваю кулон вокруг шеи черного дрозда и завязываю узлом шнурок.

Позволяя ему покоиться на вырезанной версии того, кого он любил.

Теперь пришло время, чтобы освободить его.

Я стряхиваю пыль с моих ног, когда я отступаю по коридору и переступаю порог. Затем я закрываю дверь, как главу моей жизни, и шагаю в ветры.

Воздух наполнен Восточными ветрами, и когда я останавливаюсь, я слышу одну песню, к которой всегда прислушиваюсь. К песне, которую я иногда воспринимаю за шепот моего отца

Я ловлю перезвоны ветра и соединяю их с карнизом на крыльце, позволяя мелодии звенеть. Мягкий, знакомый звук наполняет воздух, и я понимаю, что я задаю себе неверный вопрос.

Не как?

Когда?

Я не знаю ответа на этот вопрос. Но я знаю, что это не сейчас. И в этом вся разница.

Я была в клетке и молчала в течение десяти лет.

Пришло мое время спеть.

Я тянусь и развязываю мою косу, волосы освобождаются. Волнистые пряди болят, когда я приглаживаю их к голове. Но боль длится всего минуту. Потом я свободна.

Я стягиваю куртку с плеч и провожу руками по плотной ткани.

Я больше не защитник. Время быть собой... кем бы я ни была.

Так я зову три Восточных ветра и даю каждому порыву одну команду, держаться, когда я наматываю их вокруг моей куртки. Я плотно заворачиваю пакет... затем отправляю его в небо и позволяю ветру унести его.

Вейн поймет.

Я надеюсь.

Слезы появляются у меня в глазах, но я заталкиваю их обратно.

Это мой выбор. Первый выбор, который я делаю для себя... только для себя... с тех пор, как я помню.

Второй приходит сейчас.

Я зову Восточный ветер, пропитанный песней моего отца, и наматываю его вокруг себя, готовая позволить ему унести меня в облака. Но это не то, в чем я нуждаюсь.

Я отсылаю его прочь и тянусь к Западному ветру.

Гладкий, нежный порыв мчится по моей коже, и я открываю мой разум его незнакомой песне.

Она звучит как отдых. Надежда.

Прошу порыв забрать меня, напевая те мелодии, которые я пела с моим отцом.

Я не знаю, куда я иду. Но пришло время найти свой мир.

Глава 59

Вейн

Мой диалог с защитником длился дольше, чем я планировал.

Он не хотел признавать, что его Бурям не удастся больше управлять моей жизнью. Но затем я показал ему несколько моих вновь открывшихся трюков, и он понял, что не может контролировать меня. Не говоря уже о том, что Бурям я нужен... больше, чем когда-либо. Так что я выставил несколько требований, номер один из которых было немедленное прекращение моего обручения.

Я не сказал ему, зачем, и меня не волнует, если он догадается. Главное, чтобы он согласился.

Я также остаюсь с родителями.

На что он согласился сразу... сказал, что было важно казаться сильным. Не надо больше бегать. Не надо больше скрываться. Бури создадут лагерь в дюнах, чтобы поддержать меня. Но теперь, когда у меня был четвертый прорыв, пора выступать. Они ожидают, что Райден во всяком случае пока спрячется. Он будет ждать, чтобы посмотреть, что я могу сделать, насколько мощный я, прежде чем он нападет снова.

Так, что я в безопасности.

Пока.

Наверное, это лучшее, что я получу, когда Райден так заинтересован. Пока он не ушел. И Бури все еще ждут, что я буду тем, кто уничтожит его. Я не знаю, что делать с этой сумасшедшей информацией, но я решаю, что она не имеет значения. Я буду иметь дело с ним, когда настанет время. Ни секундой раньше.

Солнце уже село, и небо светится оранжевыми и красными цветами, когда я вхожу в мой двор. Дом темный. Я должен позвонить родителям и сказать им, что я в безопасности... что они могут вернуться домой. Но только тогда, когда я поговорю с Одри.

Я проверяю все внутри, полу надеюсь, что застану ее на середине душа. Или она будет лежать в моей постели. Но комнаты тихие. И пустые.

Я закатываю глаза на упрямство Одри и взлетаю к верхушкам деревьев. Если она думает, что сегодня я позволю ей спать в куче кишасших насекомыми опавших листьев, она выжила из ума.

Роща шумит. Когда я бегу. Слишком тихо.

Я зову ее, когда вижу разбитые, бледные стены дома.

Она не отвечает.

Я медленно останавливаюсь и сосредотачиваюсь на ветрах, идущих по ее следу. Наша связь делает эту связь настолько сильной, что я чувствую физический рывок в желудке, привлекающий меня к ней. Но сейчас это тянет меня на два пути. Маленькую, слабую часть меня манит вниз к сожженному дому. Остальную часть меня уводит. Я не могу сказать, куда или почему. Но это - где-то на западе. Далеко за пределами моей досягаемости.

- Одри, - снова зову я.

Все еще нет ответа.

Листья - а может букашки - хрустят под ногами, когда я вхожу в дом, и это единственный звук, который заполняет пустое, безжизненное пространство.

Пока не начинает вопить Гэвин.

Мое сердце сбивается, и я ругаю глупую птицу, когда она хлопает крыльями на своем насесте у подоконника. Его оранжевые глаза-бусинки почти красны при взгляде на меня, и нет сомнений, что его интересует то же, что и меня.

Где Одри?

Потом я замечаю пузырь ветров, плавающий в углу.

Ее след пронизывает каждый поток, а в центре парит что-то темное. Мой желудок сжимается.

Я подхожу ближе, уверяя себе, что это не то, что мне кажется. Но я могу рассмотреть золотые пуговицы через движущиеся воздушные потоки... Возможно, это некоторый тщательно продуманный стриптиз Странников ветра, пытаюсь убедить я себя, когда я подхожу к ветру, чтобы схватить куртку. Но я могу почувствовать, как все во мне тонет, когда ветры разматываются и проходят по моему лицу. Они шепчут эти три слова, которые она оставила мне как сообщение.

Буду. Дома. Скоро.

Я слишком хорошо ее знаю, чтобы не понять значение. Особенно когда все еще ощущаю ее притяжение в ветрах. Скользящее все дальше на запад с каждой секундой.

Как она могла улететь, не попрощавшись? Не давая мне шанса, умолять ее остаться?

Боль стреляет через мою руку, когда я бью стене, но это проще, чем пустая боль, разрывающая меня, нас части.

Я опускаюсь на пол, когда Гэвин летит к ближайшему дереву... от сумасшедшего мальчика.

- Почему она ушла? - спрашиваю я ночь, ветер, и глупую птицу.

Никто не отвечает.

Затем мои глаза блуждают к скомканной груде листвы... в постели, где она спала в течение десяти лет. Я вдыхаю липкий, пыльный воздух, она потела каждый день, пока я отдыхал в моей спальня с кондиционером.

Она ничего не делала, но жертвовала ради меня. Я могу винить ее за то, что она хочет отдохнуть от всего этого? Даже от меня?

Могу. Но я стараюсь понять.

Плюс, она оставила мне обещание.

Буду дома скоро.

Она вернется. Скоро.

Я касаюсь ее следа, чувствуя, как приятно тянет под ложечкой. Она связана со мной. Всегда связана. Будет несложно ее отыскать, если я захочу ее вернуть.

Но я буду ждать.

И. Эй... по крайней мере, я не единственный, кого она оставила.

Я вливаюсь взглядом в ее немую птицу, и он яростно смотрит мне в ответ.

По крайней мере, она тоже его бросила. Хотя, теперь я застрял с ее раздражающим питомцем.

Гэвин машет крыльями и визжит, как будто он думает о том же.

Я закатываю глаза.

Затем я зову проходящий Западный и добавляю мои собственные слова к его песни. Я привязываю проект к ее следу и отправляю ветер прочь, давая ему дотянуться до нее в своем собственном темпе.

Я буду скучать по тебе.

Я ждал ее десять лет.

Я буду ждать столько, сколько потребуется.

Я надеюсь, что она найдет то, что ищет. До тех пор, пока она это делает, я буду здесь. Один, под спокойным небом. В ожидании ветра, чтобы вернуться.